

W

z. 3

36

437

438 437
ИЗЪ УКРАИНЫ.

СКАЗКИ И ПОВѢСТИ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ III.

ПОВѢСТИ И ОЧЕРКИ.

9. Старосвѣтскій маляръ изъ Борисовки. — 10. Чумаки. —
11. Былое и новое. — 12. Изюмскія вечерницы. — 13. Дѣвочка.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Торговаго Дома С. Струговщикова, Г. Похитонова,
Н. Водова и К^о.

1860.

СВЯТЫЙ ПОВЕЛЕНІЕ

Т. П. ДАНИЛЕНКО

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 2 Декабря 1859 года.

Ценсоръ *Обертъ*.

Ценсоръ *Бекетовъ*.

ПОВЕЛЕНІЕ И ОУКАЗЫ

2007052577

IX.

СТАРОСВѢТСКІЙ МАЛЯРЪ

ИЗЪ БОРИСОВКИ.

«Ты куколка, я куколка,
«Ты маленькая, я маленькая;
«Прійди ко мнѣ въ гости!»

(*Старинная пѣсня*).

I.

Было знойное лѣто. Среди неоглядной стени, по гребню высокаго косогора, ѣхали, заснувши на возахъ, два хуторянина, одинъ молодой, а другой старый, одинъ въ сѣрой короткой свиткѣ, а другой въ зеленомъ долгополомъ кафтанѣ, одинъ въ Крымъ, а другой изъ Крыма. Ѣхали, ѣхали хуторяне и сцѣпились возами...

Странники проснулись на возахъ, окинули другъ друга взоромъ и, слегка приподнявшись, принялись молча погонять — молодой пару воловъ, а старикъ сытную и коренастую лошаденку.

Возы не трогались съ мѣста. Посыпались отрывочныя восклицанія.

— А! чтобъ тебѣ всякая всячина! — произнесъ старикъ, зѣвая и потягиваясь.

— Ишь, колодою развалился и не сворачиваетъ, — замѣтилъ молодой, также зѣвая и потягиваясь.

— А ты что губы развѣсилъ? вѣрно тетку схоронилъ? — прибавилъ старикъ и, спустившись съ воза, принялся копать около колесъ.

— Ты вѣрно тетку схоронилъ! — произнесъ молодой, помолчавъ и усаживаясь на окраинѣ воза, очевидно занятый бесѣдою: — у тебя вѣрно тетка умерла, да и отецъ твой пьяница!

— Какъ пьяница? — съ удивленіемъ спросилъ старикъ: — врешь ты! Не отецъ мой пьяница, а ты пьяница! Синяки-то подъ глазами гдѣ взял?

Тотъ, къ кому относилось замѣчаніе о синякахъ, точно былъ ими украшенъ; подъ лѣвымъ глазомъ его сидѣлъ синякъ, величиною съ пятакъ, и такъ часто гостилъ подъ его глазомъ, что его скорѣе можно было принять за родимое пятно, чѣмъ за синякъ. Молодой хуторянинъ привскочилъ на мѣстѣ.

— Пьяница? Я пьяница? А! чтобъ же твоя жінка была воровкою, чтобъ ты самъ проворовался, да еще пусть тебя поймають и отдеруть!

— Это тебя вѣрно отдеруть! — замѣтилъ старикъ,

безуспѣшно потягивая за колесный ободъ и очевидно теряясь отъ грома причитываній своего противника.

— Меня? Ахъ, ты подошва старая! Враги тебя родили, и на крестинахъ у тебя были, и одѣвали тебя, и выкормили, и въ свѣтъ пустили!

— Чтобъ тебѣ было пусто! — произнесъ старикъ, тщетно подергивая за колесный ободъ.

— Да еще и жида тебѣ съ-родни! и дядя твой жидъ, и дѣдъ твой жидъ, и весь вашъ хуторъ жида!

— Чтобъ тебѣ было пусто! — уже едва слышно сказалъ старикъ, не зная, куда и дѣться отъ брани молодого, который гремѣлъ, какъ труба, сидя на окраинѣ воза.

Молодой не уgomонился и еще прибавилъ:

— Чтобъ ты высохъ, какъ стручекъ; чтобъ ты кашлялъ и ходилъ, какъ утка; чтобъ на тебя, въ злую зиму, въ самую метель, посреди степи, лихорадка напала, кобыла твоя распряглась, поясъ лопнулъ и руки окоченили...

Старикъ окончательно растерялся, выпустилъ ободъ и съ изумленіемъ замѣтилъ:

— Ахъ, какъ же вы такъ удивительно ругаетесь!

Хуторяне развели возы, приподняли шапки и молча разѣхались. Одинъ опять направилъ свой путь въ Крымъ, а другой поѣхалъ опять изъ Крыма, и скоро отлогій косогоръ остался у каждаго за спиною. Странники раскинулись на возахъ и заснули. — Когда они

снова открыли глаза, была уже ночь, возы ихъ стояли гдѣ-то, передъ низенькою хатою, и стояли, къ удивленію ихъ, опять сцѣпившись колесами... Дѣло въ томъ что, по странному случаю, эти возы вторично сбились съ дороги блуждали по дикимъ пустырямъ и, понавъ подъ вечеръ на узкую, торную тропинку, снова столкнулись у крыльца степнаго шинка. Молча покачали путники головами и слѣзли съ воевъ. «Надо ночевать тутъ!» сказалъ одинъ изъ нихъ. — «И то правда! надо ночевать!» прибавилъ другой. Хуторяне распрягли воловъ и отправились сперва въ хату. — «Мы лучше заснемъ на возахъ!» рѣшили хуторяне и улеглись подъ открытымъ небомъ.

Скажемъ теперь, кто таковы были путники, такъ странно сведенные судьбою. Младшій былъ чумакъ, Омѣлько Брусъ, въ большихъ обозахъ и въ одиночку ѣздившій лѣтомъ за солью, а зимою, съ утра до ночи, лежавшій на пѣчи, въ своемъ хуторѣ. Старшій... но о старшемъ надо сказать подробнѣе! Старшій былъ *старосвѣтскій маляръ*, изъ Борисовки, по имени Юхимъ Сѡяшница. Старосвѣтскіе маляры нынче перевелись; но въ Борисовкѣ еще ко-гдѣ ихъ встрѣтишь. Сѡяшница былъ украшеніемъ и гордостью Борисовки; его носили на рукахъ. Это былъ худенькій, низенькій человѣкъ, совершенно сѣдой и обстриженный въ кружокъ, въ зеленомъ длинномъ кафтанѣ изъ набойки и въ синемъ жилетѣ. Жилетъ его былъ съ непомѣрно-глубокими карманами, куда акурат-

ный Сѡяшница собиралъ все, что ни попадалось: ему стоило только опустить въ эту кладовую руку, и оттуда появлялись иголка съ нитками, наперстокъ или мѣдная гребенка, ножницы, сломанный циркуль, пуговка, клочекъ сукна, пуля. Сѡяшница брилъ еженедѣльно затылокъ, почему его иногда принимали за кучера; носилъ большой отложной воротъ рубахи, читалъ по воскресеньямъ Апостолъ и любилъ, ставши на клиросѣ, подтягивать тоненькимъ дискантомъ соборнымъ пѣвчимъ. Въ слѣдствіе разныхъ тревогъ въ жизни, Сѡяшница, и прежде ѣздявшій довольно часто съ работою по сосѣднимъ слободамъ, рѣшился бросить совершенно родимую Борисовку, вблизи которой родился на слободскомъ хуторѣ, и кончить вѣкъ въ работѣ по добрымъ людямъ...

Чуть крикнули пѣтухи, путники уже проснулись. Но прежде проснулся маляръ.—Вѣтеръ колыхалъ пучекъ бѣлой ковыли на длинномъ шестѣ корчмы и стая скворцовъ съ шумомъ летѣла на ближнюю поляну, засѣянную горохомъ. Роса блестѣла по травѣ. Издалека неслись звуки церковнаго колокола. Въ полѣ раздавалось веселое ржанье жеребенка. Два коршуна неподвижно стояли уже въ воздухѣ, высоко-высоко осматривая землю. Маляръ сталъ противъ восходящаго солнца, оѣнивъ глаза рукою. Онъ молчалъ. Грудь его дышала неровно, но въ маленькихъ карихъ глазкахъ его отражалось такое спокойствіе

и такая безмятежность, что никто бы не повѣрилъ, что ихъ хозяину давно стукнуло семьдесятъ лѣтъ.

— А знаете, оно бы хорошо было вышить!—раздался голосъ за спиною маляра. Сѣяшница обернулся. Передъ нимъ стоялъ, протирая глаза и зѣвая во весь ротъ, его вчерашній знакомецъ, Омелько.

Шаравары Омельки были до-того вышачканы дегтемъ, что ихъ можно было принять за фартукъ дегтярныхъ заводчиковъ, и изъ двухъ ногъ его одна была въ сапогѣ, да и тотъ, распоротый у подошвы, зѣвалъ, какъ окунь, пойманный на удочку.

— Вышить, такъ и вышить!—рѣшилъ маляръ.

Шинкаръ вынесъ водки. Путники потребовали хлѣба и сѣли подъ возами. О встрѣчѣ и перепалкѣ прошлаго дня не было и помину. Первый налилъ чарку Омелько Брусъ.

— Будьте здоровы!—сказалъ онъ и осушилъ сперва одну чарку; потомъ покривился, сплюнулъ, подумалъ, покачалъ головою, выпилъ еще чарку, посмотрѣлъ на дно ея, осушилъ еще чарку, и уже послѣ третьяго раза махнулъ рукою, какъ бы говоря: «ну, теперь уже довольно!» и бережно поставилъ чарку на траву.

— А откуда вы?—спросилъ маляръ.

— А я ѣздилъ въ Крымъ за солью; жена посылала; да только не доѣхалъ, чтобъ нечистый побилъ ту канальскую водку! Все деньги пропилъ на дорогѣ, и кисеть съ табакомъ пропилъ, и кнутъ пропилъ, и одинъ

сапогъ потерялъ, и теперь меня жена уже непременно побьетъ!

Сѡяшница покосился на плечи Бруса и нѣсколько усомнился въ томъ, что его можетъ побить жена.

— Ну, а вы откуда? — спросилъ Брусъ, опять поглядывая на чарку.

— А я ѣду въ Перекопъ, къ одному знакомому татарину хату писать!

— Э, друзе, такъ вы маляръ? — вскрикнулъ Омелько Брусъ не безъ радости: — такъ вы уже лучше по стойте! Лучше вы меня послушайте!

— А что?

— Поцѣлуемся прежде!

— Поцѣлуемся....

И странники, снявъ шапки, чмокнули другъ друга въ усы. Маляръ при этомъ, съ какою-то мыслию, махнулъ рукою и потянулся было къ флягѣ; но Брусъ со вздохомъ замѣтилъ:

— Нѣтъ, тамъ уже пусто! — и обратился къ нему съ такою рѣчью:

— Бросьте вы вашего татарина! На нечистаго вамъ татаринъ? Бросьте, ничего вы изъ него не сдѣлаете!

— А что?

— Какъ что? Да тамъ такой край, что и не приведи Господи его никому увидѣть! И дорога далекая, и обо-

красть могутъ, и курицы негдѣ достать: одною бараниной кормятъ!

Маляръ задумался.

— Нѣтъ! — сказалъ онъ, помолчавъ: — никакъ уже нельзя теперь, далъ слово; татаринъ обругаетъ!

— Не обругаетъ! Поѣдемъ въ нашъ край! У насъ что ни панъ, то и село, что ни село, то и хаты писанья; работы не оберешься!

— И вправду не оберешься?

— Не оберешься!

Маляръ опять задумался.

— Нѣтъ, никакъ уже нельзя! — отвѣтилъ онъ рѣшительно: — далъ слово! и какъ это можно! Татаринъ скажетъ, что у меня языкъ даромъ во рту колотится!

— Не скажетъ татаринъ, что языкъ даромъ колотится! Поѣдемъ къ намъ: у насъ маляры знатно живутъ!

Маляръ сталъ дергать конецъ полы.

— Поѣдемъ въ нашъ край! — продолжалъ Омелько Брусъ: — паны у насъ все люди хорошіе, наливки у нихъ тоже хорошія, а картинами такъ веѣ панскія хоромы отъ низу до верху увѣшаны.

Маляръ взглянулъ на Бруса и подумалъ: «Какой же ты, братъ, однако должно быть добрый человѣкъ! Оно сейчасъ видно: и неспѣсивъ, и водку хорошо тянешь, и совѣмъ славный и хорошій человѣкъ!»

— Бѣду, такъ и быть! — сказалъ маляръ, махнувъ рукою.

Шинкаръ вынесъ новую флягу горѣлки. Маляръ скинулъ свитку, остался въ одной рубашкѣ и обратился къ чумакамъ, съ любопытствомъ обступившимъ странниковъ:

— А ну, брѣтики, садитесь и вы! да помочимъ усы въ горѣлкѣ!

Чумаки сѣли. Омелько Брусъ взялся за флягу и пошла попойка. — Солнце между-тѣмъ стало сильно припекать. Распряженные волы Бруса паслись за шинкомъ, вмѣстѣ съ чумацкими волами; лошадь маляра щипала траву, шагахъ въ пятидесяти отъ воевъ, привязанная къ стволу яблони.

Вотъ, видятъ чумаки, идетъ по дорогѣ какой-то чело-вѣкъ, въ картузѣ, съ коротенькою трубкою и кнутомъ, и идетъ прямо къ коню.

— Смотрите, идетъ кто-то къ вашему коню! — замѣтили чумаки, сидя полукругомъ около странниковъ.

— Идетъ! — отвѣтилъ Сояшница, спокойно лежа на животѣ.

— Вѣдь онъ украдетъ вашего коня! — замѣтили чумаки.

— Нѣтъ, не украдетъ!

— Какъ не украдетъ? Да вѣдь онъ идетъ прямо къ нему!

— Нѣтъ, не украдетъ! — повторилъ Сояшница, мед-

ленно осматривая свою смушковую шапку: — и гдѣ это слыхано, чтобъ кто взялъ коня, когда онъ чужой, да еще и днемъ! — Не украдетъ!

— Не украдетъ! прибавилъ и Брусь.

Между-тѣмъ человѣкъ, въ пуховомъ картузѣ, подошелъ къ коню.

— Смотрите, вѣдь онъ уже беретъ за гриву и развязываетъ уздечку! — сказали опять чумаки.

— Не развяжетъ! И какъ это можно, чтобъ кто развязалъ чужую уздечку, когда день и насъ семеро!

Человѣкъ въ картузѣ оглянулся, вскочилъ на коня, далъ ему пинка и понесся по полю: только пыль столбомъ взвилась за нимъ.

Вскочили чумаки, вскочили и озадаченные хуторяне. Всѣ бросились, безъ шапокъ, въ догонку за похитителемъ.

— Отдай, отдай коня, вражій сынъ! — кричалъ маляръ: — то не твой конь, то нашъ!

Но всадникъ скоро мелькнулъ въ высокой травѣ и исчезъ за косогоромъ.

Вернулись къ корчмѣ хуторяне.

— Такъ и такъ, — говорятъ шинкарю: — украли нашего коня!

— Что-жь? — замѣчаетъ косоглазый, съ ястребиною головкой, шинкарь, смотря въ землю: — надо заявить дѣло окружному, поймать вора и взять коня!

— Нѣтъ! — рѣшили, помолчавъ, хуторяне: — не нуж-

но! Не нато бралъ тотъ нечистый сынъ коня, чтобъ отдавать его назадъ! Не нужно!...

И снова все, охая, усеѣлись подъ возами. Брусъ обратился къ маляру съ такою рѣчью:

— Ну, коня теперь у насъ нѣтъ, такъ зачѣмъ и телѣгу оставаться! Продадимъ телѣгу! Деньги на дорогу понадобятся; что-нибудь сломается, или за постой нужно будетъ заплатить, а волю мои и двухъ довезутъ!

Отуманенный маляръ сказалъ-было! «Нельзя! телѣга совсѣмъ новая!» Но тутъ же привсталъ, повозился за чѣмъ-то въ шараварахъ, опять сѣлъ и, сказавъ: «А не то, продай и телѣгу; она теперь совсѣмъ уже ненужна!» клюнулся головою въ траву и заснулъ.... Омелько Брусъ продалъ телѣгу чумакамъ и, отведя ихъ за шинокъ, объявилъ, что хочетъ танцевать. Чумаки вытащили изъ-подъ возовъ своихъ мальчика съ дудкой, мальчикъ усеѣлся на землѣ и принялся играть.

— Пейте, братцы! гуляйте! — кричалъ Омелько Брусъ, съ трубкой въ зубахъ и въ заломленной на ухо шапкѣ, взявшись подъ бока, взглядывая на землю и отвѣртывая ногами бѣшеную присядку: — гуляйте такъ, чтобъ тошно стало самому нечистому!

Танецъ загудѣлъ, какъ на свадьбѣ, сперва подъ корчмой, а потомъ и въ самой корчмѣ, уже полной народа. И чего только не дѣлалъ Омелько Брусъ! Онъ билъ себя по спинѣ и по головѣ, кидалъ направо и налево руки и

ноги, и полъ гудѣлъ отъ его топота. Все танцовало въ немъ, каждая складка платья, каждая жилка танцовала, — и глаза танцовали и руки, и губы, и носъ — все танцовало....

Вспомнилъ Брусъ свое прошлое время, когда еще у него не было жены и онъ бѣгалъ, украдкою отъ кузнеца-дяди, на вечерницы.

Смерклось....

Чумаки засуетились возлѣ возовъ и скоро двинулись длинною вереницей.

Омелько Брусъ растолкалъ Сѡяшницу, и широкій возъ ихъ также заколыхался по пыльной дорогѣ. И поѣхали хуторяне, какъ уже извѣстно, въ тотъ край, гдѣ, что ни панъ, то и село, что ни село, то и хаты писанья, и гдѣ маляры живутъ отлично.

II.

Ѣхали хуторяне долго.

Въ дорогѣ съ ними было не мало приключеній. Когда въ полѣ попадался имъ убогій слѣпецъ, въ бѣлой, какъ снѣгъ, свиткѣ, съ мѣшкомъ за плечами; или подъ городомъ подходилъ къ нимъ небритый прохожій, въ потертомъ халатѣ, въ клѣтчатомъ платкѣ на шеѣ, съ кисетомъ за поясомъ и съ длиннымъ чубукомъ въ рукѣ и, приподнявъ передъ ними клеенчатый картузъ, говорилъ добродушнымъ голосомъ:

— Душечка, дайте мнѣ грошикъ!

Омелько Брусъ обкновенно вѣжливо спрашивалъ:

— А на что же вамъ грошикъ?

И получалъ въ отвѣтъ:

— Я за ваше здоровье, душечка, выпью!

Опускалъ руку въ карманъ маляра и, вынувъ оттуда грошъ, говорилъ:

— Вотъ вамъ грошикъ!

По ночамъ путники не ѣздили и всегда съ вечера гдѣ-нибудь, у дороги, или на бакшѣ, останавливались. — Тутъ языкъ сердобольнаго Бруса, при помощи денегъ, вырученныхъ за телѣгу, развязывался, и онъ угощалъ маляра разными любопытными разказами.

Мало вниманія обращали странники на то, что у нихъ наконецъ не стало ни гроша денегъ. Ихъ всюду снабжали и ночлегомъ, и варениками, и даже горѣлкою. На вопросъ маляра: «А далеко ли еще, друже, до вашего края?» Омелько Брусъ чесалъ за ухомъ и говорилъ: «Да какъ вамъ сказать? не то далеко, не то и близко! а должно быть таки порядочно далеко!»

Преддверіе населеннаго и богатаго края, родины Бруса, началось. Безпрестанно странники встрѣчали то степенныхъ старыхъ хуторянъ, верхомъ на сытыхъ лошадяхъ, въ голубыхъ набойчатыхъ кафтанахъ, то разряженныхъ молодіцъ, съ золотыми «очинками» на головѣ, въ красныхъ сафьянныхъ сапожкахъ. То попадался имъ весь избитый,

съ сине-фіолетовымъ носомъ, музыкантъ изъ городка, едва державшійся на ногахъ, съ коротенькою трубкою во рту и съ маленькою, потертою скрипкою подъ мышкой. Онъ покачивался и, понуривъ голову, подходилъ вензелями къ странникамъ. Снявъ шапку, онъ принимался напилывать на срыпкѣ, заканчивалъ и просилъ, по обыкновенію всѣхъ слобожанскихъ скрипачей, скрипкою пить; наконецъ, увидѣвъ, что пить ему не даютъ, онъ объявлялъ, что если у нихъ есть кнутъ или хворостина, то его надо побить, потому что онъ рѣшительно никуда негодится... Онъ тутъ же клалъ скрипку на траву, снималъ поясъ, ложился по срединѣ дороги и отъ души просилъ хуторянъ исполнить его желаніе.

— Что жъ? побить, такъ и побить! — рѣшали хуторяне стегали его на дорогѣ.

Въ одномъ мѣстѣ хуторяне увидѣли толпу работниковъ, которые сидѣли вокругъ огня и играли въ карты, колотя другъ друга по носу.

Въ другомъ мѣстѣ ихъ встрѣтилъ мужъ, несшій на плечахъ подкутившую жену. «То, вѣрно, съ веселья идутъ!» говорилъ при этомъ маляръ. — «Должно быть, съ веселья!» отвѣчалъ Брусь, умильно слѣдя са счастливою четою....

Скоро потянулись хутора. Все здѣсь было тихо, спокойно и уютно. Жизнь тутъ текла, какъ ясная, дремотливая струйка воды въ лѣсу. Народъ сидѣлъ у своихъ хатъ и, кажется, почти не замѣчалъ, какъ солнце веходило и са-

дилось за цвѣтущими полями, какъ наставали то вечеръ, то утро, то темная ночь. Омелько Брусъ качалъ головою и говорилъ: «Вотъ жизни!» И маляръ, уставшій отъ городскаго шума въ Харьковѣ, гдѣ былъ недавно, повторялъ: «Да, жизни!» Когда странники проѣзжали мимо этихъ хуторовъ и вступали въ разговоръ съ ихъ жителями, старики снимали передъ ними шапки и кланялись, говоря: «Добрый путь вамъ, Божьи люди!» И велѣдъ за ними повторяли: «Чтобъ ваши жены и дѣтки, если ихъ Богъ вамъ далъ, встрѣтили васъ въ здоровьѣ и въ радости!»

Маляръ еще иногда засматривался на какого-нибудь казака или на бабу, написанную на стѣнѣ хуторянской хаты или на вывѣскѣ шинка, изображавшей толстаго румянаго шинкаря, съ бутылкою и стаканомъ въ рукѣ. Что же касается до Бруса, то Брусъ спалъ безъ просыпу, какъ только могутъ спать хуторяне, прогулявшіе до копѣйки свое добро и ѣдущіе, подобно ему, домой къ сердитой и бойкой женѣ, пославшей мужа продать, на примѣръ, на ярмаркѣ мѣшокъ пшеницы и годовалаго бычка. Пріѣзжаетъ такой хуторянинъ домой, хозяйка ласково встрѣчаетъ его и сажаетъ за столъ. «Вотъ это жъ тебѣ, милый Павлусю, или мйлый Явстусю, варенички, а вотъ это блины! Кушай на здоровьечко, а я тебѣ еще и горѣлочки поднесу!» — Сидитъ пропащій мужъ, ни живъ, ни мертвъ, уплетаетъ молча вареники и блины и не знаетъ, какъ ему выпутаться изъ бѣды! — «Ну, говори же!» начинается взволнованная хозяй-

ка: «почемъ была пшеница на ярмаркѣ и почемъ бычки?» — Мужъ, утирая усы, принимается разсказывать. — «Ну, а очипокъ купилъ ты мнѣ?» спрашиваетъ неровнымъ голосомъ хозяйка, наливая мужу горѣлки. — «Купилъ!» отвѣчаетъ мужъ. — У хозяйки душа готова выпрыгнуть отъ радости. — «Гдѣ же онъ?» спрашиваетъ хозяйка. — «Тамъ!» отвѣчаетъ мужъ, махая рукою. — «Гдѣ тамъ?» — «У купцовъ, на ярмаркѣ!» — «Какъ у купцовъ на ярмаркѣ? — Такъ же! пропала моя пшеница и пропали мои бычки!... Сижу я, моя голубочка, на возу и думаю, какъ бы это ихъ не украли!» — «Ну?» — «Вотъ, сижу я и думаю! Утро пришло, не украли... Обѣдъ пришелъ не украли! Солнце стало садиться, не украли!» — «Ну?? Ну??» — «Да уже вечеромъ украли вражьи люди!» замѣчаетъ мужъ, со вздохомъ, утирая усы — и хозяйка, блѣдная и взбѣшенная, вскакиваетъ изъ-за лавки... Только такіе хуторяне, вѣроятно, и могутъ такъ спать, какъ спалъ всю дорогу Омелько Брусъ. Наконецъ путники увидѣли пристань своего долгаго странствованія.

Рано на разсвѣтѣ теплой и влажной зари, передъ ними съ косогора развернулася широкая и цвѣтущая долина, усыпанная лѣсами, нивами, синѣющими верхами далекихъ колоколень, курганами и неоглядными лугами по берегамъ рѣки. Солнце только-что начинало подниматься изъ-за пригорковъ и легкій туманъ висѣлъ по доли-нѣ. — Омелько Брусъ остановилъ воловъ, приподнялся на

возу и принялся указывать рукою въ разные концы выступившей долины. — «Вонъ то», говорилъ онъ: «живутъ Балабуши; добре любятъ брехать, добре тянутъ горѣлку, но народъ все хорошій, и когда въ кisetъ нѣтъ ни корешка табаку, всегда дадутъ, только подойди и попроси! — Вонъ-то живетъ панъ Смодь, на рѣкѣ Смодь и въ хуторѣ Смодь; у него въ лѣсу хорошіе орѣхи! — Вонъ-то, что чернѣетъ, точно птица рѣжетъ воздухъ живетъ вдова; богатая, и всякаго добра, и хлѣба, и холста, и всего на свѣтѣ, у нея полные сундуки! Расползлась, какъ каплунъ, откормленный въ мѣшкѣ, и своею собственною рукою потчуетъ вечеромъ, когда косари придутъ съ поля, черноброваго атамана.... Вдова эта, друже, теперь строитъ надъ покойнымъ мужемъ въ лѣсу домикъ, и ей нуженъ маляръ! — Дальше, за вдовою, живутъ Винтенчанцы, на хуторѣ Винтенцахъ; тамъ у меня есть кума! За Винтенчанцами живутъ Шкуропіевцы, на хуторѣ Шкуропіяхъ; тамъ то-же у меня есть кума! За Шкуропіевцами живутъ Ковалевцы, на хуторѣ Коваляхъ; тамъ у меня кумы нѣтъ, но за-то есть одна тетка. Мы къ теткѣ заѣдемъ!

— А то что такое? — спросилъ маляръ, оборачиваясь въ другую сторону.

— То, будто пшеница, разсыпанная по свиткѣ, держачёвскіе хутора; на этихъ хуторахъ живетъ панъ добрый и богатый; мы у него то-же побываемъ!

Прочитавъ курсъ мѣстной географіи, Брусь спустился снова на дно воза.

Странники ударили по воламъ, стали спускаться съ косогора, и скоро возъ ихъ, ныряя въ травѣ, окунулся въ зеленые, густые камыши, и исчезъ въ туманѣ окончательно выглянувшего утра.

III.

Быль полдень.

На крыльцѣ хуторянскаго домика, стоялъ низенькій господинъ, въ ситцевомъ распашномъ капотикѣ, голубаго цвѣта, съ несчетными карманами, господинъ, въ гарусныхъ ботинкахъ, похожихъ на букеты цвѣтовъ.

Это былъ Михѣй Михѣичъ обладатель деркачѣвскихъ хуторовъ.

На галовѣ Михѣя Михѣича была широкая сквозная шляпа, изъ зеленой степной соломки. Воротъ рубахи на загорѣлой шеѣ пана былъ растегнутъ и вѣтеръ свободно обвѣвалъ его широкую, смуглую грудь, обросшую курчавыми волосами. Панъ держалъ въ рукахъ огромную, пѣниковую трубку, съ большимъ янтаремъ, и потиралъ въ раздумьи небритый подбородокъ. Этотъ подбородокъ имѣлъ обыкновеніе, какъ бы гладко панъ не брилъ его утромъ, обтирая всякими примочками, духами и мылами, къ вечеру того же дня обростать гладкою и изъ-синя-черною щетиною.

Солнце начинало жарить по обыкновенію. Михѣй Михѣичъ пошелъ было купаться въ ванну, которая стояла въ саду, подъ навѣсомъ холстяной палатки; но эта палатка уже успѣла превратиться въ подобіе калильной печи, гдѣ ванна изображала кострюлю, готовую изъ Михѣя Михѣича сдѣлать супъ. Михѣй Михѣичъ вернулся изъ сада и сталъ на крыльцѣ. Мухи нестерпимо жужжали и забивались ему въ носъ, ротъ и уши. Онъ вынулъ изъ капота носовой платокъ, повязалъ его въ видѣ вуали, на соломенную шляпу, и сталъ любоваться отдаленностью. Платокъ онъ повязывалъ такимъ образомъ всякій разъ, когда принимался разъѣзжать по полямъ и сосѣднимъ слободкамъ; и тогда встрѣчавшіеся съ нимъ знакомые помѣщики, присматриваясь къ бѣлому платку, который отъ вѣтра то поднимался, то опускался на поляхъ его шляпы, недоумѣвали, кто бы это могъ быть, и говорили про себя: «Не то адъютантъ, не то дама!» и послѣ прибавляли: «Право дама!» а чрезъ нѣсколько минутъ уже говорили: «Нѣтъ, это не дама, а адъютантъ!» и пріятно изумлялись, распознавъ наконецъ лице добраго Михѣя Михѣича.

Добрый Михѣй Михѣичъ носилъ фамилію...

Но нѣтъ, позвольте! Ее мы пройдемъ молчаніемъ, потому что она была совершенно странная и даже почти невозможная фамилія....

И такъ Михѣй Михѣичъ стоялъ на крыльцѣ и потиралъ въ раздумьи подбородокъ.

Передъ нимъ, у крыльца, стояли, съ шапками въ рукахъ, два человѣка, уже извѣстные намъ странники, борисовскій маляръ Сояшница и его спутникъ Омѣлько Брусъ.

Небольшая перемѣна посѣтила странниковъ. Волось у нихъ уже не было, и отъ самага воза осталась одна пустая дегтярная мазница, да и ту впрочемъ они заложили въ кабакъ, при входѣ на деркачѣвскіе хутора.

Панъ помолчалъ, прошелся по крыльцу и, потягивая изъ трубочки, спросилъ:

— Что же вамъ отъ меня нужно?

— Я Борисовскій маляръ! — отвѣтилъ робко и неровнымъ голосомъ Сояшница.

Панъ опустилъ трубку и посмотрѣлъ на него. Окинувъ глазами его сѣдую обвѣтренную голову, долгополый зеленый сюртукъ и вообще всю его слабую и плохенькую фигурку, Михѣй Михѣичъ затынулъ трубочкой и, кòккая, то есть, выпуская дымъ колечками, произнесъ:

— Нѣтъ.... идите съ Богомъ.... мнѣ васъ.... не нужно!

Сояшница съ уныніемъ взглянулъ на него и спросилъ:

— Отчего же.... бываетъ.... не нужно?

— Такъ! — отвѣтилъ Михѣй Михѣичъ: — скажу тебѣ по правдѣ, я тебя не знаю!

— Такъ что жъ, что не знаете? — спросилъ, обидѣв-

шись, Сояшница: — Эхъ, я вамъ такую вещь напишу, что еще съ-роду и не видано такой вещи!

Михѣй Михѣичъ помолчалъ.

— И карету распишешь?

— Распишу!

— Да вѣдь ты, я знаю тебя, заломишь страшную цѣну? Маляръ изъ Бахмута вчера брался расписать карету за двадцать цѣлковыхъ!

— А я возьму.... только.... пять! — съ усиліемъ проговорилъ Сояшница.

Панъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на маляра, посмотрѣлъ на свой капоть, побарабанилъ пальцами по губамъ, улыбнулся и, взявшись руками подъ бока, весело отвѣтилъ:

— Когда пять.... такъ я согласенъ!

Сдѣлка тутъ же была заключена на условіяхъ, что Сояшница будетъ жить у пана на харчахъ до той поры, пока окончитъ всю работу; съ нимъ будетъ жить и Брусъ, въ качествѣ *подмалярія*; и каждому изъ нихъ, передъ обѣдомъ, будетъ подноситься по рюмкѣ водки, а передъ ужиномъ, по окончаніи дневныхъ трудовъ, по двѣ. Сверхъ того имъ дозволено, разъ въ недѣлю, ходить въ гости къ сосѣднимъ хуторянамъ, и по два раза въ мѣсяцъ напииваться пьяными, слѣдовательно ходить на четверенькахъ. Полная расплата за работу должна была послѣдовать,

когда обладатель деркачѣвскихъ хуторовъ прокатится въ заново-отдѣланной каретѣ.

Маляръ и его другъ перешли на новое жительство.

Это былъ курень, съ навѣсомъ и погребомъ, въ садовой пасѣкѣ, настоящей хозяйни которой, отставной пѣвчій, обладавшій сильнымъ воображеніемъ, незадолго передъ тѣмъ пропалъ безъ вѣсти. Омелько Брусъ скоро огласилъ своды новаго жилища звонкимъ храпомъ, а черезъ нѣдѣлю, въ курень, неизвѣстно откуда, появилась круглая и полнолицая, или какъ говорится «полновида» бабенка, съ бѣлымъ, востроносимъ лицомъ, и въ аломъ платкѣ на черныхъ, лоснящихся волосахъ. И когда деркачѣвская дворня, примѣтивъ эту гостью, иронически спрашивала у Бруса: «А что это за баба?» Брусъ отвѣчалъ: «А то я сюда свою жинку перевелъ, потому что невозможно жить на свѣтѣ человѣку безъ жинки!» — «А у тебя, Сѡяшница, есть жена?» спрашивала любопытная дворня. — «Есть!» отвѣчалъ глухо Сѡяшница: «только она ходитъ теперь.... на заработкахъ!» Дворня болѣе не спрашивала. — Сѡяшница съѣздилъ въ городъ, накупилъ кистей и красокъ, перевезъ карету изъ сарая, подъ навѣсъ пасѣки, устроилъ курень и принялся за работу.

И вотъ, старая, пыльная карета вымыта, высушена, до-половины закрыта широкою, полотняною тканью, и маляръ, соскобливъ съ ея боковъ старую краску, началъ покрывать ее грунтомъ. Омелько Брусъ получившій ти-

туль подмалярія, на гладко-отполированномъ жерновѣ вѣтряной мельницы, принялся растирать бѣлила, охру, сурикъ, синьку и баканъ.

Работа пошла, какъ по маслу, и Сѡяшница до того расходился, старая рука его до того размахалась, что, покрывая желтымъ слоемъ грунта кожаные бока кареты, захватилъ на лету и стекла кареты, и желѣзныя шины колесъ, и даже порядочную часть собственнаго своего фартука.

Михѣй Михѣичъ, какъ человѣкъ знающій и старательный, хотя до того безтолковый, что, по замѣчанію сосѣдей, муха преспокойно могла усѣсться на кончикъ его носа и загнать его въ болото, часто заходилъ въ мастерскую Сѡяшницы.

— Это у тебя ямочки и негладко! — говорилъ онъ въ первые дни работы, водя рукою по загрунтованнымъ козамъ кузова.

— И въ самомъ дѣлѣ, ямочки и негладко! — подхватывалъ маляръ, прищуриваясь на свою работу и тоже водя по ней рукою: — и какъ это могло случиться!

— Это бы нужно поправить! — говорилъ Михѣй Михѣичъ, сжавъ губы и вопросительно смотря на Сѡяшницу.

— И въ самомъ дѣлѣ! — говорилъ рѣшительно Сѡяшница: — оно точно нужно поправить!

Михѣй Михѣичъ оставлялъ маляра и чрезъ нѣсколько дней заходилъ снова на пасѣку.

— А вѣдь это у тебя опять ямочки и не заглажено! — говорилъ онъ, нагибаясь къ каретѣ.

— И въ самомъ дѣлѣ ямочки и не заглажено! подхватывалъ маляръ, какъ бы недоумѣвая, какъ это могло случиться, что онъ до сихъ поръ ихъ и не загладилъ.

— Ты загладь это и задѣлай такъ, чтобъ было лучше! — говорилъ Михѣй Михѣичъ.

— Задѣлаю! — отвѣчалъ Сѡяшница: — какъ не задѣлать! на то и руки даны, чтобъ задѣлать!

Но сколько Михѣй Михѣичъ ни приходилъ на пасѣку, — медомъ тамъ удивительно пахло, а ямочки на каретѣ оставались въ прежнемъ положеніи....

Михѣй Михѣичъ, между прочимъ, крайне любопытствовалъ узнать, какъ маляръ обойдется, при своей работѣ, безъ должныхъ инструментовъ.

— Ты какъ это, Сѡяшница, выточишь и вылощишь? — спрашивалъ онъ, указывая на вырѣзки въ карнизахъ козелъ и дворецъ: — у тебя нѣтъ ни подпилковъ, ни кривыхъ стамесокъ, ни пемзы!

— А вы не беспокойтесь, Михѣй Михѣичъ! — отвѣчалъ маляръ: — я уже это все отлично сдѣлаю! — я это сапожнымъ шиломъ сдѣлаю!

— Какъ сапожнымъ шиломъ? — спрашивалъ озадаченный Михѣй Михѣичъ.

— А такъ же: гдѣ вогнуто, я поскребу остриемъ, а гдѣ гладко, проведу плашмя...

Михѣй Михѣичъ на это тѣрь у себя за ухомъ и молча отправлялся смотрѣть пчель, за которыми, скажемъ мимоходомъ, въ свободное отъ работы время, поручено было ходить Брусу.

Среди занятій по окраскѣ, незамѣтно мелькнуло нѣсколько мѣсяцевъ.

Одинъ бокъ кареты былъ заглаженъ и загрунтованъ. Маляръ принялся за другой бокъ. Экономка Михѣя Михѣича аккуратно подносила малярамъ передъ обѣдомъ по рюмкѣ водки, а передъ ужиномъ по двѣ, Михѣй Михѣичъ спокойно смотрѣлъ изъ окна гостиной, какъ, по условію, по два раза въ мѣсяцъ, маляры прогуливались на четверенькахъ, передъ корчмою его хутора, гдѣ просиживали тогда цѣлый день въ кругу пестрой слобожанской толпы.

— А знаешь что, Сояшница? — говорилъ Михѣй Михѣичъ, по прежнему навѣщая маляра: — ты бы тогда, какъ не пишешь кареты, и она сохнетъ, другое что хорошее писалъ!

— И въ самомъ дѣлѣ! Что даромъ-то время проживать?

— Что же ты напишешь? — спрашивалъ панъ.

— Все на свѣтѣ, Михѣй Михѣичъ, напишу! Для этого мнѣ нужна только липовая рамка, вареный лакъ, да хоть капелька той краски, которую зовутъ «кошечьи румяна!»

Липовая рамка, вареный лакъ и та краска, которую зовутъ «кошечьи румяна» были доставлены и въ одно прекрасное утро Михѣй Михѣичъ обратился къ маляру съ слѣдующимъ вопросомъ: «Ну, что же ты такое теперь напишешь, Сѡяшница?»

Сѡяшница опустилъ кисть и, глядя на оставленную работу, сказалъ:

— Напишу бѣднаго Лазаря; напишу высокую гору, и, какъ мать сына въ походъ провожаетъ; напишу турецкаго пашу!

Михѣй Михѣичъ быстрыми шагами заходилъ по пѣсѣкѣ, заложивъ руки за спину, и, остановившись передъ маляромъ, сказалъ:

— Рисуй турецкаго пашу!

Сѡяшница принялся за работу.

Черезъ нѣсколько недѣль картина поспѣла, и въ одно тоже прекрасное утро Сѡяшница принесъ Михѣю Михѣичу, въ клѣтчатомъ синемъ платкѣ сюрпризъ, сказавши на вопросъ заинтересованнаго пана: «Это что такое, Сѡяшница?» — «Это я вамъ, Михѣй Михѣичъ снигиря поймалъ!» — Снигирь оказался картиною, и Михѣй Михѣичъ, взявъ ее въ обѣ руки, сталъ не безъ удивленія разсматривать....

— Хорошо, весьма хорошо! — говорилъ Михѣй Михѣичъ: ты самъ сочинялъ?

— Самъ!

— Хорошо, хорошо, весьма хорошо!

Услышавъ похвалу, Сояшница размахался руками.

— Эхъ, Михѣй Михѣичъ! Эхъ, панычъ вы мой! — восклицалъ онъ вдохновенно: если бы мнѣ да эдакой домъ, да рабочихъ побольше, я бы не то написалъ! Ну, что это? Нѣтъ, славную бы вещь я написалъ! Эхъ, я уже знаю, что написалъ бы славную и хорошую вещь!

Но раскозырявшемуся малярю пришлось получить неожиданный щелчокъ судьбы. Михѣй Михѣичъ печально взглянулъ на одно мѣсто картины и сдвинулъ брови.

— Послушай, Сояшница, а рука-то турецкаго паши куда дѣвалась? ты рукавъ его платья написалъ, и даже мечъ на воздухѣ около рукава написалъ, а самой руки и не написалъ!

— Ахъ! и въ самомъ дѣлѣ! — вскрикнулъ Сояшница, такимъ голосомъ, какъ будто вспомнилъ, что, собираясь садиться за миску варениковъ, не пропустилъ въ горло порціи сердцебѣснующей настойки:—и въ самомъ дѣлѣ! совсѣмъ и позабылъ! изъ головы вылетѣло, Михѣй Михѣичъ! право, вылетѣло!

И онъ тутъ же сбѣгалъ на пасѣку, развелъ на днѣ перевернутаго ведра нужныхъ красокъ и пририсовалъ къ протянутому рукаву турецкаго паши руку. —

IV.

Прошло около полугода.

Другой бокъ кареты былъ окончательно загрнтованъ

и маляръ принимался покрывать объемистый кузовъ изъ-желта оранжевою краскою. Михѣй Михѣичъ опять вступалъ въ разговоръ съ маляромъ.

— А знаешь что, Сѡяшница, я думаю на дверцахъ кареты нарисашь свои гербы!

— И въ самомъ дѣлѣ! оно точно хорошо нарисашь гербы!

Михѣй Михѣичъ ходилъ по пасѣкѣ.

— А какъ ты думаешь, Сѡяшница, голубою или зеленою краскою написать гербы? — спрашивалъ онъ.

— Ни голубою, ни зеленою краскою, Михѣй Михѣичъ!

— Какъ ни голубою, ни зеленою?

— Такъ-же! Ужъ если что рисовать, Михѣй Михѣичъ, такъ я вамъ лучше, съ каждой стороны, на дверцахъ, нарисую по два самоварчика....

— Какъ по два самоварчика??

— Такъ-же; оно, видите ли, я въ Зміевѣ нарисовалъ одному купцу, на вѣвѣскѣ, рядомъ по два одинакихъ самоварчика! Повѣрите ли, весь городъ повалилъ въ гостинницу къ тому купцу, и онъ разжился въ нѣсколько мѣсяцевъ, и мнѣ за то далъ плису на жилеть и еще на другой обѣщался дать!

Михѣй Михѣичъ улыбнулся.

— Нѣтъ, уже ты мнѣ самоварчиковъ лучше не рисуй!

— Отчего же не рисовать?

— Да такъ, это теперь совсѣмъ не въ модѣ!

— Ну, такъ я вамъ на козлахъ, тамъ, гдѣ сидитъ кучеръ, тюльпанчикъ нарисую или розу....

— Нѣтъ, не нужно ни розы, ни тюльпанчиковъ!

— Такъ какъ же это будетъ? Вѣдь эдакъ карета останется вся оранжевая!

— Нѣтъ, ужъ пусть лучше останется вся оранжевая!

Дни шли за днями, и Михѣй Михѣичъ не замѣтилъ, какъ прошелъ годъ съ той поры, какъ маляры поселились на его пасѣкѣ.

Омелько Брусъ блаженствовалъ. Но Сояшница, замѣтивъ съ иѣкотораго времени, что его пріятель начинаетъ выбиваться изъ рукъ и впадаетъ во многія, не совсѣмъ благовидныя наклонности, хмурилъ брови и дулся. Такъ, напримѣръ, оказалось, что въ ульяхъ садовой пасѣки, за которою Брусу поручено было ходить, когда ихъ осенью принесли къ пану, чтобъ по обыкновенію подрѣзать соты, не отыскалось ни крошки меду.

Панъ ахнулъ отъ изумленія...

— Куда дѣлся медъ? говори!—спросилъ онъ строго Бруса.

— А Богъ его знаетъ, куда онъ дѣлся!—отвѣтилъ спокойно Брусъ:—можетъ быть высохъ, а можетъ быть, и не высохъ, и его кто-нибудь съѣлъ!

Михѣй Михѣичъ не зналъ, что и говорить отъ негодованія.

— А вотъ я тебя, какъ положу, да какъ вспрысну

березникомъ, такъ ты и будешь у меня рассказывать! Ну, что дуешься? не боишься березника, что ли?

Михѣй Михѣичъ напрасно впрочемъ храбрился, потому что во всю жизнь свою онъ тѣлесно наказалъ одно только существо, и это существо была утка съ дѣтьми, укусившая его во время купанія за голую икру, за что въ тотъ же день и красовалась на столѣ въ борщѣ.

За Брусомъ учрежденъ строгій надзоръ и велѣно перевести его изъ пасѣки на хуторъ, въ особую хату.

Оказалось также, что Омелько Брусъ и его жена уничтожаютъ страшное количество господской муки и творогу, которые отпускались имъ, наравнѣ со всею дворнею, въ видѣ такъ называемаго мѣсячнаго. Аккуратный Михѣй Михѣичъ замѣчалъ объ этомъ маляру, маляръ замѣчалъ Брусу, но Брусъ на это только икалъ и ничего не отвѣчалъ.

Качалъ головою старый Сояшница и сердито косился на своего друга. Брусъ не радовалъ уже его сердца, какъ въ тѣ былыя времена, когда они вмѣстѣ странствовали по широкой стени, когда они дѣлили пополамъ и счастье и горе, и смѣхъ и слезы. Припоминалъ эти времена и сердито качалъ головою старый Сояшница.

Работа приходила между тѣмъ къ концу.

Колеса кареты были въ свой чередъ тщательно покрыты краскою и маляръ принимался за обновленіе дышла.

Ревностно работалъ Сояшница; но злая грусть съѣ-

дала его сердце. Онъ выходилъ изъ пасѣки, глядѣлъ чрезъ заборъ сада на улицу и молча хмурилъ брови. Омелько Брусъ видимо забывалъ его, не являлся растирать на мельничномъ жерновѣ красокъ и водился съ одними молодыми, зажиточными хуторянами, да съ поповичами сосѣдняго мѣстечка. И часто, изъ-за ограды, маляръ слышалъ, какъ при его имени, произнесенномъ Брусомъ, головы хуторянъ обращались къ пасѣкѣ и звонко хохотали чернобровыя хуторянскія молодицы.

— Эхъ-ма! — говорилъ на это Сѡяшница, съ грустью возвращаясь въ пустой курень: — вѣдь вотъ человѣкъ! Ну, не говорилъ ли я? вѣдь только даромъ живетъ на свѣтѣ и даромъ ѣсть хлѣбъ! Такіе ли бываютъ на свѣтѣ подмаляріи? Знаемъ мы! Эхъ, дай-ка мнѣ только не такое мѣсто, да хорошихъ работниковъ, я не карету распишу! Я напишу славную вещь! Ужъ я знаю, что тогда все скажутъ: «ишь ты, сидѣль-сидѣль, да и написалъ такую вещь, что еще и не видано!»

Михѣй Михѣичъ, замѣтивъ, что Сѡяшница начинаетъ тосковать, однажды ходилъ-ходилъ, съ потупленною головою, придумывая, чѣмъ бы это его утѣшить, и подарилъ ему старенькое охотничье ружьецо, чтобъ въ свободное отъ трудовъ время онъ пострѣлялъ отъ скуки, по сосѣднимъ болотамъ, дичи.

Но Сѡяшница съ рожденія не имѣлъ духу пролитчью-бы то ни было кровь и однажды, наткнувшись въ

травѣ на огромнаго сѣряка, который сидѣлъ подѣ кочкою, уставя на него косые глаза, кончилъ тѣмъ, что до смерти перепугался и едва имѣлъ силы крикнуть на свою дичь; дичь, разумѣется, векочила и скрылась отъ него въ одно мгновеніе!—«Это вѣрно былъ не заяцъ, а что-нибудь другое!» рѣшилъ Сояшница и радъ былъ отъ души, что такъ легко выпутался изъ бѣды.

Съ того времени онъ не прикасался къ ружью и даже съ сердцемъ говорилъ Брусу, который иногда еще являлся на пасѣку пострѣлять въ отсутствіе Сояшницы воробьевъ: «Оставь ты эту бѣсову вещь, Омелько, оставь; еще глазъ выбьешь!» — «Ничего, не выбью!» говорилъ на это Брусъ. — «Какъ, не выбьешь! оставь, говорю тебѣ: забылъ ты развѣ, какъ Михѣй Михѣичъ хотѣлъ тебя высѣчь за медъ? забылъ?» — «Гдѣ забылъ! вовсе не забывалъ! только ужъ не знаю, можно ли кого на свѣтѣ высѣчь за канальскихъ воробьевъ!» — «Воробьи, Омелько, то же хотятъ жить, и ты будешь паршивый хлѣпецъ, если станешь ихъ убивать!»

Однажды маляръ шелъ за мукою чрезъ господскій дворъ. Вдругъ въ окнахъ дома раздался крикъ, и панъ, блѣдный и растерянный, выбѣжалъ на крыльцо.

— Маляръ, маляръ! — кричалъ онъ несвоимъ голосомъ: — бѣги скорѣе на пасѣку и носи свое ружье; мои всѣ заперты въ кладовой, а передъ кладовою въ чуланѣ ходитъ бѣшенный котъ; только-что взбѣсился!

Маляръ тревожно оглянулся во все стороны, помолчалъ и, выхвативъ изъ-подъ плеча пустой хлѣбный мѣшокъ, закричалъ:

— На пасѣку далеко, а я и этимъ ката поймаю!— И съ этими словами вбѣжалъ на крыльцо, отперъ дверь чулана и остановился на порогѣ.

Жирный сѣрый котъ пана точно взбѣсился и, страшно вращая помутившимися глазами, съ пѣною у рта, ходилъ по чулану....

Маляръ присѣлъ на корточки, разставилъ передъ собою мѣшокъ и сталъ подходить къ коту. Михѣй Михѣичъ блѣдный стоялъ за нимъ. Котъ вытянулся, оцетинился, повелъ головою и страшнымъ басомъ застоналъ: «Мяу! мяу!»— Не успѣлъ маляръ и духъ перевести, какъ онъ молніей кинулся на него....

Панъ вскрикнулъ и пошатнулся.

Когда онъ раскрылъ глаза, котъ сидѣлъ уже въ мѣшкѣ у Сѡяшницы и послѣдній молча закручивалъ надъ нимъ веревку.

— Въ воду, въ воду его! — закричалъ панъ, когда маляръ вытащилъ ката на крыльцо и торжественно понесъ его по двору.

Сѡяшница, по приказанію пана, перебросилъ мѣшокъ за плечо и миновалъ пасѣку. Панъ и густая толпа дворни стояли около кухни.

Спустившись къ рѣкѣ, Сояшница приподнялъ мѣшокъ надъ водою....

— Что! — подумалъ онъ: — зачѣмъ я кину коту въ воду вмѣстѣ съ мѣшкомъ? Мѣшокъ можетъ на что-нибудь пригодиться!

И онъ сталъ развязывать мѣшокъ....

Но едва узелъ распахнулся, котъ стремительно ударился въ его руки, весь въ пѣнѣ выскочилъ изъ мѣшка и вспрыгнулъ ему на шапку. Сояшница въ ужасѣ присѣлъ къ землѣ....

Оцетинившись на немъ, котъ вытянулъ раздутый хвостъ и, страшно мяукая, сталъ его скрести когтями....

Михѣй Михѣичъ опять совершенно потерялся и бросился бѣжать въ домъ, крича и махая руками.

Въ тотъ же мигъ раздался выстрѣлъ, и котъ, завертѣвшись камнемъ, полетѣлъ съ головы маляра въ воду. Всѣ съ изумленіемъ оглянулись на звукъ неожиданнаго выстрѣла....

Изъ узенькаго окна пасѣки голубою струйкою тянулася дымъ. Омелько Брусъ, склонившись надъ ружьемъ, спокойно стоялъ уже у порога куреня и молча осматривалъ курокъ.

Сояшница увидѣлъ, кто былъ его спасителемъ, и въ безумной радости кинулся къ своему другу. — «Голубчикъ мой, Омѣлю! Такъ это ты убилъ кота?» кричалъ онъ, утирая крупныя, катившіяся по усамъ слезы.

Брусъ на это не поднялъ даже головы, какъ-будто это былъ и не онъ, и сквозь зубы замѣтилъ, пристально разглядывая ружье: — «Вотъ бѣсово ружье! Вотъ, право, и не думалъ, чтобы не промахнуться, а онъ и убилъ кота! Славное ружье, чтобъ бѣсъ забралъ его батька!»

Въ груди маляра похолодѣло.

— Такъ ты и не радъ, Омелько, что спасъ меня? — спросилъ Сояшница, остановивъ порывъ дѣтской нѣжности.

— Гдѣ не радъ! — толковалъ Брусъ, нагиная носъ къ прикладу: — я только говорю, что какъ это я такъ вѣрно попалъ въ канальскаго кота! И не думалъ совѣмъ попасть!

Случилось около этого же времени, старый Сояшница завелся собственнымъ своимъ боченкомъ полынной водки и тщательно сберегалъ этотъ напитокъ въ погребѣ около пасѣки.

Онъ долго имъ наслаждался втихомолку и вдругъ, ни съ сего, ни съ того, замѣтилъ, что боченокъ началъ пустѣть, усыхать и скоро водки осталось на его днѣ не болѣе нѣсколькихъ рюмокъ.... Изумился Сояшница, осмотрѣлъ боченокъ: доски были все цѣлы и ни одного отверстія не было на его днѣ. — «Должно быть повадился воръ!» рѣшилъ Сояшница и задумалъ, во что бы то ни стало, поймать вора.

Онъ залѣзъ на ночь подъ лавку, на которой стоялъ

боченокъ, и только-что успѣлъ умѣститься, какъ слышитъ, дверь погреба тихо скрипнула, и въ него началъ спускаться какой-то человѣкъ съ фонаремъ.

Фонарь поставленъ на лавку. Боченокъ покачнулся и поднялся на воздухъ....

Сояшница быстро выскочилъ изъ своей засады и остолбенѣлъ: передъ нимъ стоялъ Омелько Брусъ....

Маляръ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и стиснулъ зубы.

— Такъ это ты, Омелько, водку мою воруетъ? — спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Я! — отвѣтилъ Омелько, едва передвигая блѣдныя губы и бессознательно разглядывая поднятый боченокъ....

Маляръ вздохнулъ.

— И полюбилась тебѣ моя водка?

— Полюбилась!

— Отчего же ты не пришелъ ко мнѣ и не попросилъ?

Брусъ молчалъ.

— Зачѣмъ же ты.... сюда.... по ночамъ.... сюда, Омелько?

Голосъ Сояшницы задрезжалъ...

— Лучше бы ты, Омелько, взялъ ножъ да и зарѣзалъ меня, какъ стараго барана! — сказалъ Сояшница и вышелъ изъ погреба. Слезы хлынули изъ его глазъ и онъ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

На другое утро маляръ, позабывшись, за чѣмъ-то вошелъ опять въ погребъ: боченокъ, уже окончательно допитый, лежалъ на полу. — «Собака!» сказалъ маляръ

съ холоднымъ негодованіемъ и оттолкнулъ ногою боченокъ.

Съ той поры онъ заперся на пѣсѣкѣ, пересталъ пускаться къ себѣ Бруса и болѣе не промолвилъ съ нимъ ни одного слова. Да и нѣ къ чему уже было говорить съ Омелькомъ.

Омелько въ это время неожиданно приказалъ всѣмъ долго жить....

Вотъ какъ это случилось.

Было то тяжелое время, когда на свѣтѣ стали запрещать человѣку ѣсть дыни, арбузы, яблоки и всякую овощь, потому-что появилась между людей страшная и неукротимая болѣзнь. Омелько Брусъ, до того времени, съ горя ли, или такъ было сталъ пропадать по глухимъ оврагамъ и пропивать послѣдній платокъ жены, но вдругъ неожиданно остепенился и началъ заводить хозяйство. Онъ, между прочимъ, посѣялъ бакшу и день и ночь ее караулилъ, не трогая ни капли водки. Бакша у Бруса созрѣла, но никто не покупалъ его плодовъ. — «Что!» подумалъ Брусъ: «повезу же я ихъ хоть къ лебедянской вдовѣ! Можетъ, на кормъ скоту купить!» — И онъ навалилъ дынями и арбузами огромный возъ. Сѣлъ, ударилъ по лошади и поѣхалъ. Дорогой солнце пропекло его до костей. Воды негдѣ было взять, и Брусъ, забывшись, проткнулъ пальцемъ большую дыню, вышилъ ее съ сѣмячками до дна, заболѣлъ — да такъ на возу и остался! — Привезла его лошадь къ усадьбѣ лебедянской вдовы

Дворня съ криками обступила возъ, на которомъ, на грудѣ спѣлыхъ дынь и арбузовъ, лежало окоченѣлое тѣло Бруса, и повернула возъ оглоблями назадъ; лошадь обратно повезла хозяина въ деркачѣвскіе хутора. — Шумъ и вопли поднялись на тихой улицѣ. Народъ сбѣжался къ страшному возу, и никто не рѣшился коснуться бѣднаго Бруса. Сама жена его, увидѣвъ трупъ мужа, кинулась въ хату и въ тотъ же день убѣжала, неизвѣстно куда, захвативъ съ собою все уцѣлѣвшее добро покойнаго. И коснулся Омелька Бруса, снялъ его съ воза, одѣлъ его и похоронилъ одинъ только человѣкъ на всемъ хуторѣ! И былъ этотъ человѣкъ старый маляръ Сояшница. — «Всѣмъ былъ добрый и хорошій человѣкъ, всѣмъ, да проворовался, какъ собака!» говорилъ Сояшница, стоя съ лопатою надъ могилою отошедшаго друга....

Вѣтеръ шумѣлъ между черными крестами хуторянскаго погоста, волнуя высокую траву, покрывавшую одинокія могилы, и никто не видѣлъ, какъ горевалъ старый маляръ надъ своимъ покойнымъ другомъ. — «Эхъ-ма!» говорилъ Сояшница, качая головою: «зачѣмъ ты, Омелько, проворовался!» И глухія рыданія прерывали сѣтованія осиротѣлаго старика....

V.

Прошло снова болѣе полугода.

Карета была окончательно окрашена и чистенькая и

свѣтленькая, какъ глиняный кувшинчикъ, стояла подъ навѣсомъ пасѣки. Маляръ видѣлъ, что дѣло пришло къ цѣли, что настала пора расплаты; но все еще ходилъ и возился около кареты, смотрѣлъ на ея дверцы и колеса и не рѣшался сказать ея обладателю, что работа совершенно окончена. Жаль было старику покинуть пригрѣтое и обжитое мѣстечко! Онъ кашлялъ и смотрѣлъ въ землю, встрѣчаясь съ Михѣемъ Михѣичемъ, и всегда заводилъ посторонній разговоръ. Да Михѣй Михѣичъ впрочемъ и не торопился съ каретой. Онъ очень удобно ѣздилъ въ самодѣлковыхъ деревянныхъ дрожкахъ, которымъ имя было «чертапханъ».

Сбѣяшица не зналъ, куда и дѣться отъ тоски. Скитаясь безъ цѣли изъ угла въ уголъ, онъ въ замѣну потери друга привязывался то къ саду, то къ голубямъ, то къ послѣдней дворовой собакѣ, которую все гнали и били безъ милосердія. Сердце его безрадостно ныло и онъ ходилъ, не поднимая головы.

Неожиданно судьба послала ему утѣшеніе.

Вотъ какъ это было. Стоялъ однажды, по обыкновению своему, Михѣй Михѣичъ на крыльцѣ. Изъ-за кухни вышли два заспанныхъ лакея, въ мрачныхъ нанковыхъ сюртукахъ и плисовыхъ жилетахъ, приблизились къ крыльцу и стали передъ Михѣемъ Михѣичемъ. Оба они назывались Терѣшками, оба спали, съ утра до вечера, прислуживали съ опухшими лицами и имѣли право загова-

ривать съ бариномъ во всякое время, заложивъ руки за жилеты и отставивъ одну ногу впередъ.

— Чего тебѣ, Терѣшко? — спросилъ Михѣй Михѣичъ, обернувшись къ нимъ обоимъ.

— Да я къ вашей милости! — сказалъ первый и замолчалъ.

— А что развѣ? — спросилъ Михѣй Михѣичъ и, непреминувъ встревожиться, тутъ же поблѣднѣлъ и нахохлился, какъ воробей, заслышавшій ястреба.

— Да такое диво, — замѣтилъ второй Терѣшко, зѣвая въ руку и видя, что первый замолчалъ: — что и родился, и выросъ, и вашей милости служу, а не видѣлъ еще такого дива ни въ Харьковѣ, ни въ Полтавѣ!

— Что жъ тамъ за диво?

— Да вотъ онъ расскажетъ! — замѣтилъ второй.

Первый выступилъ впередъ и сказалъ:

— «Стоимъ мы на улицѣ, идетъ фокусникъ, — только...» — и замолчалъ...

— Да что же тамъ? — крикнулъ съ досадою Михѣй Михѣичъ: — узнаю ли я дѣло?

— «Вотъ мы стоимъ, — подхватилъ опять второй, — и смотримъ на улицу. Смотримъ, идетъ фокусникъ, а за нимъ бѣжитъ весь нашъ хуторъ, и мужики, и бабы. Вынулъ фокусникъ дудку и мѣшокъ, а въ мѣшкѣ сидѣлъ ученый пѣтухъ!»

— Да! — замѣтилъ товарищъ: — вынулъ фокусникъ

пѣтуха, подвязалъ ему къ ногамъ изъ палочекъ ходули и началъ играть на дудкѣ:

— И пошелъ ходить пѣтухъ по улицѣ! — прибавилъ второй Терешко: такъ и ходить, такъ и ходить!...

— Ну, что же вамъ нужно? — спросилъ Михѣй Михѣичъ.

— Да бабы просятъ, чтобъ зазвать фокусника!

Михѣй Михѣичъ подумалъ и сказалъ:

— Зазовите фокусника! Такъ уже и быть, зазовите!

Терешки ушли и скоро передъ домомъ собралась гу-
стая толпа дворни....

Фокусникъ, оказавшійся скромнымъ продавцемъ гребенокъ и ножей, явился, улыбаясь и весело поглядывая на окружающихъ; онъ ловко поклонился пану, попросилъ рюмку водки, выпилъ, и представленіе началось. Пѣтухъ, вынутый изъ мѣшка, вооружился тоненькими ходулями. Гребенщикъ досталъ изъ кармана деревянную дудку, поставилъ передъ собою картузь, для сбора платы, принялся дудить, и пѣтухъ завертѣлся и началъ огромными шагами расхаживать подъ музыку.... Присутствующіе заливались дружнымъ хохотомъ. — Вдругъ Михѣй Михѣичъ всталъ. — «Терешко, а бѣги въ комнаты и принеси сюда моего пѣтуха!» шепнулъ онъ одному изъ слугъ: «принеси его, и пусть онъ побьется съ пѣтухомъ фокусника! Я знаю, мой пѣтухъ славный пѣтухъ и хоть съ кѣмъ угодно побьется?»

Терешко побѣждалъ исполнять приказаніе Михѣя Михѣича и скоро явился на крыльцѣ....

Но здѣсь мы сдѣлаемъ небольшое отступленіе.

Пѣтухъ, за которымъ побѣждалъ Терешко, былъ замѣчательный пѣтухъ. Оставленъ онъ былъ Михѣю Михѣичу, въ знакъ памяти и благодарности, однимъ молодымъ гимназистомъ, который провелъ въ его домѣ послѣдніе, лучшіе дни своей жизни. Этотъ молодой гимназистъ видѣлъ Михѣя Михѣича раза два у одного сосѣдняго помѣщика, гдѣ сообщилъ, что ѣдетъ куда-то опредѣляться на службу. Потомъ вдругъ неожиданно нагрязнувшись въ деркачѣвскіе хутора, поцѣловалъ Михѣя Михѣича въ щоку и въ животъ и сообщилъ, что пріѣхалъ проститься съ нимъ и передъ отъѣздомъ погостить у него денька два. Эти денька два оказались двумя годами, въ продолженіе которыхъ молодой гимназистъ, ростомъ съ тамбуръ-мажора, въ узкихъ панталонахъ и протертомъ на локтяхъ драдедамовомъ фракѣ, хохоталъ поминутно во все горло, набивалъ и опорожнялъ непомѣрное количество трубокъ, подходя къ зеркалу, складывалъ руки и пробовалъ, хороши ли его мускулы, и завладѣлъ Михѣемъ Михѣичемъ совершенно. Когда износился его фракъ, онъ принялся было сначала келейно чинить его вырѣзками изъ другой части своего костюма; но потомъ оставилъ его въ покоѣ и сталъ ходить въ шинели Михѣя Михѣича. Михѣй Михѣичъ пытался нѣсколько разъ возвратитъ

эту шинель, вмѣстѣ съ самостоятельностью въ собственномъ домѣ; но не вернулъ ни того, ни другаго, а получилъ флюсъ, и, будучи долженъ просиживать цѣлые дни въ комнатѣ, сталъ даже обращаться къ гостю съ различными просьбами, какъ-то: узнать, варятъ ли бабы въ саду варенье, сходить къ птичницѣ на крестины, и тому подобное. Тѣнь самостоятельности вернулась къ Михѣю Михѣичу, когда его гость, послѣ одной неожиданной прогулки черезъ рѣчку вбродъ, застудилъ ноги и слегъ въ постель. Въ постели пролежалъ онъ цѣлый годъ. Чего только не придумывалъ бѣдный гимназистъ въ это время для своего развлеченія. Пытался онъ и въ карты играть, отъ которыхъ впрочемъ, въ слѣдствіе перваго же проигрыша, Михѣй Михѣичъ отказался. Пробывалъ онъ и чулки вязать, такъ какъ лишнихъ на его долю у хозяина не оказалось. — И чего еще не пробовалъ бѣдный гость! — Въ тоскѣ глядѣлъ онъ на протянутыя передъ собой подобія жиденькихъ хворостинокъ и не имѣлъ силъ признать въ нихъ тѣ бойкія ноги, которыми онъ, ломая хуторянскіе полы, еще такъ недавно отплясывалъ съ барышнями мазурку и тутъ же надѣлялъ своихъ дамъ разными прозвищами, какъ-то: руль (въ слѣдствіе похожаго на этотъ предметъ носа), шарманка (въ слѣдствіе любезности и красоты дамы), летучая-мышь (въ слѣдствіе широкой шали) и другія.... Дамы ненавидѣли его отъ души, однакоже въ глаза ему только говорили: «Ахъ, Бо-

же мой, Боже мой! спрячете ли вы когда-нибудь свой острый язычекъ, свой удивительный язычекъ?» — Гость Михѣя Михѣича, лежа безъ движенія на кровати, началъ между прочимъ, для развлеченія, плевать на далекое пространство и скоро приобрѣлъ въ этомъ любопытную ловкость: онъ не только плевалъ чрезъ двѣ большія комнаты, но даже могъ плевкомъ убивать летающихъ передъ кроватью мухъ. Потомъ сталъ учить сойку говорить разныя учтивости, — и сойка отлично выговаривала многія изъ нихъ. За сойкою явился щенокъ, окрашенный голубою краскою. За щенкомъ стала прогуливаться по кабинету Михѣя Михѣича рѣчная черепаха, съ клѣткою на спинѣ, и въ этой клѣткѣ пѣлъ снигирь. — Потомъ прочелъ онъ въ какой-то книжкѣ, что если пиво объѣдетъ на кораблѣ вокругъ свѣта, то станетъ лучшимъ портеромъ. Онъ велѣлъ подвязать къ мельничному крылу боченокъ съ пивомъ и приставилъ одного изъ Терешекъ Михѣя Михѣича считать его обороты. Терешко считалъ нѣсколько дней, то есть, онъ собственно не считалъ, а постоянно, наѣввшись смородины, которую собирали въ кустахъ дѣвки, спалъ въ саду въ травѣ, и затѣйливый гость рѣшилъ, что крыло наконецъ описало линію, равную окружности земнаго шара, и увѣдомилъ Михѣя Михѣича, что превращеніе совершено, и что не худо ему было бы созвать къ себѣ для опыта сосѣдей. Михѣй Михѣичъ извѣстилъ

околодокъ, что въ такой-то день, за столомъ его, въ видѣ неожиданности, будетъ подаваться самодѣлковый лучшій портеръ. Но, когда Михѣй Михѣичъ за столомъ приказалъ откупорить боченокъ и сказалъ: «А вотъ вамъ, господа, и портеръ!» портеръ оказался чистѣйшимъ вкусомъ. Наконецъ, въ другой книжкѣ прочелъ неугомонный гимназистъ, что если птичьи яйца положить въ теплый песокъ, на солнце, или даже подъ мышки, во что-нибудь мягкое, то изъ нихъ, въ опредѣленный срокъ, выйдутъ маленькія птички. Тутъ еще указывалось на дикарей Новаго Свѣта, которые такимъ образомъ выводятъ страусовъ и другихъ птицъ. Больной приказалъ себѣ принести свѣжихъ куриныхъ яицъ, и, обернувъ ихъ подкладкою теплой фуражки, подвязалъ себѣ подъ мышки, въ тѣ подплечныя впадины, въ которыхъ иногда въ веселой компаніи предлагаютъ раздавить маленькій кренделекъ, и гдѣ рѣшительно ничего нельзя раздавить. Такъ онъ терпѣливо пролежалъ шесть недѣль. Въ ваточной подкладкѣ вывелись цыплята; подъ однимъ плечомъ курочка, а подъ другимъ пѣтушекъ. Курочка скоро приказала долго жить, а пѣтушекъ выросъ, сталъ бѣгать по комнатамъ, немилосердно пищать и кукурикать, подражая пѣнію взрослыхъ пѣтуховъ, которые съ заломленными гребнями гордо расхаживали по двору. Затѣйливый гость обвинилъ ему ножки красными сафьянными башмачками и продѣлъ въ его ушки аметистовыя сережки. Пѣтухъ

получилъ имя Пѣтуха Иванныча, подростъ, завелся двумя или тремя дюжинами женъ, разжирѣлъ и, гордо шия и поводя багровымъ гребешкомъ, принялся расхаживать передъ скучающимъ гостемъ Михѣя Михѣича. Злые люди говорили, что этотъ гость спятилъ съ ума. Но кроткій Михѣй Михѣичъ защищалъ его и говорилъ, что всякій человѣкъ, съ ногами, превратившимися въ хворостинки, еще и не на такія выходки способенъ рѣшиться! Какъ надобно было и ожидать, гость скоро отошелъ изъ земной юдоли и завѣщалъ гостепріимному Михѣю Михѣичу горькое соболѣзнованіе о томъ, что ему не удалось опредѣлиться туда, куда онъ желалъ, и своего любимаго Пѣтуха Иванныча....

Съ этимъ-то Пѣтухомъ Иваннычемъ выскочилъ на крыльцо Терешко.

— А ну-ка, а ну-ка, бросай его на ученую птицу! — говорилъ Михѣй Михѣичъ, сбѣгая съ крыльца.

Гребенщикъ остановился въ изумленіи. Терешко исполнялъ приказаніе пана. Пѣтухъ гребенщика, снятый съ ходуль, при этомъ зашипѣлъ и нахохлился. Произошли два обоюдныхъ скачка. Шея, съ оцетинившимися перьями, протянулись, крылья развѣсились и головы, съ налитыми кровью глазами, стали носъ противъ носа. Два скачка повторились. Пѣтухи присѣли и опустили головы до самой земли, мрачно вращая головами... «А ну-ка, Терешко, подталкивай канальскую птицу, а я подтолкну

нашего пѣтуха!» закричалъ Михѣй Михѣичъ. — Пѣтухи сразились и быстро отскочили другъ отъ друга. Перья на спинѣ каждаго встали и раздулись, какъ хвостъ павлина. Смертельный ударъ готовился съ обѣихъ сторонъ. Михѣй Михѣичъ и всѣ присутствующіе смотрѣли, едва переводя дыханіе. — И вотъ Пѣтухъ Иванычъ ринулся на своего соперника. Но едва онъ привскочилъ, соперникъ поднялъ шею и со всею силою стукнулъ его по головѣ... Пѣтухъ Иванычъ клюнулся въ траву и распласталъ крылья! Болѣе онъ не пикнулъ: онъ былъ убитъ на-поваль...

Михѣй Михѣичъ побѣлѣлъ....

— Ка-а-къ? — закричалъ онъ съ запальчивостію: — такъ ты пришелъ моихъ пѣтуховъ убивать? Взять у него пѣтуха и зажарить его на жаркое!

Побѣдитель безъ жалости былъ схваченъ и унесенъ ликующею дворнею на кухню.

Гребенщикъ, когда всѣ разошлись и замолкли вокругъ него шумъ и крики, поднялъ голову, и хмѣль его прошелъ въ одно мгновеніе; онъ оглянулся во всѣ стороны: слезы закапали съ его усовъ и онъ съ силою ударилъ дудку объ крыльцо. Дудка разлетѣлась въ дребезги...

Не долго, однако, горевалъ гребенщикъ — Сояшница узналъ о его горѣ, отыскалъ его гдѣ-то въ ближней корчмѣ, втерся къ нему въ дружбу, приласкалъ его, утѣшилъ и даже рѣшился перевести на пасѣку, въ свой курень. Гре-

бенщикъ съ той поры въ самомъ дѣлѣ и поселился у Сдяшницы. И когда Михѣй Михѣичъ выходилъ иногда прогуляться и, встрѣчаясь съ маляромъ, спрашивалъ его: «А скажи мнѣ Сдяшница, что это у тебя за человѣкъ живетъ тамъ на пасѣкѣ?» — Сдяшница на это отвѣчалъ: «То ничего; то я себѣ нанялъ опять краски растирать!» Михѣй Михѣичъ довольствовался отвѣтомъ Сдяшницы и не тревожилъ его новыми распросами. Сдяшница между тѣмъ узналъ, что гость его, разорившійся гребенщикъ, передъ тѣмъ пятнадцать лѣтъ сряду проживалъ егеремъ у какого-то пана Перевертѣйченка и былъ изгнанъ, по смерти пана, молодымъ сыномъ его въ слѣдствіе того, что этотъ сынъ однажды подкараулилъ, какъ онъ игралъ въ свои козыри съ какою-то Мотрей, своенравной экономкой, также проживавшей у пана Перевертѣйченка. Егерь покорился своей участи, ушелъ къ знакомому винокуру, прожилъ у него больше года на даровыхъ харчахъ; но даровые харчи, при помощи жены винокура, скоро стали колоть ему глаза и онъ ушелъ торговать гребнями, да ножиками; торговалъ безъ году недѣлю, проторговался гдѣ-то въ вольномъ шинкѣ и отправился наконецъ ходить съ ученымъ пѣтухомъ, забавляя народъ и всюду находя доброе слово, миску варениковъ и рюмку доброй водки...

Но и въ своемъ странствіи, и въ куренѣ Сдяшницы, онъ не могъ успокоиться. Одна мысль тревожила его и днемъ и ночью. Какъ ни обидѣлъ его молодой сынъ пана

Перевертайнченка, отставной егеръ день и ночь думаль «Эхъ пойду-ка я къ нему и скажу, какъ вынашивать не: только слѣпыхъ, но и зрячихъ соколовъ и ястребовъ!» Это, надо сказать, была тайна, завѣщанная ему еще дѣдомъ, знаменитымъ охотникомъ, и онъ ни за какіе соблазны и посулы не открылъ ее покойному своему хозяину. Но по неисповѣдимымъ судьбамъ человѣческаго сердца, то, чего онъ въ жизнь не рѣшался открыть доброму отцу, онъ хотѣлъ открыть неблагодарному, злому сыну, изгнавшему его изъ своего дома.

— «Да объ чемъ ты это думаешь, друже?» — спросилъ его Сояшница, озабоченный нѣсколько тѣмъ, что его новый гость рѣшительно не обращалъ на него вниманія: «ты хоть бы борщику или яичекъ поѣлъ!»

— Нѣтъ! — говорилъ на это молчаливый гость: — не хочу я не борщику, ни яичекъ! Я все думаю о томъ, какъ бы пойти опять къ молодому... хоть бы на минуточку пойти... и сказать бы ему! Тогда уже спокойно и въ землю бѣ легъ!

Сояшница качаль головою и ныло его старое сердце. И не долго наслаждался Сояшница обществомъ новаго друга. Этотъ другъ оказался наконецъ рѣшительно неблагодарною душою и сдѣлался причиною довольно грустной катастрофы въ жизни маляра.

Однажды (это было въ началѣ первыхъ зимнихъ морозовъ, когда холодный вѣтеръ неожиданно потянулъ

изъ-за рѣчки, и вьюга закружилась и зашумѣла надъ хуторомъ) — Сѡяшница истопилъ жарко печь, легъ на лежанку и до глубокой ночи не могъ закрыть глазъ, ворочаясь съ боку на бокъ и невольно сравнивая своего молчаливаго гостя съ покойнымъ Омелькомъ Брусомъ. И сквозь легкую дремоту видѣлось ему бывшее невозвратное время, статный широкоплечій парень, съ синякомъ, въ видѣ родимаго пятна, подъ глазомъ, цвѣтущая стена, широкій косогоръ и море травъ, по которымъ ныряетъ пара круторогихъ воловъ и тяжелый хуторянской возъ. — Гость маляра также не спалъ и поминутно ворочался... Онъ тоже думалъ: «Право, пойду-ка я!... и расскажу молодому пану, все расскажу... все, какъ есть!» — Лампадка передъ образомъ сла бовеныхивала, вѣтеръ какъ-будто притихалъ, и маляръ наконецъ забылся.

Когда онъ проснулся и протеръ глаза, въ куренѣ не было ни души. Кровать, на которой спалъ его гость, была пуста, и вѣтеръ, прорываясь въ раскрытую дверь, колыхалъ пламя потухающей лампы. Сѡяшница накинулъ на плечи шубу, выскочилъ изъ куреня, заглянулъ въ сѣни, заглянулъ подъ навѣсъ, гдѣ стояла карета, заглянулъ въ погребъ: нѣтъ ни души, и только сѣдая метель шумитъ, кружится и сыплеть на землю тяжелые волнующіеся хлопья.... Первою мыслию маляра было, что молчаливый гость просто обворовалъ его и убѣжалъ! Но онъ тутъ же отклонилъ отъ себя эту недостойную мысль

и не безъ основанія рѣшилъ, что гость наконецъ поставилъ на своемъ и, украдкою отъ него, ушелъ въ намѣреніи привести въ исполненіе задуманную передачу тайны своей людямъ, лишившимъ его куска хлѣба....

Горько усмѣхнулся Сѡяшница, надвинулъ на уши шапку и вышелъ изъ пасѣки, съ цѣлью, во что бы то ни стало, вернуть назадъ безумнаго сожителя. Свѣжіе слѣды виднѣлись подъ навѣсомъ куреня, у двери, на занесенной полоскѣ снѣгу. Онъ кинулся по этимъ слѣдамъ. На дворѣ его окликнулъ сторожъ, одинъ изъ его пріятелей: «Куда ты въ эту пору, Сѡяшница?» — «А вотъ, я немножко на мельницу; хочется на голубей посмотреть — не подмерзли бы!» — отвѣтилъ старикъ, и метель, шумя, кружась и сыпя косматые хлопья, скоро скрыла его отъ глазъ сторожа....

Слѣдующее за этимъ утро было ясно и безоблачно, какъ въ тихій весенній день. Солнце весело катилось по голубому небу и снѣжныя равнины искрились серебряною и золотою пылью. Михѣй Михѣичъ, въ тепломъ бешметѣ и ваточномъ картузѣ, съ суконными клапанчиками на ушахъ, сходилъ съ крыльца, собираясь побродить по хозяйству. И только что онъ подумалъ: «А посмотримъ, много ли дѣвки надрали пуху!» какъ къ дому его подѣхалъ возъ, покрытый рогожею. Десятникъ Михѣя Михѣича шелъ возлѣ воза и что-то

говорилъ рыжему въ веснушкахъ парню, который сидѣлъ на окраинѣ воза.

— Что тебѣ, Никита? — спросилъ Михѣй Михѣичъ, останавливаясь на послѣдней ступенькѣ крыльца....

— А вотъ, добродію, — отвѣтилъ десятникъ: — работникъ ѣхалъ по степи и, подѣ стогомъ, нашель двухъ замерзшихъ человѣкъ!

Парень откинулъ съ воза рогожу. На кучѣ мѣшковъ лежали два окоченѣлые трупа: это были — маляръ Сояшница и гребенщикъ....

VI.

Судьба однако сжалилась надъ маляромъ и не допустила его отойти изъ дольняго міра такимъ печальнымъ путемъ. По распоряженію Михѣя Михѣича, трупы замерзшихъ со всѣми усиліями были оттираемы снѣгомъ и теплою водою, и когда ничто не помогло, ихъ поставили въ такъ-называемый *мертвый домикъ* — который читатель всегда встрѣтитъ на скромныхъ хуторянскихъ кладбищахъ.

Михѣй Михѣичъ безутѣшно оплакивалъ Сояшницу и даже нѣсколько трусилъ, не зная, кому отдать слѣдующую ему плату за карету, и опасаясь, какъ бы маляръ самъ, въ видѣ мертвеца, не пришелъ за нею ночью! Мертвецъ однако не обезпокоилъ его. Когда, передъ вечеромъ, сторожъ вошелъ въ мертвый домикъ, замерзшій гребенщикъ

лежалъ на столѣ, а маляра тамъ не было. — Сторожъ заглянулъ подъ столъ, заглянулъ на погостъ, въ канавы, окружавшія кладбище, даже на колокольню: нигдѣ не было старика! Да уже на пасѣкѣ отыскался Сѡяшница! Онъ скоро оттаялъ, покинулъ мертвый домикъ и прибѣжалъ на пасѣку. Спокойно истопилъ самъ печь, сварилъ себѣ кашку, обогрѣлся, проспалъ чуть не цѣлыя сутки и снова, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ жить на бѣломъ свѣтѣ.

Но уже лучшія струны души его были порваны и онъ болѣе не выходилъ изъ холодной, постоянной тоски. Тѣнь перваго друга его, Омелька Бруса, носилась передъ нимъ, и онъ съ печальнымъ раздумьемъ смотрѣлъ черезъ заборъ сада. Однажды онъ попробовалъ-было расхрабриться передъ хуторянекими молодіцами и объявилъ, что вы, вотъ, не смѣйтесь, что онъ, вотъ, самъ женатъ, и что его жена молода и не уступитъ никакимъ на свѣтѣ молодіцамъ! И когда въ его словахъ усомнились, онъ пошелъ къ Михѣю Михѣичу, занялъ у него въ счетъ будущей платы цѣлковый и сообщилъ, что пойдетъ за женою въ Харьковъ и приведетъ ее на хуторъ. — Отправился Сѡяшница въ дорогу и пришелъ Харьковъ. Во весь путь его мочилъ холодный дождь и была острая осенняя стужа. Иззябшій и измученный, притащился онъ къ купцу, у котораго проживала работницею жена его. — Нѣсколько десятковъ верстъ, пройденные пѣшкомъ, дали

себя знать старому маляру. Купецъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ и спросилъ: — «Да развѣ это твоя жена?» — «Моя!» отвѣтилъ Сѡяшница. — Купецъ задумался, повелъ его въ свои комнаты, накормилъ его, напоилъ и сказалъ: «Жены твоей теперь у меня нѣтъ!» — «Какъ нѣтъ? Гдѣ же она?» спросилъ Сѡяшница измѣнившимся голосомъ. — «Она, — вотъ видишь ли... она теперь уже не у меня, а у одного аптекаря, за Лѡпанью, занимается... ключницею!» Маляръ повѣсилъ голову, разставилъ руки и вперилъ глаза въ землю. Слеза выкатилась изъ-подъ его рѣсеницы, сбѣжала по морщинистой щекѣ и, задрожавъ, повисла на небритомъ подбородкѣ. — «Ступай за Лѡпань, ее отсюда видно! Ступай и возьми свою жену! она здорова, сыта и тебѣ обрадуется!» сказалъ купецъ.

Сѡяшница печально улыбнулся.

— Нѣтъ! — отвѣтилъ онъ: — жена теперь не пойдетъ за мною! Каждый день дождь и очень мокро!

— Какъ не пойдетъ? Да ты возьми ее силою, ты на то мужъ, хоть она и пошаливаетъ....

— Мужъ!... Мужъ!... Нѣтъ, не пойдетъ! — подхватилъ съ улыбкою маляръ: я уже знаю свою жену; не пойдетъ! Мокро!

И, не смотря на всѣ увѣщанія купца, онъ покинулъ Харьковъ, не побывавъ за Лѡпанью, и опять пустился въ тяжелый и долгій путь. И всю дорогу опять мочилъ

его холодный дождь и била пронзающая, осенняя стужа. Ночуя въ старыхъ кирпичныхъ заводахъ, пришелъ онъ къ Михѣю Михѣичу и молча подаль ему гривенникъ.

— Что это? — спросилъ его изумленный Михѣй Михѣичъ.

— Это осталось отъ цѣлковаго! Возьмите, отдадите разомъ, при расплатѣ; а то еще пропьешь его, какъ паршивый мальчишка!

— А жена же твоя гдѣ?

— Осталась за Лѡпанью!

— Какъ за Лѡпанью осталась! ты развѣ не былъ въ Харьковѣ?

— Былъ, да она не пошла бы за мною!

— Какъ не пошла бы? Что ты городишь?

— Мокро!... Я уже знаю свою жену; не пошла бы потому что идетъ дождь и очень мокро!

Михѣй Михѣичъ съ грустью посмотрѣлъ на маляра....

Сояшница тутъ же навсегда примирился съ мыслию, не видѣть въ низенькомъ куренѣ своей жены, и погрузился въ обычное грустное молчаніе. Неутѣшно тосковалъ старый Сояшница. Еще иногда возился онъ съ подпилкомъ у винтовъ и ручекъ кареты. Но уже краски онъ покинулъ окончательно. Прислонясь къ забору сада, опирался онъ порою о мшистыя бревна забора и смотрѣлъ по цѣлымъ часамъ въ поле, по которому носились, каркая, черныя вороны, или пахарь, заводя унылую пѣсню,

ходилъ съ плугомъ по отлогому, зеленѣющему пригорку. И не встряхивалъ уже маляръ сѣдыми волосами, говоря о томъ, что вотъ, придетъ время, и онъ напишетъ такую славную и хорошую вещь... Онъ угасалъ видимо и, какъ бы предчувствуя близкій конецъ, не заводился уже ни хозяйствомъ, ни новыми работами.

Иногда, приходя, по старому обыкновению, къ пану за передъ-обѣденною порціею водки, онъ вдругъ останавливался и отводилъ рукою рюмку, протянутую ему съ ласковымъ привѣтствіемъ пана: — «А вотъ, Ефимъ Романычъ, и рюмочка тебѣ!» Ефимъ Романычъ отказывался и устремлялъ въ землю глаза, неожиданно залитые слезами. Михѣй Михѣичъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на маляра.

— Что съ тобою, Сѡяшница! — спрашивалъ онъ.

Сѡяшница горько усмѣхался и качалъ головою.

— Скучно мнѣ, Михѣй Михѣичъ! говорилъ онъ.

— Какъ, скучно? что за вздоръ!

— Такъ же, совѣмъ скучно!

Михѣй Михѣичъ смотрѣлъ на донышко рюмки.

— Да отчего же тебѣ скучно?

— А врагъ его знаетъ! — отвѣчалъ маляръ, утирая рукавомъ катившіяся на кончикъ носа слезы: — вездѣ скучно; и на пасѣкѣ скучно, и на хуторѣ и въ полѣ скучно; просто — на свѣтъ бы не глядѣлъ...

— Что же, вѣрно война будетъ? — спрашивалъ Михѣй Михѣичъ съ тайнымъ трепетомъ.

— Нѣтъ, войны не будетъ; а такъ, скучно:

— Тебѣ вѣрно жаль... Бруса? — спрашивалъ неожиданно Михѣй Михѣичъ.

— Да... жаль Бруса! — замѣчалъ глухо маляръ и уже не могъ удержаться: рыданія вырывались изъ его старой груди.

....Въ свѣтлый юнскій вечеръ, когда въ прозрачномъ воздухѣ, противъ солнца, роились мошки, тянулись по небу алая полоса свѣта и облака блистали раскаленнымъ серебромъ; когда дружно звучали въ нѣсколькихъ мѣстахъ поля пѣсни идущихъ съ работы косарей и на хуторѣ, передъ колодцемъ, стояли поселяне и смотрѣли, какъ ломался вышедшій изъ шинка пьяный кузнецъ, въ бабьемъ очипкѣ, съѣхавшемъ ему на затылокъ; въ свѣтлый юнскій вечеръ, говорю я, маляръ Сояшница, лежа на разостланномъ тулупѣ передъ пасѣкою, велушивался въ звуки степнаго вечера и въ шопотливый говоръ засыпающихъ древесныхъ листьевъ... И отрадно было дышать ему свѣжимъ воздухомъ, наполненнымъ благоуханіями цвѣтовъ; тихо улыбался онъ и пристально вглядывался въ отдаленные очерки темнѣющихъ полей. Солнце алымъ золотомъ обливало круглую развѣсистую вершину клѣна, одиноко поднявшагося на простѣлкѣ зеле-

наго сада, и кукушка звонко куковала за рѣкою, въ кустахъ молодой осиновою рощи... Сѡяшница сталъ считать крики кукушки, далеко разносившіеся въ чистомъ воздухѣ подступающаго вечера, сталъ считать съ мыслію: — «А посмотримъ, сколько мнѣ еще лѣтъ остается жить на свѣтѣ?...» и не досчиталъ. — Стараго Сѡяшницы не стало въ живыхъ!...

—

Случилось автору проѣзжать мѣста, гдѣ происходило дѣйствіе разсказа. Гроза застала его въ полѣ, и онъ, пользуясь обычаями степнаго гостепріимства, завернул въ маленькій домикъ деркачѣвскихъ хуторовъ. Помѣщикъ хуторовъ былъ уже женатъ, находился подъ башмакомъ жены, сосѣдней вдовы, не носилъ уже ни ситцеваго голубаго капотика, съ безчисленными карманами — ни гарусныхъ розовыхъ ботинокъ, а носилъ халатъ изъ пестрой термаламы и козловые, мягкіе сапожки, безъ каблукъ; ежедневное бритье уже не мучило пана, по причинѣ отпущенныхъ бакенговъ, и онъ, стоя на крыльцѣ, болѣе не потиралъ въ раздумьи подбородка.

— А, знаете ли что? — сказалъ мнѣ, между прочимъ, Михѣй Михѣичъ: — теперь тотъ *мертвый домикъ*, на моемъ кладбищѣ, если знаете, я уже сломалъ! Жена говоритъ, что по ночамъ непріятно о немъ думать! За то я изъ него огородилъ кладбище новымъ каменнымъ заборомъ! — И вы не повѣрите, какой это искусный за-

боръ, — прибавилъ онъ, водя ладонями по шелковистымъ бакенбардамъ отъ ушей къ носу и охорашиваясь передъ зеркаломъ: — я его сдѣлалъ изъ камня, а между тѣмъ выходитъ, какъ будто онъ сдѣланъ изъ дерева!

Я вспомнилъ о лицахъ, похороненныхъ на этомъ кладбищѣ, и захотѣлъ взглянуть на ихъ одинокія могилы.

— Покажите мнѣ ваше кладбище! — сказалъ я Михѣю Михѣичу: — мнѣ хочется посмотреть на вашъ новый заборъ!

— Хорошо, хорошо! — проговорилъ разсѣяннo Михѣй Михѣичъ, смотрясь въ зеркало и потирая пальцемъ довольно красивый и большой носъ: — вотъ постоитъ, я позову ключника, и онъ вамъ все покажетъ! Этакая досада, угорекъ, кажется, вскочилъ на лѣвой ноздрѣ!...

— А вы не пойдете?

— Нѣтъ, не пойду! нельзя! отвѣтилъ онъ, нагиная кончикъ носа къ самому стеклу зеркала: — я пойду къ женѣ, мнѣ надо къ ней итти! Она... фѳочка... теперь черешни на водкѣ гонить въ кладовой!

Михѣй Михѣичъ щелкнулъ языкомъ, подпрыгнулъ и, кружась по комнатѣ, весело замѣтилъ:

— А меня она очень любитъ! Очень!...

Онъ убѣжалъ, и скоро изъ окна кладовой раздался пріятный мелодическій голосъ, какимъ обыкновенно говорятъ дородныя дамы:

— «Филиппъ! пойдѣ къ тому пану и покажи ему кладбище!»

Филиппъ вошелъ ко мнѣ и безъ всякихъ околичностей произнесъ: «Пойдемъ!»

Я пошелъ за нимъ.

Это былъ одинъ изъ числа тѣхъ людей на благодатной степи, которымъ рѣшительно все равно, овчаръ ли онъ, ключникъ ли, кузнецъ, или просто оборванный чумакъ: онъ ни на что не смотритъ!

— Ты Петръ Віэнко? — спросите вы его.

— Эгэ, Петръ Віэнко! — отвѣтитъ онъ вамъ, шаря въ карманахъ и переминаясь съ ноги на ногу.

Вы подумаете немного, справитесь со своими воспоминаніями и скажете:

— Да нѣтъ, ты, кажется, Самкò Карабуть!

Онъ переступитъ съ ноги на ногу и отвѣтитъ:

— Да можетъ и вправду Самкò Карабуть!

Кладбище скоро выглянуло изъ-за церкви и я обратился къ проводнику съ вопросомъ: «Гдѣ тутъ могила маляра Сѡяшницы?»

Филиппъ указалъ палкою на выдавшійся уголь деревяннаго креста и отвѣтилъ:

— Вонъ-то она!

Я подошелъ къ кресту.

— А гдѣ могила Омелька Бруса?

Филиппъ помолчалъ и вяло отвѣтилъ:

— Да то она же и есть!

— Какъ она? Ты сказалъ, что это могила маляра!

Цилиппъ зѣвнулъ и произнесъ:

— Ну, да, она и есть могила маляра! — И онъ сталъ глядѣть уныло, точно его сѣчь хотѣли.

— А Омелько Брусъ гдѣ похороненъ?

— Омелько Брусъ?

— Да!

— Не знаю! Его тутъ должно быть и не бывало! Да и маляръ, должно быть, не тутъ похороненъ! — прибавилъ онъ, немного помолчавъ....

Я смѣрялъ его глазами.

— Ну, а не знаешь ли ты, гдѣ похороненъ у васъ одинъ прохожій гребенщикъ?

Филиппъ махнулъ рукою, надвинулъ шапку, запахнулъ полы свитки и молча пошелъ на кухню, не удостоивъ меня отвѣтомъ....

Я взглянулъ на тихій погостъ хуторянскаго кладбища и увидѣлъ, что новый заборъ его точно былъ искусный заборъ: онъ былъ сдѣланъ изъ камня, а казалось, будто онъ сдѣланъ изъ дерева.

Х.

ЧУМАКИ

(Изъ путевыхъ замѣтокъ 1856 года.)

І.

Зима.

Степныя метели.—Былыя судьбы чумачества*).—Чумаки сто лѣтъ назадъ.—Разсказъ очевидца, Запорожца Коржа.—Анекдоты о чумакахъ.—«А вѣдь мы же шли?» — Общій видъ зимы.—Календарь степей.—Святки.—Зимовля воловъ.—Статистическія данныя.—
Зимняя лѣнь.

Иногда въ степи начинается что-то странное. Въ воздухѣ не то, чтобы очень холодно и вѣтрено. Однѣ галки

---

*) Чумакъ—татарское слово «чукмакъ»—перевозчикъ, номадъ. Занимаясь изстари перевозкою товаровъ по Малороссіи и образуя какъ-бы наслѣдственное сословіе, чумаки съ незапамятныхъ временъ составляютъ живое, торговое звено между Южной Россіей, по русламъ рѣкъ Днѣпра и Дона, и побережьями Чернаго и Азовскаго морей. Желѣзныя дороги на югъ, если не совершенно уничтожатъ, то значительно измѣнятъ ихъ промыселъ, а вмѣстѣ съ нимъ и нравы, и обычаи ихъ, сохраняющіе пока еще много своеобразнаго. Вмѣстѣ съ другими явленіями украинской жизни, чумаки доживаютъ послѣдніе свои дни.

густыми тучами посятся надъ землею и разыгрываются на метель. Метель начнется, и долго помнить о ней въ степи. Но на югѣ знаютъ нѣсколько родовъ метелей, украшая ихъ затѣйливыми названіями. Одна «мря»—когда въ воздухѣ стоитъ просто непроглядный туманъ а снѣгъ медленно опускается влажными хлопьями и за ночь заметааетъ всѣ дороги и села. Другая «шквіря» или «завійныця»—когда по полямъ, безъ-устали, откуда-то летитъ вѣтеръ и несетъ не то дождь, не то туманъ, не то снѣгъ, что-то все вмѣстѣ. Третья «завирюха»—вдругъ поднимется сухая и рѣзкая, кружа цѣлыя горы оледенѣлаго инея, точно избитое въ мелкія блестящія стекла. Ей иногда предшествуетъ четвертая еще, называемая «фуга» или «пѣша»—пѣшая, которая начинается какими-то странными взлетами птицъ и состоитъ въ томъ, что по безпредѣльной корѣ гололедицы, укрывшей степь, несутся полосами сухіе, стекольчатые вороха снѣга. Въ такую метель, называемую еще «низовою», потому-что снѣгъ играетъ понизу, по землѣ, небо обыкновенно стоитъ ясное, безоблачное, все залитое алымъ или синеватымъ отблескомъ. И наконецъ «верхняя» или «валовая» метель. Эта уже не шутитъ и особенно даетъ себя знать... Медленно, иногда въ нѣсколько дней, соберутся громадныя, сѣрыя тучи и облягутъ небо, точно осадный лагерь какого-нибудь войска. Тучи забѣлвють, сдвинутся плотнѣе; снѣгъ хлынетъ и весь свѣтъ исчезнетъ. Тогда ни днемъ, ни ночью

нѣтъ уже спасенія. Въ сельскихъ церквахъ тогда безостановочно нарочные сторожевые звонять въ колокола. Гдѣ есть ружья или домашнія пушки, тамъ стрѣляютъ, время отъ времени, холостыми зарядами. Этимъ даютъ знать о близости жилья путникамъ. Тогда послѣднимъ обыкновенно, почти въ виду жилья, приходится прибѣгнуть къ извѣстному средству спасенія: остановиться, на произволъ судьбы, и быть засыпану снѣгомъ съ головой, при чемъ для дыханія въ снѣжномъ сводѣ пробиваютъ окно и чтобы проѣзжіе могли найти засыпанныхъ, сквозь верхній слой выставляется наружу какой-нибудь шестъ. По этому шесту часто находятъ и спасаютъ тѣхъ, которые не имѣютъ силы разрыть завалившаго ихъ сугроба. Быстрота степныхъ метелей не постижима. Однажды, зимой въ бурю, въ помѣщичьей усадьбѣ готовились ужинать. Дворъ усадьбы, какъ во многихъ безлѣсныхъ южныхъ имѣніяхъ, былъ не огороженъ. Одиноко на равнинѣ стояли домъ, кухня, амбаръ, погреба. Лакей принялъ отъ повара въ руки суповую чашу и пошелъ изъ кухни къ дому. Одно изъ оконъ дома свѣтилось. На дворѣ метель становилась шумнѣе и шумнѣе. Хозяева сѣли за столъ, ждуть лакея, его нѣтъ. Стали искать, кликать, послали не подалеку верховыхъ. Послѣдніе сами на-силу воротились. На другой день лакея нашли во ста шагахъ подъ усадьбой, съ суповою чашею въ рукахъ. Онъ сбился съ дороги, между кухнею и домомъ, блуждалъ, пока могъ,

слѣлъ подѣ стогѣ и замерзѣ. — Извѣстенѣ также анекдотѣ о мужикѣ, который ночью, въ метель, наткнулся въ полѣ на увязнувшую карету губернатора и, подѣхавши къ ней съ возомѣ, слѣзѣ и постучался въ освѣщенное окно кареты, окликая: «Добрый вечерѣ! а что, хозяинѣ дома? Нельзя ли переночевать?» — Когда такія метели приходятѣ, взорамѣ открываются странныя картины: исчезнувшія дороги, съ маковками чуть видимыхѣ столбовѣ, и деревни, засыпанныя буквально отѣ заваленки до трубѣ. Взойдетѣ солнце и начинается любопытная работа. Украинецѣ, о которомѣ говорится, что «его лѣнь родилась прежде его самого» — выползаетѣ кое-какѣ изѣ хаты, съ лопатой, и принимается за рытье норѣ и тропинокѣ отѣ порога къ сажу, гдѣ откармливается кабанѣ, къ амбару, откуда жена достаетѣ всякіе припасы, и калиткѣ въ огородѣ, потому-что черезѣ него идетѣ дорога въ шинокѣ, — оставляя не рѣдко не открытыми ворота, хотя бы отѣ этого нельзя было зыѣхать со двора на улицу. Такіе кротовыи ходы остаются на долго, пока новая «завирюха» или оттепель не измѣнитѣ ихѣ вида. Лѣндивые «домовики» тогда безѣ просыпу лежатѣ на печи, благо въ хатѣ тепло и подати, оплаченныя еще осенью, позволяютѣ вальготно покуривать тютюнѣ, выросшій на грядкахѣ у сосѣда же. Приди въ такую пору къ хуторянину гость, всѣ ему рады. Только не обезпокой хозяина.

Въ такую-то пору лѣнивѣйшіе изѣ лѣндивыхѣ, именно

чумаки, уже ровно ничего не дѣлають. Хлѣбопашецъ еще хлѣбъ молотить, ремесленникъ ремесломъ занимается. А чумакъ что? — Основанное на дешевизнѣ подножнаго корма, занятіе его зимою еще потому не можетъ имѣть мѣста, что воловъ почти нигдѣ не куютъ, а безъ подковъ на гололѣдицѣ раздвоенныя копыта послѣднихъ легко разрываются. И такъ, что же дѣлають чумаки зимой, въ ожиданіи весны и начала своихъ пустынныхъ переѣздовъ? — Они отдають своихъ воловъ на зимовлю по деревнямъ, гдѣ много сѣна, и на винокуренные заводы, гдѣ воловъ откармливають такъ-называемою «бардою», остатками теплой хлѣбной жижи. Чумакамъ съ весны нужны вола сильныя, въ тѣлѣ, и потому они ничего для нихъ не жалѣють и откармливають ихъ до отвалу.

Но прежде, нежели мы опишемъ жизнь чумака зимой и для этого коснемся нѣсколькихъ чертъ, въ которыхъ онъ, среди домашняго очага, сближается въ общемъ съ другими мѣстными сословіями края, объяснимъ читателю, что такое чумакъ и какъ составилаь его самобытная личность?

Слово чумакъ прежде объясняли именемъ *чумы*, которую будто бы чумаки завозили изъ Крыма, почему и чумную дегтярную рубаху они носятъ. Назначеніе рубахи мы увидимъ ниже. Имя же чумакъ по-татарски значитъ просто перевозчикъ. Чумаки теперь покрываютъ

всю Малороссію. Но они были и въ старину. Объ этомъ, кромѣ общеизвѣстныхъ народныхъ пѣсенъ, изъ которыхъ отрывки мы приведемъ въ своемъ мѣстѣ, свидѣлствуютъ и письменные источники. Въ числѣ печатныхъ свѣдѣній, къ которымъ мы должны здѣсь, для полноты очерка, прибѣгнуть, г. Скальковскій въ «Исторіи Новой Сѣчи или Послѣдняго Коша Запорожскаго», при описаніи старинныхъ дорогъ и торговли на Украинѣ и Запорожьѣ, между прочимъ, приводитъ много любопытныхъ данныхъ о былыхъ судьбахъ чумачества.

«Въ тѣ отдаленныя эпохи, (говоритъ г. Скальковскій, пользовавшійся богатствами южно-русскихъ архивовъ) кромѣ вооруженныхъ запорожскихъ отрядовъ, укрытаго въ тернахъ ружья гайдамаковъ, безчисленныхъ стадъ и табуновъ, и кое-гдѣ бѣлѣющей хаты зимовника, ничего не встрѣчалъ путешественникъ. Дорогъ не было, кромѣ «отвѣчныхъ шляховъ» (путей), по которымъ шли караваны за солью въ Крымъ, за рыбою на Донъ и въ Запорожье съ хлѣбомъ и товарами къ Очакову. Эту дорогу именовали въ Польшѣ «Чернымъ Шляхомъ», по причинѣ опасностей, сопровождавшихъ путешественниковъ, а въ простонародьѣ «Шпаковымъ», по имени перваго атамана-путеводителя, Шпакà, умѣвшаго водить чумацкіе караваны по прекраснымъ долинамъ и близъ воды, не заходя въ села и не подвергая чумаковъ опасности въ пустыняхъ. Она, начинаясь отъ Вольни, доходитъ до

Умани, а оттуда, по тайнымъ тропинкамъ, по глубокимъ оврагамъ и по берегу степныхъ рѣчекъ, доходила сперва до Балты, послѣ до Ольвіополя, а наконецъ до Никитиной переправы на Днѣпрѣ. Другой торговый путь въ степяхъ называли «*Мурáвскою дорогою*». Пробравшись по вершинамъ Вореклы, до вершинъ рѣчки Берестоватой, впадающей въ Самару, идетъ онъ къ югу, черезъ все почти запорожскія «паланки» до границы, или рѣчки Конскія-Воды, и тутъ уже переходитъ на крымскую сторону. Степь запорожская не походила на степь ногайскую или уральскую.»

И въ самомъ-дѣлѣ, если какой-нибудь путеводитель Шпакъ, этотъ Патфайндеръ украинской пустыни, пріобрѣтаетъ славу за знаніе тропинокъ и бродовъ, водопоевъ и перевозовъ, съ другой стороны и само Запорожье было населено христіянами, уважавшими путника. Здѣсь чумаки находилъ пристанище у бѣлой хаты «зимовника», обыкновенно стоявшей на берегу глубокой рѣчки, въ уединенномъ оврагѣ или у вырытаго колодца. Хозяинъ зимовника, запорожскій казакъ, обыкновенно былъ и шинкаремъ, трактирщикомъ; слѣдовательно, безопасность ватагъ чумацкихъ была для него не только долгомъ, но и источникомъ прибыли. Онъ зналъ, что слава добраго зимовника распространяется скоро, не только въ Украинѣ, но и за-границею. — Но, перешагнувъ за Днѣпръ, у Никитина-перевоза, чумаки мазалъ свою рубашку и одежду

дегтемъ, изъ предосторожности чумы и гадины; заряжалъ ружье, доставалъ съ воза пику, а на груди вѣшалъ въ мѣшочкѣ «билетъ» съ «казенною печатью», подписью русскаго пограничнаго чиновника и съ переводомъ ярлыка на турецкій языкъ. Въ ногайской степи нѣтъ уже ни селъ, ни зимовниковъ. Отъ запоржеской границы до Перекопской-башни не будетъ уже ничего, кромѣ табунновъ и стадъ татарскихъ. Хорошо еще, если въ какомъ-нибудь аулѣ жилъ мѣстный ага или мурза, русскій ярлыкъ охранялъ чумака. Но въ голой степи Ногайцы не боялись никого, и зарѣзать двухъ, трехъ чумаковъ, отнять у нихъ скоть и хлѣбъ, считалось молодецествомъ. А сколько обмановъ на соляныхъ озерахъ, сколько обидъ при Перекопской-Башнѣ, отъ всякаго рода турецкаго чиновнаго люда, отъ всякихъ «дыздарей», «имамовъ» и «каймакановъ»...

Въ «Краткомъ описаніи Малой Россіи», рукопись котораго принадлежитъ въ Одессѣ г. Филипповичу, о странникахъ старой украинской степи говорится слѣдующее: «Ѣздючи же на тѣхъ пустоширокихъ степяхъ, гдѣ не имѣлось ни единой тропинки, ни слѣду, какъ на морѣ, однако помянутыя ватаги, добре знаючи проходы, съ великимъ опасеніемъ ѣздили. Не имѣя же себѣ чрезъ одинъ и другой мѣсяць огня, единожды въ сутки весьма скудной пици, толокна и сухарей толченыхъ кушали и, конямъ ржати не допуская, будто дикіе звѣри, по тернамъ

и камышамъ крылись. Познавали же на тѣхъ степяхъ путь свой, въ день, по солнцу, и по кряжамъ, и по могиламъ; ночь же по звѣздамъ, и вѣтрамъ, и рѣчкамъ.» — Торговля запорожская дѣлилась на сухопутную и водяную. Водяная была съ Турціею, черезъ Очаковъ, на турецкихъ и греческихъ корабляхъ. Изъ Очакова корабли, получая ярлыки отъ сераскира-паши, входили въ Днѣпръ до самой Сѣчи, на рѣкѣ Подпольной, гдѣ Текели, въ 1775 году, при разгромѣ Сѣчи, нашелъ цѣлую запорожскую флотилію. Сухопутная шла по степямъ, черезъ чумаковъ. Пейсонель, бывший консуломъ французскимъ при ханѣ крымскомъ и котораго запорожець Строць и другіе видѣли въ 1760 году, съ ханомъ, въ лагерѣ близъ Днѣпра, такъ писалъ объ этой торговлѣ въ 1788 г.: «Казакі украинскіе и запорожцы приходятъ въ Очаковъ, привозя баранье сало, табакъ, снасти, пеньку, русскія полотна, дрова, точильные камни, уголь, сушеную рыбу и рыбій клей; и увозя оттуда: греческія и аккерманскія вина, соль, сушеные плоды, масло растительное, мыло, сафьянъ и сѣдла.» — Изъ переписки запорожскихъ старшинъ, приводимой въ отрывкахъ г. Скальковскимъ, видно, что изъ Крыма и Турціи запорожцы вывозили еще оружіе, свинець, конскія сбруи и другіе предметы, какъ-то: «для гетмана соку лимоннаго и оливы, прованскаго масла» — «для гетмана двухъ ослиць, съ жеребятами» — «рыбы четыре короба». Одинъ изъ старшинъ, получав-

шихъ подарки при раздачѣ жалованья на Запорожьѣ, какъ говорится въ современномъ донесеніи: «Чѣмъ будучи доволенъ, велѣлъ поднести до нѣскольکو чарокъ водки и между прочимъ, спрашивая, какія бываютъ въ Сѣчи съ Туречины въ привозѣ вина, говорилъ: «Не возможно-ль съ тамошнихъ приморскихъ мѣстъ и изъ Цареграда вывозъ сдѣлать подъ осень зовемой по-гречески стридіи, а по здѣшнему «устрицы». О чемъ егда отъ толмача объявлено, а намъ на усмотрѣніе далъ верхній «маслакъ» скорлупу.» — Эти-то первыя потребности, кромѣ притекавшихъ товаровъ изъ Россіи, мѣховъ, сырыхъ кожъ и хлѣба, были вѣроятно причиною образованія цѣлаго сословія перевозчиковъ, получившихъ, на границѣ, отъ турокъ имя чумаковъ. Это тѣмъ болѣе было сподручно казакамъ-поселенцамъ, на своихъ зимовникахъ, среди семей, становившихся все менѣе и менѣе воинственными, что, по словамъ кошеваго Григорія Федорова, въ челобитной отъ войска Императрицѣ Елисаветѣ, 1755 года: «Войско запорожское низовое изъ давнихъ лѣтъ и нынѣ хлѣба не пашеть, да въ степныхъ мѣстахъ и весьма малый родъ (урожай), бываетъ.» Изъ Крыма везли еще сѣрые смушки, для гетмана «бѣлыхъ верблюдовъ», шелковыя ткани, особенно термоламу, которой казаки, идучи, на войну, обѣщались привезти своей красавицѣ столько «чтобъ сверху колокольни достать до земли». Но главнѣе всего, въ этомъ случаѣ, была крымская

соль, до-нынѣ первая цѣль всей торговли, производимой чумаками.

Теперь чумацкіе вozy рѣдко идутъ порожнякомъ въ Крымъ за солью. Тогда же, при недостаткѣ внутренней торговли съ Россіей, они, кромѣ водки и хлѣба, мало везли товаровъ попути въ Крымъ. На Днѣпрѣ былъ ихъ главный переѣздъ на крымскую сторону. Прибытіе ихъ для Запорожья было такъ важно, что Кошъ очень часто считалъ долгомъ писать къ своимъ представителямъ въ русскую столицу: «Что ватагъ чумацкихъ еще нѣтъ; но что уже по немногу идутъ и везутъ хлѣбъ или водку,» или что наконецъ ихъ «такое множество, что даже припасы въ Сѣчи и на Никитиномъ перевозѣ вздорожали.» Какъ только время добычи соли наступало, ханскіе пристава надъ соляными озерами, учтиво о томъ извѣщали Кошъ, что, напримѣръ, какъ написано отъ 1764 года Баба-Имамомъ, приставомъ «тузлы» перекопской: «Благодареніе Богу, сего году, уже выстояніе сдѣлавъ, соль произошла изобильно; да притомъ же воды и травы у насъ въ Крыму, также и на пути вездѣ, изобильно; такъ, что очень спокойно нынѣ для чумаковъ и для скота достанетъ.» Крымское правительство при этомъ брало со всякой повозки у Перекопской башни, по 70 коп. ассигн что запорожцамъ казалось обременительно и они объ уменьшеніи платы за соль вели безпрестанную переписку съ консулами при ханѣ. Чумацкія ватаги, шедшія за

солью въ Крымъ, тогда переправлялись черезъ Днѣпръ на Никитиномъ-перевозѣ. Идущія же на Донъ за рыбою переправлялись въ Кодакѣ. Видя прибыль отъ этой чумацкой торговли, Запорожцы старались даже учреждать собственные мосты и перевозки черезъ рѣчки и протоки въ Ногайской сторонѣ. На этихъ переправахъ бралась плата за перевозъ. Ханы также жаловали своихъ каймакановъ и дыздарей, комендантовъ «за многія службы и посылки отъ его ласки» правами устроить мостъ на той или другой рѣчкѣ. Послѣдніе иногда перепродавали эти права на мостъ и сборъ Запорожцамъ, какъ на рѣкѣ Белозеркѣ, за 40 р. асс. въ годъ. И Запорожцы взимали перевозныя пошлины со своихъ и чужихъ, на земляхъ Ногайцевъ и Крымцевъ. Но рядомъ съ этою безпечно-стію, послѣдніе позволяли себѣ дѣлать и всякія грабительства, захватывали чумаковъ съ ихъ добромъ въ плѣнъ и продавали Туркамъ, какъ «ясырей» — невольниковъ, на работы въ галеры и крѣпости. Наконецъ чумаки способствовали еще тогдашней торговлѣ Украйны и Запорожья съ Польшею, чему также приводитъ г. Скальковскій нѣсколько любопытныхъ доказательствъ.

Такимъ-то образомъ, образовавшись еще въ смутныя для страны времена, чумачество мало-по-малу приняло видъ нынѣшнихъ мирныхъ странниковъ. Тогда ватаги ихъ, эти «караваны украинской пустыни» требовали смѣлости и отваги. Перешагнувъ рубежъ своихъ степей, на

крымской сторонѣ они дѣлались истинными «героями степи», жертвами засухи, голода, жажды, разбойниковъ своихъ и чужихъ, и притѣсеній мѣстныхъ мурзъ и каймакановъ. Для этого чумаки тогда запасались ружьемъ и копьемъ, а въ случаѣ набѣга Ногайцевъ ставили свои возы такъ, что дѣлали изъ нихъ укрѣпленную засаду. Словомъ, они смѣло встрѣчали врага. Теперь племя ихъ переродилось. Крымцы и Ногайцы умирены. Въ степяхъ вырыты вездѣ колодези и всюду уже кипитъ народонаселеніе. Но память о первобытныхъ чумакахъ не исчезаетъ. Кромѣ того, что теперь еще есть семьи въ разныхъ мѣстностяхъ края, гдѣ дѣды, отцы, сыновья и нынѣшніе внуки и правнуки «чумакують» и передаютъ преданія о дѣдахъ изъ рода въ родъ; эту память поддерживаютъ еще и народныя пѣсни. Лѣтописецъ Новороссійскаго края говоритъ справедливо, что: «На 100 украинскихъ думъ вѣрно будетъ 80 о чумакахъ, 10 о любви а остальные о гайдамакахъ.»

Личность нынѣшняго чумака, въ общемъ, сходна съ личностью остальныхъ украинскихъ простолюдиновъ. Но, кромѣ этого, чумаки еще хранитъ въ себѣ черты, какъ бы завѣщанныя ему отдѣльно особенностями стариннаго казачества. Обрисовку этого переходнаго образованія казака въ мирнаго чумака, превосходно представляетъ г. Костомаровъ въ своемъ сочиненіи. «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи».

«Отраженіемъ угасшаго рыцарства, говоритъ онъ, является въ Малороссіи чумаки. Казака вызвала къ дѣятельности потребность народная; и чумака произвели положеніе Малороссіи, общественныя нужды и народный духъ. Малоруссы окончили свое воинственное призваніе; настали времена другія. Сабля замѣнилась косою, пушка плугомъ. Но Малороссія, съ такими широкими, привольными степями, могла ли вмѣщать въ себѣ людей, которые бы мирно обрабатывали скромный уголокъ и не разлучались бы далѣе ближняго ручья? Моги ли малоросскій народъ, разыгравши такую шумно-трагическую роль, забыть ее вдругъ? Природа любитъ постепенность. Отъ этого, прежде, чѣмъ казакъ обратился въ «поселянина», онъ сталъ «чумакомъ» и «бурлакомъ». Чумаки по занятіямъ мужики, по духу казакъ. Собственно, въ чемъ состоятъ занятія чумацкія: въ перевозкѣ фуръ соли, вина, рыбы, хлѣба. Кажется, самое вседневное назначеніе! Но такъ ли смотритъ на него Малороссіянинъ? Чумаки находятъ какую-то славу въ своихъ путешествіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, что «пошли наши сыночки денегъ добывать» народная пѣсня говоритъ: «и славы заживать». Въ наше время, пѣсни казацкой гетманщины передѣлываются въ чумацкія. Такъ Морозенка въ Слободской-Украинѣ величаютъ вмѣсто «казаченька» — «чумаченькомъ». Есть пѣсни, гдѣ сначала говорится о коняхъ и татарахъ, а кончается «волами» и «мазницами». Интересъ ли, собственно, дви-

жетъ его? Нѣтъ, съ интересомъ соединяется что-то другое: безотчетное какое-то влеченіе къ путешествіямъ, приключеніямъ, товарищеской жизни и самопроизвольное отрѣшеніе семейственныхъ связей. Тоже, что оттѣняло характеръ казака. Извозъ чумацкій во многомъ и до-нынѣ, похожъ на воинственный походъ ихъ предковъ.»

Здѣсь еще разъ долженъ я коснуться печатныхъ источниковъ, чтобы противопоставить благодушіе стариннаго украинскаго простолюдина не менѣе своеобразному благодушію нынѣшняго. Въ «Устномъ Повѣствованіи очевидца, бывшаго запорожца Николая Леонтьевича Коржа», приводится слѣдующій разсказъ о способѣ, какимъ на Запорожьѣ рѣшали тяжebныя дѣла. Передаемъ его вкратцѣ, подлинными словами разсказчика. Когда случалось, что два казака поспорятъ или подерутся на «зимовникахъ» или скотомъ потравятъ хлѣбъ или сѣно, то оба они, кушивши на базарѣ по калачу, идутъ «позываться» судиться въ «паланку» околodокъ, къ которому принадлежатъ, и, положивши калачи на столъ, становятся возлѣ порога и кланяются судьямъ. Судьи начинаютъ спрашивать: «Какое ваше дѣло?» Обиженный разсказываетъ первый. Судьи опрашиваютъ обидчика. Обидчикъ сознается, что дѣйствительно ему «шкоду сдѣлалъ» и въ хлѣбѣ и въ сѣнѣ, но не можетъ его удовлетворить, потому-что тотъ «лишнее требуетъ.» Паланка тогда посы-

лаетъ освидѣтельствовать убыль обиженнаго и опять спрашиваетъ обидчика: «Что же, братчику, согласенъ ты заплатить?» Обидчикъ опять отвѣчаетъ, что онъ и «радъ бы, да тотъ лишнее требуетъ.» Тогда паланка обоихъ ихъ отсылаетъ въ Сѣчь. Тутъ новая исторія. Тяжущіеся избираютъ курень обиженнаго. Вошедши въ курень, они кланяются атаману: «здоровъ, батьку!» — «Здравствуйте, садитесь! Ну, въ чемъ ваше дѣло?» — Ему передается тяжба. Зовутъ атамана куреня, изъ котораго обидчикъ. Оба атамана уговариваютъ ихъ помириться, чтобъ даромъ «не мордували» начальства. Никто ни беретъ, и обидчикъ стоитъ на своемъ, говоря: «что же, когда онъ лишнее требуетъ.» Тогда атаманы говорятъ: пойдѣмъ все четверо къ судѣ. Казаки покупаютъ опять калачи и идутъ къ судѣ. Тутъ таже притча: оба стоятъ на своемъ. Тотъ говоритъ: «онъ меня обидѣлъ», — а тотъ «онъ лишнее беретъ.» Видя, что ничто уже не поможетъ, тяжущіеся и атаманы идутъ въ курень Кошеваго. Калачи также кладутся и также разсказывается вся исторія. «Ну,» спрашиваетъ Кошевой обидчика: «такъ ты не согласенъ обиженнаго продовольствовать?» «Ни! я сневельможный пане, отвѣчаетъ обидчикъ: не согласенъ!» — Кошевой выходитъ изъ куреня и кричитъ своимъ челядинцамъ: «Сторожа, кієвъ!» Слуги бѣгутъ и несутъ палки. Тогда вельможный говоритъ: «ну, ложись, братчику! вотъ мы тебя проучимъ, какъ правду дѣлать!» Казакъ ложится,

а Кошевой говорить: «Сторожа, на рукахъ и на ногахъ садитесь; бейте его добре кіями, чтобъ зналъ, почему ковшъ лиха!» — Когда кіи «начнутъ между собою разговаривать» по ту и по другую сторону, виновный казакъ *«все молчитъ и слушаетъ, что скажутъ.»* И когда его уже хорошо попотчуютъ и Кошевой при этомъ скажетъ «все, что нужно,» его отпускаютъ, спрашивая: «**Можетъ** тебѣ еще прибавить? На что, разумѣется, тотъ уходитъ безъ оглядки и впередъ уже въ судѣ не «позывается».

Вошло въ пословицу, что ни о комъ въ свѣтѣ нѣтъ столько анекдотовъ, какъ объ Англичанахъ и Малороссахъ. Большая часть разсказовъ о послѣднихъ относится непременно къ чумакамъ. Стоитъ сойтись кучкѣ Русскихъ съ Украинцемъ, рѣчь о лукавствѣ и лѣни чумаковъ заходитъ при первой шуткѣ. Есть даже спеціалисты въ этомъ родѣ. Большая часть этихъ анекдотовъ, безъ сомнѣнія, ловкія выдумки, ради краснаго словца. Но, надо сознаться, эти выдумки основаны прямо на природныхъ свойствахъ нашихъ героевъ. Извѣстенъ анекдотъ о чумака, съ котораго соннаго сняли сапоги. Въ Москву чумаки, въ прежнее время, за недостаткомъ хорошихъ соболей, на своихъ волахъ, часто возили шерсть, соль и хлѣбъ. Тамъ въ особенности ходитъ много о нихъ разсказовъ. Извѣстенъ анекдотъ о чумака, котораго часовой въ Кремлѣ хотѣлъ оптрафовать за считаніе галокъ на Иванѣ Великомъ. Одному чумаку товарищъ на ярмаркѣ

жаловался, что у него украдены деньги, которыя онъ было спряталъ на возу: — «Э, бо ты дурень!» отвѣтилъ ему товарищъ: «ты бѣ такъ сдѣлалъ, какъ я!» показывая, что онъ деньги спряталъ за пазуху; но, не нашедши ихъ тамъ, началъ искать за голенищами, потомъ въ шараварахъ — приговаривая: «Ты бѣ такъ сдѣлалъ, какъ я!» Оказалось, что и у него украли деньги.

Ѣхали два чумака на одномъ возу и вели отвлеченный разговоръ о землѣ, небѣ, свѣтопреставленіи и о домовыхъ. «А сколько, друже, скажи ты мнѣ, будетъ верстъ до неба?» Тотъ вынулъ изо рта трубку, посмотрѣлъ вверхъ, сплюнулъ и отвѣтилъ: «Верстъ, можетъ быть, семь будетъ!» — Собесѣдникъ тоже посмотрѣлъ. «Э! дурень, дурень! Гдѣ же тамъ семь верстъ, когда ни одного шинка не видно?! Больше!...»

А попробуйте чумака допросить о чемъ-нибудь. Онъ отвѣчаетъ вашими же вопросами. «Ты пьянъ, бестія?» спрашиваетъ его, послѣ какой-нибудь схватки у корчмы, становой. «Отъ чегожъ я пьянъ?» — «Да это видно; вонъ и на ногахъ не стоишь!» — «Гдѣ жъ я не стою?» — «Да какъ же; вонъ отъ тебя и водкой несетъ!» — «Какъ несетъ? какою водкой?» — «Ну, да, вонъ и другіе говорятъ, что ты пилъ!» — «А пусть тому и глаза выльзутъ, кто видѣлъ, что я пилъ!»

Въ Крюковомъ Посадѣ, предмѣстьи Кременчуга, куда гужомъ привозится изъ Крыма соль и гдѣ ежедневно

лѣтомъ толпятся нѣсколько тысячъ и десятковъ тысячъ чумаковъ, споры и ссоры, между послѣдними, бываютъ безпрестанно. Но какъ ихъ судить? Какое терпѣніе не лопнетъ, при способѣ ихъ отвѣчать и отдѣлываться?

Одинъ чиновникъ земской полиціи разсказалъ мнѣ слѣдующій случай. Пришли два чумака судиться изъ-за «кожуха» (тулупа). Дѣло въ томъ, что они шли изъ Перекопа съ фурами и одинъ другому далъ, во время жары, на сохраненіе тулупъ, а тотъ взялъ его, да и пропилъ въ первомъ же кабакѣ, пока пріятель его тоже лежалъ безъ ногъ. Надо, значитъ, доказать, что одинъ у другаго взялъ тулупъ и не отдалъ.

— А вѣдь мы же шли? спрашивалъ истецъ.

— Шли.

— Мнѣ же стало душно?

— Стало.

— Я же тебѣ его отдалъ?

— Отдалъ.

— И ты же его взялъ?

— Взялъ.

— Гдѣ же онъ?

— Что?

— Тулупъ.

— Какой?

— Что я тебѣ далъ.

— Когда?!

Минута молчанія. Истець начинаетъ снова:

— А вѣдь мы же шли?

— Шли.

— Миѣ же стало душно?

— Стало.

— Я же тебѣ его отдалъ?

— Отдалъ.

— И ты же его взялъ?

— Взялъ.

— Гдѣ же онъ?

— Что?

— Тулупъ.

— Какой?

— Да что я тебѣ далъ.

— Когда?!

И дѣло опять начинается словами: «*А вѣдь мы же шли?*» Чиновникъ кончилъ тѣмъ, что позвалъ «дневальныхъ» и обоихъ тяжущихся высѣкъ....

Но я бы не кончилъ, если бы продолжалъ приводить анекдоты о чумакахъ.

Зимой чумаки предаются усиленной лѣни и рѣдкой неподвижности, условленной полнымъ довольствомъ жизни и сознаниемъ, что еще осенью, получивъ чистый барышъ по своему промыслу, они окупил на долго свои нужды. Изрѣдка только чумаки встанетъ съ печи, отправляясь взглянуть на небо и на кормъ своихъ непа-

глядныхъ воловъ. Зимой чумаки сливаются съ общимъ настроеніемъ быта всей Малороссіи, и только привычному глазу замѣтны ихъ личности, по несказанной, привольной лѣни, тяжелой на подъемъ и чуждой всякимъ тревоженіямъ. Впрочемъ, видоизмѣненія времени года невольно разнообразяютъ и эту жизнь. Чумакъ все-таки членъ общей семьи, потому-что собственно не составляетъ отдѣльной касты, а принадлежитъ къ другимъ сословіямъ края: къ государственнымъ и помѣщичьимъ крестьянамъ, военнымъ поселянамъ и колонистамъ. Среди сель онъ замѣтенъ только изрѣдка, по своей зажиточности и устраненіи отъ общихъ дѣлъ. Видъ его выясняется въ полѣ, въ степи, при первомъ дуновеніи весны и подножномъ кормѣ для скота. Преемственность ремесла по обычаю, отъ дѣда къ отцу и отъ отца къ сыну, также кладетъ на него свой оттѣнокъ.

Первый снѣгъ приковываетъ чумака къ мѣсту. Съ той поры одна его мысль «выгодувать» (выхолить) воловъ къ веснѣ. И онъ кормитъ ихъ самъ, или отдаетъ на винокуренные заводы, на «барду». Пристроились волы, ему все уже остальное тринь-трава. «Покою мій, покою любо мині съ тобою!» повторяетъ онъ и, съ стойкостью истиннаго сына степи, смотритъ съ утра до вечера съ печи, какъ жена хлопочетъ по хозяйству. — «Ты печку затопила?» спрашиваетъ онъ, ощущая пріятную теплоту нагрѣтой печи. — «Затопила!» — «А по-воду пойдешь?» —

«Пойду». — «А на дворъ холодно?» — «Холодно!» — «Ну, пусть же холодно!» замѣчаетъ онъ и плотнѣе прижимается въ уголь....

А между тѣмъ, дни идутъ за днями. Тепло было такъ уже давно, что и не вспомнишь. Августъ-Серпень смѣнился Сентяремъ, который на «пѣгихъ волахъ ѣздитъ» по полю и у всѣхъ, даже «у воробья заводитъ брагу» довольство; Октябрь-Грязникъ ведетъ за собою Ноябрь-Листопадъ. А вотъ пришелъ и Декабрь-Студень. Бабы смотрять: если будутъ теплыя святки, будутъ молочныя коровы; а свѣтлыя святки, нѣскія куры. Разумѣется, есть исключенія; не всѣ чумаки сидятъ зимою безъ дѣла. Новѣйшія барышническія склонности обуреваютъ коекого и изъ ихъ брата. Есть такіе, что держатъ по тридцати паръ воловъ, для чумачества, да ими же въ промежуткахъ и землю обрабатываютъ, и наемщиковъ для этого держать для всѣхъ работъ по хуторянскому хозяйству. У такихъ обороты большіе и всякая денъга идетъ въ строку. Что дѣлаютъ люди, то и они. Зима и у нихъ не пропадаетъ даромъ.

Чуть птичка, именуемая «сусидкою», чилика, прилетѣла на дворъ и накликала первый снѣгъ, за рѣкоставомъ приходятъ Егорій-съ-гвоздемъ и Никола-съ-мостомъ, окна на-глухо законопателись и груди замерзли. Бабы, благо въ поляхъ всѣ работы уже покончились, тотчасъ принимаются по зимнему готовить хаты. Образница,

освященная чтимою иконою Межигорской Богоматери, украшается воткнутыми пучками засушенных цвѣтовъ желтой гвоздики, васильковъ и безсмертника. Иконы все работы Борисовекихъ маляровъ. Страстная свѣча припасена на случай пожара и грозы. Тутъ же въ мѣшечкѣ, для скоропостижныхъ или «скоропценныхъ» болѣзней, привѣшивается ладанъ и артосъ, а для умирающихъ то полотенце, которымъ священникъ отиралъ съ престола пыль. Надъ дверью, въ стѣнной впадинѣ, ставится «крещенская вода» для окропленія перепуганныхъ дѣтѣй и видящихъ дурные сны. Все бываетъ на хуторѣ, все пригодится. Надтреснутый обломокъ зеркала вмазывается за-ново, близь голубаго висячаго поставца съ посудой; хоть хозяйка сама и не молода, да къ ней заходятъ молодницы, она для нихъ и держитъ. Въ иной хатѣ хозяину за восемьдесятъ лѣтъ, а хозяйкѣ подъ шестьдесятъ, и оба бездѣтны. Тутъ также кипитъ работа. Хозяинъ, лѣтъ тридцать ходившій чумакомъ, уже только сидитъ дома, да вдѣвъ на носъ рогулькой оловянные очки, коли грамотный, читаетъ духовныя книги и молится. А хозяйка, какъ сновала и тарантила, бранясь, въ двадцать лѣтъ, снуетъ и тарантитъ по хатѣ и теперь. «Ахъ ты, горе мнѣ съ тобою, восклицаетъ она, ворочая лоханки и перебирая въ печи: Боже-жь ты мой, Боже! То ходилъ онъ, шлялся съ фурами по свѣту; а теперь, какъ чурбанъ какой, сидитъ!» А смиренный хозяинъ, чистоплутный и

всегда въ бѣлой рубашкѣ, не обидѣвшей жены ни одною побранкой съ той поры, какъ женился, пока не сталъ весь бѣлый, какъ лунь, только почешетъ грудь, да изрѣдка скажетъ: «Охъ, жинко, ты бы лучше «наймичку» (работницу) взяла! Смотри, ты уже стара, и чуть ходишь; вѣдь тебѣ уже за полѣ-вѣка почитай есть!» — «Э! нечего мотать; управимся и безъ нея!» И дѣйствительно старуха управляется.

Чуть свѣтъ, бабы уже встаютъ, или какъ говорятъ въ стени «рушатся». Иногда еще на дворѣ темно и солнце не скоро выглянетъ «съ того свѣта», а они уже вкочили, постель свернули въ комокъ, подпоясались и идутъ изъ теплой хаты либо за водой, либо за топливомъ. Смотришь, въ воздухѣ чуть только стало «благословиться на свѣтъ», а уже дымъ изъ трубъ поднимается. Хозяйка старается особенно угодить мужу обѣдомъ, и потому знаетъ для этого много средствъ. Любимыя блюда при этомъ — хлѣбныя съ масломъ и творогомъ: «вареники», «балабуха», «товченики», «лимишка», «кулішъ», «пўтря» и «галушки» съ пирогами всякаго рода. Обѣдаютъ на хуторѣ часовъ въ девять или въ десять утра. Послѣ обѣда, хозяйка, перемывши посуду, достаетъ мотки прясть. Съ сумерками опять топится печь. Давши семьѣ поужунать, хозяйка садится опять прясть и ткать, если умѣетъ и въ хатѣ стоитъ ткацкій станъ. Тутъ безъ побранокъ хозяйка опять не обходится. И

будь хозяинъ самаго безукоризненнаго нрава, приноси съ чумацкаго похода все́ деньги снолна, читай въ церкви апостолъ на клиросѣ, а дома молитвы по праздникамъ, кури усердно ладаномъ въ особой «поливяной» курильницѣ, по все́мъ угламъ хаты, или, если умѣеть, въ часы «журбы» снимай со стѣны гусли и разыгрывай канты и стихирны — она все-таки найдетъ, чѣмъ его попрекнуть. Отмалчивается, со вздохомъ, хозяинъ, зная, что зима не долга, и съ весною покажетъ онъ бабѣ хвостъ; нищи только. Эта черта покорности мужа женѣ общая на Украинѣ. Случаются тамъ такіе молодцы, что подъ брань хозяйки сове́мъ обабятся и уже на домашнемъ хозяйствѣ ничѣмъ отъ нея не отличаются: мѣсятъ тѣсто, заправляютъ дрожжи, доятъ коровъ, шьютъ на сторону сорочки и ходятъ, какъ «знахарки», шептагъ надъ больными, и даже къ родильницамъ, въ качествѣ повивальной бабки. Даетъ себя знать такой «бабичъ» только на гулянкахъ, когда вышьетъ и пойдетъ, вспоминая юность, отилясывать въ «гонакѣ» такія «выкрутасы и выхиласы», что зрители только смотрятъ — смотрятъ и, покачавши головами, разойдутся. — Ужинаютъ на степи часовъ въ пять вечера. Кто особенно не занятъ дѣломъ, тутъ же и ложится спать, чтобъ не портить «світла». Часовъ въ семь вечера на слободѣ уже не слышно человѣческаго голоса, и только кое-гдѣ въ окнѣ брезжится огонекъ.

Чумацкія слободы, то-есть такія, гдѣ поселяне пре-

имущественно занимаются извозомъ, самыя богатые. Эти «чумацкія тльзда», какъ ихъ называютъ, извѣстны на югѣ на перечетъ. Тутъ ведутъ чумацкій промыселъ гуртомъ, оптомъ. У иного паръ тридцать, сорокъ и пятьдесятъ воловъ; а у другаго при этомъ въ наймѣ еще десятии сто и двѣсти земли, снята на откупъ винокурня, лѣсъ, участокъ по винному откупу, человѣкъ тридцать рабочихъ, и въ горшкѣ, гдѣ-нибудь, замазано подъ печью или закопано въ саду тысячъ сто ассигнаціями чистогану. А вы на то не смотрите, что онъ ходитъ «чумичкою» — въ сермягѣ и порванныхъ сапогахъ, снимая шапку всякому земскому и горожанину. За сапогомъ у него для оборотовъ полная киса...

И чего, въ-самомъ-дѣлѣ, не достаетъ зажиточному чумаку? — Изба новая; хозяйка, глядишь, молодая, расторопная. Скота и птицъ, хлѣба и всякой рухляди вдоволь. А нѣтъ дѣтей, и то не бѣда. Есть на это всякія знахарки, которыя кромѣ того и все другое знаютъ и дѣлаютъ: сбрызгиваютъ сглаженныхъ недобрымъ глазомъ, выливаютъ «переполòхъ» или испугъ, завариваютъ «соняшницы» отъ живота, лечатъ дѣтекую чахлость и старческую вялость, шепчутъ на зубы, сводятъ «куриную слѣпоту», сговариваютъ бельма, открываютъ злыя чары и даютъ «прогорѣвшимъ» и убогимъ на разживу «неразмѣнный рубль». Есть и такія, что утѣшаютъ тоскующее сердце, даютъ зелье на слѣдъ худаго человѣка, чары на

вѣтеръ, по вѣтру отгадываютъ вора, заговариваютъ отъ случая въ дорогѣ, отъ крови и зубной скорби, и ото всего избавляютъ — отъ икоты, живота, отъ войны и мора, голода и семейныхъ распрей. Такія знахарки далеко извѣстны и, заведись хотя одна по сосѣдству патентованнаго доктора, къ нему не пойдутъ съ хуторовъ ни ногой. И пока хозяйки хлопчутъ и суетятся, задаютъ кормъ овцамъ и птицѣ, прядутъ и шьютъ, стираютъ и полощатъ, мужъ старается ни на волосъ не измѣнить своего положенія на печи. Мѣсто его тамъ неприступно. «А ну, жинко, найди мою трубку!» говоритъ онъ только изрѣдка, и лѣнь ему даже сказать, гдѣ лежитъ трубка. «Ищи тамъ, гдѣ табакомъ воняетъ!» — И она ищетъ, раболѣпно выполняя волю мужа; на то она жена. А въ остальное время за то снова раздается ея брань, и она коститъ его на обѣ корки.

А дни летятъ...

Явился Январь-Сѣчень, за нимъ идетъ Февраль-Лютый, хотя уже и Бокогрѣй. Первый даетъ себя особенно знать. Но вотъ «трещи, не трещи, а минули водокрещи». Если на небѣ, въ ясную морозную ночь, «яркія звѣзды» — будутъ «бѣлыя ярки» овцы. Семь метелей, по народному мнѣнію, непременно сопровождаютъ семь главныхъ морозовъ: михайловскіе, введенскіе, екатерининскіе, никольскіе, крещенскіе, сретенскіе и власьевскіе. Были теплые дни на Петра-полукорма и Тимоѣя-полузимника. На

Тараса не спи долго, напиши «кумаху-лихоманку», одну изъ двѣнадцати лихорадокъ, гдѣ есть и «Пятница», и «Тетка», и просто «Она»....

Случись оттепель, гурьбы ребятишекъ и дѣвочекъ высыпаютъ на улицу. Они за холодами тоже, какъ сурки, спятъ подъ печкой съ утра до вечера. Крики раздаются на улицѣ. Ребятишки сдѣлали изъ снѣгу головатаго великана и кидаютъ въ него комьями.

Взрослые къ Рождественскимъ святкамъ, охорашиваются, и старъ и младъ. Важные хуторяне ходятъ съ подбритыми затылками и подстриженными усами. Дѣвки въ лентахъ и красныхъ сапогахъ, бряцая на морозѣ желѣзными подковами у каблуковъ, подпрыгиваютъ и пересмѣваются. Святочные пѣсни поются на Святой вечеръ. Прежде всего раздаются пѣсни о Пречистой Дѣвѣ. Потомъ молодежь переходитъ къ пѣснямъ о любви: «Ой, рыбка жъ ты, рыбка, ты моя пара; святой вечеръ!» — «У нашего пана хорошая пани; святой вечеръ!» — «У пана Ивана дочка стояла; она убиралась, въ церковь снаряжалась. Въ церковь панночка взошла, какъ заря разсвѣла; тихо-тихо стала, да такъ и засіяла. Тутъ міряне были, у нея спросили: что ты, королева, или царевна? Я не королева и не царевна — отцова дочка, панна Марьяна». — Это «колядки». Пѣсни «щедривки» или подновогоднія прославляютъ общую щедрость и гостепрѣимство: «Щедрый вечеръ, добрый вечеръ, добрымъ людямъ на

весь вечеръ; пане господарю, съ праздникомъ проздравляю!» На «Меланки» или Васильевъ-вечеръ, ребятишки и дѣвочки собираются гурьбой и идутъ съ мѣшками по морозу, подѣ окнами, стучась въ подоконницы и двери и распѣвая: «Щедрикъ-ведрикъ, дайте вареникъ, грудочку кашки, кольцо колбаски!» Хозяева хать поднимаютъ окна и, благодаря пѣвцовъ, кидаютъ «мѣхоношамъ» кто хлѣбъ, кто кусокъ пирога, кто колбасу или лепешку. А взрослые дѣвки, взявшись подѣ руки, ходятъ толпою по улицамъ и поютъ: «Ивашко всталъ, лукомъ забряцалъ; зоветь братьевъ въ поле — тамъ куница въ деревѣ, а дѣвка въ теремѣ.» Вдругъ сыплотся на дѣвокъ изъ-за угла хаты или изъ-за сугроба снѣжки. Проказы парней угадываются, и дѣвки ихъ поддразниваютъ новою пѣснюю: «Поѣхали парни на ловы, до зеленой дубровы; тамъ поймали комара-звоняря; стали они суды судить, стали комара дѣлить.»

Утро Новаго Года особенно завѣтно счастливому хозяину. Если, по обычаю, сѣвши съ вечера подѣ этотъ день за столъ, онъ за грудкою пироговъ не увидитъ противъ себя сидящей хозяйки, то значитъ долго можно ему будетъ спать на зарѣ. Въ этотъ вечеръ крестники и крестницы — дѣти одѣваются чисто-на-чисто и сходятся къ крестнымъ отцамъ и матерямъ, неся въ мисочкахъ пирогъ, хлѣбъ и квасокъ, кланяются и говорятъ: «Батько да мать прислали вамъ этого; вечеряйте на здоровье.»

А на утро довольнаго хозяина угостятъ подаркомъ особаго рода. Толпы своихъ и чужихъ дѣтей, ожидавшихъ у порога только перваго дневнаго луча, врываются въ хаты съ рукавицами, шапками и платками, полными зеренъ гречихи, овса, гороху, проса и другаго хлѣба, швыряютъ зерна по хатѣ, въ усы и въ бороды хозяевъ, и приговариваютъ всеъ разомъ: «На счастье, на здоровье; уроди Боже жито, пшеницу и всякую пашницу! Сито, сито, кидаемъ жито; куда махнемъ, тамъ и хлѣбъ найдемъ; съ того колосочка будетъ муки бочка! Мы того желаемъ, съ праздничкомъ поздравляемъ! Съ новымъ годомъ и съ Василѣмъ!»

Хаты гладко-на-гладко выметены и вычищены. Въ глиняныхъ курильницахъ у образовъ курится ладанъ. Священникъ заходитъ съ крестомъ и молитвою, освящаетъ и кропитъ святою водою всеъ окна, двери и домашніе предметы, на счастье и довольство цѣлаго года. Хозяева, въ чистыхъ рубашкахъ, только поклоны кладутъ, потряхивая кудрявыми головами, и подводятъ къ кресту дѣтей и внуковъ.

Въ праздникъ двери всякому отперты. У инаго сидитъ въ гостяхъ кумъ изъ сосѣдней слободы, у другаго бѣденекій родичъ, у третьяго безерочно-отпускной солдатъ изъ своихъ же сосѣдей. Хозяинъ радъ гостю и потчуетъ его, чѣмъ Богъ послалъ, а хозяйка уже и души въ немъ не чааетъ, лишь бы былъ солдатъ, да ласковый. Случись

же на югѣ морякъ, такъ не знаютъ, чего ему и поднести. Въ село Падалицу, близъ Ворсклы, пришелъ лѣтъ двадцать назадъ, Богъ вѣсть откуда, отставной матросъ, безъ роду и племени, сдѣлалъ на свободѣ хозяину одной хаты деревянную ложку, съ якоремъ на ручкѣ, понравился ему и до сихъ-поръ тамъ живетъ, любимый всеми. Никого не беспокоитъ вопросъ, зачѣмъ онъ тутъ и когда уйдетъ. У него неимоверной величины бакенбарды, которыхъ онъ половину запускаетъ за воротникъ. Окруженный иногда мужиками, которые захотятъ поглядѣть еще разъ, «каковъ-таковъ есть на свѣтѣ матросъ», старикашка, уже весь бѣлый, какъ пухъ, обыкновенно бодрится, говорить: «А смотрите, какія у меня бакенбарды!» вынимаетъ бакенбарды изъ-подъ воротника и показываетъ всеми окружающимъ. А окружающіе говорятъ: «Вотъ оно что; вотъ онъ каковъ-таковъ на свѣтѣ матросъ!» и расходятся отъ него, качая головами..

На святкахъ справляются дѣвками любимыя ихъ гаданія. Много трогательнаго въ особенностяхъ украинскихъ гаданій. Сборы начинаются съ пѣсенъ. Передаю нѣкоторыя изъ нихъ въ переводѣ, на сколько можно передать особенности мѣстнаго говора *). Кто побойчѣе,

---

*) Варіанты малорусскихъ подлинниковъ извѣстны всякому Малороссіянину. Здѣсь имѣется въ виду большинство русскихъ читателей.

начинаетъ общеизвѣстными о любви, и потомъ это измѣняется на десятки ладовъ. «Охъ, ты, красавица, гордая, да пышна; отчего ко миѣ съ вечера не вышла? Охъ, какъ же миѣ выходить, станутъ вороги судить! Пускай судятъ, какъ и разумѣютъ; придетъ пора, что и не посмѣютъ!» Идя въ избранную для «вечерушки» хату, поютъ:

«Ужъ всѣ куры на нашестѣ,
 «Пѣтухъ на порогѣ;
 «Ужъ всѣ парни на улицѣ,
 «А мой на дорогѣ.
 «Не топила, не дымила,
 «Стало въ сѣняхъ дымно;
 «А какъ выйду я изъ хаты,
 «Станетъ ему видно.
 «Чьи-то пчелы, середь сада;
 «Мои по долинѣ;
 «Охъ, кто любить, черны очи,
 «А я голубья!
 «Охъ, мѣсяцъ ты, мѣсяцъ ясный,
 «Не свѣти другому;
 «Только милому, какъ будетъ
 «Онъ идти до дому!
 «И не видно-жъ его дому,
 «Видно только грушу;
 «Туда-жъ, туда позываетъ
 «Рано-поздно душу.
 «И ле видно его дому,

«Видно только дубчикъ —
 «Возлѣ него, недалеко,
 «Живетъ мой голубчикъ!»

Веселье охватываетъ всѣхъ. Выраженья пѣсенъ становятся еще жарче, еще ласковѣе.

— «Охъ, когда бы мнѣ да тѣ ужъ маляры,
 «Написали бы мнѣ милаго они;
 «Написали бы мнѣ милаго они,
 «Край кровати, изголовья, у стѣны!
 «Написали-бъ мнѣ въ подарочекъ его,
 «Какъ на пташку, все глядѣла-бъ на него!
 «Написали-бъ противъ самаго стола,
 «Все глядѣла-бъ на него, на соколà....»

Или такая:

— «Охъ, на горѣ, подъ горою,
 «Сидитъ голубъ съ голубкою;
 «Они себѣ цѣлуются,
 «Цѣлуются, милуются....»

—

«Когда-бъ моя красавица да такая,
 «Какъ голубка у голубя молодая;
 «Я ее все цѣловалъ бы, миловалъ,
 «А до печи бы кухарочку нанялъ;
 «А ужъ къ ней самой Татарочку....
 «И я самъ бы по водицу ей ходилъ,
 «Мою-бъ милую за рученьку водилъ!»

Сборы кончены. Хата наполняется подругами. Гаданія начинаются, и въ этомъ случаѣ безъ участія мужскаго пола, занятаго въ тотъ вечеръ другими своими весельями. Одна за другою вошли молодыя подружки, и все не съ пустыми руками. Та подъ полой шубы, тайкомъ отъ матери, принесла яицъ и масла; другая принесла пѣтуха; третья пару куръ, муки и соли; четвертая пшена и молока. Все это похищено у матерей, а нерѣдко и у сосѣдей, что, впрочемъ, не строго взыскивается обычаями «вечерушекъ». Водка покупается на общую складчину по грошу или по гривнѣ. Начинается топка печи, мѣшеніе тѣста для пироговъ и сдобныхъ лепешекъ; при этомъ шумъ, смѣхъ и новыя пѣсни. Зажженная лучина освѣщаетъ разубранныя головы и шитыя рубахи. Между хлопотами разсматриваются наряды. «Вотъ сумашедшая! говоритъ, что не пойдетъ за Прокопа Микищенка! слышите, сестры?» восклицаетъ круглая, увѣсистая дѣвка, румяная какъ піонъ, и съ звонкимъ, какъ трещетка, голосомъ: «ну чѣмъ онъ не человѣкъ?» — «Человѣкъ хорошій, да я уже знаю, отецъ ее отдастъ за писаря!» — Слова относятся къ дочкѣ чумака Терешки Головни, невольно первенствующей между подругами. Высокая, полная, съ русою косою, шириной въ ладонь, и на головѣ съ цѣлою лавкою лентъ, алыхъ, синихъ, зеленыхъ и парчевыхъ, стоитъ она въ поль-оборота къ огню, степенная и гордая, не двигая ни рукой, ни бровью, какъ истин-

ная богачка-хуторянка, и слушаетъ даже съ опущенными глазами. Большіе сѣрые глаза такъ и смотрятъ въ душу, а брови широкія и черныя, какъ два подорожные жука, сошлись и не расходятся. Не всегда она такъ носить косу. Иногда подберетъ ее и, расплетя на двое, положитъ на головѣ, укрывъ ее только за-просто однимъ вѣнкомъ изъ темносинихъ васильковъ, или утыкавъ всю ее макомъ, гвоздиками и калиной. На плечахъ зеленая шерстяная кофта, на ногахъ красные сапожки, на шеѣ пять или шесть нитокъ мониста, красныхъ и синихъ гранатовъ, наслѣдіе еще ея покойной бабки. Изрѣдка только она усмѣхнется. Такихъ красавицъ читатель видѣлъ вѣроятно не разъ въ Малороссіи. «Ну, скажи, скажи, допытываются у нея подруги, толпясь къ ней и разсматривая то монисто ея, то серебряный дукать на груди, то самую сорочку: коли отецъ силой отдастъ за писаря, что ты тогда?» — «Утоплюсь, а не пойду!» твердо отвѣчаетъ пышная красавица, при чемъ только подвѣски дрогнуть въ ушахъ. На это раздаются восклицанія ужаса и удивленія. А маленькая, востроносая дѣвочка, рябая и всего двѣнадцати лѣтъ, тѣмъ не менѣе тянувшаяся вездѣ за большими и до этого съ молчаливымъ изумленіемъ глядѣвшая на все, при этомъ даже вскрикиваетъ и выпускаетъ изъ рукъ припасеннаго живаго пѣтуха. Въ напряженной памяти ея на-долго, до поздней старости, остается видѣнное, и печка съ горшками, и тѣсто на

столъ, и толпа подружекъ, и гордая красавица въ шерстяной кофтѣ и съ дукатомъ.

Но вотъ, пироги замѣшаны; лепешки съ масломъ, называемыя «орѣшками», обжарены; сдѣланы еще и «сластены», родъ аладьевъ, плавающихъ въ маслѣ; и пиво вынуто на столъ. Начинаютъ ѣсть и гадать.

Прежде всего набираютъ въ горсть кутьи, также припасенной на сходкѣ, и, выбѣжавъ за ворота, слушаютъ, гдѣ отзовутся на селѣ голоса или въ дальнемъ полѣ лай собакъ. Дыханіе затаено. Гдѣ послышится звукъ, тамъ и суженый. Морозная звѣздная ночь дышетъ чутко; тамъ потрескиваетъ отъ холода плетень, тамъ раздается по вѣтру говоръ подъ корчмою, оттуда несутся крики и будто смѣхъ, точно въ той сторонѣ тоже гадаютъ и парни перехватили гадалъщицъ. «Пойдемъ скорѣе и мы; а то еще и насъ переймутъ!» говорятъ онѣ и, обмерзнувши, гурьбой бѣгутъ въ хату, долго постукивая каблуками въ сѣняхъ.—«А что, не загадать ли на сѣмя?»— «Давайте, давайте!»— У многихъ оказывается въ башмакахъ, на лѣвой ногѣ, на днѣ, конопляное сѣмя, гостившее тамъ уже цѣлый день. Его высыпаютъ, подбираютъ и несутъ изъ хаты на «дровни», гдѣ дрова лежатъ, или на «куросадню», гдѣ куры на ночлегъ садятся, и тамъ посыпаютъ имъ по землѣ, приговаривая: «Кто мой суженый, ряженный, съ тѣмъ я сегодня во снѣ буду конопля братъ!»— За тѣмъ, кто побоище, вызывается

подслушивать подъ окнами и на слышанномъ основывать свои догадки о судьбѣ. Для этого вызвавшаяся беретъ теплый пирогъ изъ печи, приглашаетъ съ собою двухъ, трехъ помощницъ, и бѣжитъ сторонкой подъ хатами, останавливаясь и подслушивая, пока не простынетъ пирогъ. Отрядъ несется, высматривая чутко, нѣтъ ли засады парней, и съ торжествомъ, или уныло возвращается въ хату. «Ну-что, ну-что? слышали?» — «Слышали, да ничего хорошаго! Стоимъ мы, а въ хатѣ у Максима тихо, тихо, точно никого нѣтъ, и кто-то хнычетъ; должно быть сирота его, Оксана!» — Или: «Какъ пришли мы, а старикъ Бѣбрикъ и потянулся за столомъ, зѣвнулъ, да и говоритъ женѣ: сватать не сватать дочку, а отдавать замужъ, такъ ужъ припасай шубу!» А иногда выходитъ просто чепуха: «Смѣхъ, да и только, сестрицы; пришли мы къ хатѣ «бочара» Карбованца, а онъ должно быть пьянъ, что-ли, и говоритъ: «шельмовскій, говоритъ, индюкъ; не даетъ спать, скребется подъ лавкою; я тебѣ, говоритъ, такому-сякому!» — Гаданіе на пѣтуха и на кучки ячменныхъ или другихъ зеренъ, разсыпанныхъ по полу, съ мысленнымъ значеніемъ такого-то и такой-то, заключаетъ гадалый вечеръ. Шумъ и гамъ поднимаются по поводу разныхъ сметокъ и открытій. Только что вдоволь развеселились и уже, какъ это бываетъ, всѣ разомъ говорятъ и ни одна не слушаетъ, когда въ припертыя снутри, на случай парней, наружныя сѣнныя

двери раздается сильный стукъ. Всѣ замираютъ отъ испуга. «Это, дѣвки, хлопцы!» — «Куда хлопцы, это вернулся самъ старый!» говоритъ шепотомъ подружка-хозяйка, за отлучкою отца въ городъ тайкомъ пустившая къ себѣ гостей на «вечерушки». Съ этимъ словомъ, въ печь вкатывается ведро воды, огонь гасится, горшки въ попыхахъ летятъ подъ лавки, столъ очищается, заслонка приставляется къ печи, и гости, ухвативъ что попало изъ принесеннаго, выскакиваютъ въ сѣни и прячутся въ «каморѣ» на чердакѣ и за бочками. Нежданно-воротившійся хозяинъ входитъ и шаритъ по хатѣ въ потьмахъ, при чемъ дочка, соображая въ умѣ, ушли ли во-время подруги, недвижно лежитъ на печи, будто спитъ, какъ ни въ чемъ не бывало. «Что за бѣсъ! ворчитъ долго еще старикъ, не найдя огня и шаря по лавкѣ: точно домовые какіе, или овцы повыскакивали изъ-подъ ногъ, какъ входилъ, да и пивомъ будто пахнетъ!»

Гаданія для иныхъ еще зимою сбываются. Въ одно утро дочка заботливаго отца только-что одѣлась и принялась за работу, въ окнѣ застучали. Отецъ переговаривается съ сватами, перевязанными черезъ плечо «ручниками» (полотенцами). «Мы слышали, что у васъ есть гусочка, а у насъ есть гусачокъ, говорятъ сваты: такъ, какъ бы сдѣлать такъ, чтобы ихъ спарить и чтобы они уже вмѣстѣ ходили и паслись?» — На это отвѣчаетъ отецъ: «Рады господамъ сватамъ, милости просимъ!» —

И «ручники забраны», сватовство устроено. Разнообразные обряды свадьбы занимают на долго тихій уголокъ...

Но что это? Неужели уже зима отходить? Февраль-Богогрѣй не видимо и не гадаю уже вносить первое чуткое тепло. Въ воздухѣ еще по временамъ морозить такъ, что пока успѣешь ухватиться за носъ, а онъ и побѣлѣлъ, а уже галки кружатся веселѣе. Не оглянешься, какъ и верхніе колья плетней и углы хатъ, на подсолнечной сторонѣ, въ полдень, сегодня робко затаяли, къ вечеру опять обмерзли, а завтра и обнажились вовсе отъ снѣга. Небо становится ласковѣе, голубѣе. Почесывается и чумакъ-хозяинъ, чаще вставая съ печи, гдѣ пролежалъ всю зиму, и чаще навѣдываясь къ воламъ.

Волы — первая забота чумака. Они имѣютъ большое значеніе и вообще для цѣлой Малороссіи, какъ рабочая сила для хлѣбопашества и перевозки тяжестей, и какъ предметъ торговли, гдѣ продаютъ ихъ гуртами на убой для мяса и сала. Кромѣ того, здѣсь отъ рогатаго скота идутъ въ торговлю молоко, кожа, шерсть, рога и кости и для топлива такъ-называемый «кизякъ». Молочнымъ сборомъ питается вся семья; на волахъ пашется земля, и ими же производится весь чумацкій извозъ. Многіе занимаются скупкою бычковъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, откармливаютъ ихъ и продаютъ по второму и третьему году, получая за рубль десять рублей. Но ничто не сравнится съ переносчивостью собственно чумацкихъ воловъ. Какова должна

быть ихъ сила, когда, отъ ранней весны вплоть до поздней осени, они возятъ на себѣ по 50 и 60 пудъ на парномъ возу тяжести, совершая въ это время, въ три конца, въ Крымъ или на Донъ и обратно, до 2000 верстъ, и еще въ промежуткахъ по двѣ и по три недѣли таскаютъ на себѣ плугъ? — За то же, чумацкія жены зимой хоятъ телятъ въ хатѣ, молокомъ и всякими пойлами, почти на равнѣ съ собственными дѣтьми, а сами чумаки ничего не жалѣютъ для своихъ воловъ. Они ищутъ рослыхъ, крѣпкихъ и выносливыхъ животныхъ. У инаго чумака держится паръ десять, двадцать и тридцать воловъ, и все на подборъ, сѣрые, смурые, черные и «половые» такъ часто воспѣваемые въ пѣсняхъ. По пятнадцатому году хорошіе, а по двѣнадцатому и десятому по-хуже, волы уже бракуются и продаются гуртовщикамъ на убой. Собственно причина брака ранняя потеря зубовъ, которая при зимнемъ кормѣ на теплой «бардѣ», имѣющей еще свойства окисляющія, является и того ранѣе, именно на 8 и 9 году. Барда, жижа, остатки отъ хлѣбнаго вина, вытекающіе въ видѣ киселя въ особый чанъ ежедневно, при винокурении на заводахъ. Тамъ она нѣсколько остываетъ и ее черпаютъ въ корыта для пойла состоящихъ, по условію, при заводѣ воловъ, коровъ и свиней изъ околотка. Чумакъ, имѣющій нѣсколько паръ воловъ, если не самъ идетъ, то нанимаетъ на это время работника. Онъ является на винокурню и услов-

ливается съ хозяиномъ ея, сколько ему нужно ежедневно бѣрды и по-чемъ за четверть ея, отпускаемую каждый день, въ продолженіе винокуренія, то-есть отъ начала октября до весны. Волы на этомъ поилѣ становятся тучны и жирны, что особенно помогаетъ при продажѣ гуртовщикамъ на убой старыхъ, беззубыхъ воловъ, не могущихъ уже откормиться на сѣнѣ, но эта тучность не продолжительна и проходитъ скорѣе, чѣмъ если бы волы были откормлены на хорошемъ сѣнѣ. Одно можно сказать, что почти безъ исключенія на всѣхъ винокуренныхъ заводахъ въ Малороссіи на зиму чумаки откупаютъ бѣрду и съ весною не нахвалятся видомъ скота. Повсемѣстное же паденіе винокуренныхъ заводовъ отъ уничтоженія вольной продажи вина въ Малороссіи, въ послѣднее время оказало дурное вліяніе на скотоводство. Чумаки безъ бѣрды не обойдется. Можетъ быть, это еще происходитъ отъ той же лѣни, легко допускаемой при такомъ нетрудномъ уходѣ за скотомъ. При кормѣ бѣрдою, въ избѣжаніе болѣзни дѣсенъ и языка, воламъ дается въ перемежку еще небольшое количество соломы.

Падежи, почти по-очередно, въ пять и въ семь лѣтъ разъ, уничтожаютъ огромныя стада рогатаго скота на югѣ. Кромѣ того, отъ дурнаго ухода, засухъ, ранняго изнуренія работою и неосвѣженія стадъ новыми породами, убыль и измельчаніе степнаго рогатаго скота ежегодно становятся болѣе-и-болѣе замѣтными.

«Любовь любовью, а свекровь свекровью» — говоритъ пословица. Не смотря на всѣ заботы о волахъ, чумаки иногда съ ними выкидываетъ странныя вещи. Ни съ того, ни съ сего, возьметъ да и прогуляетъ ихъ до одного, гдѣ-нибудь въ корчмѣ. Я знаю любопытный случай.

Братъ знакомца моего, богатаго торговца сушеными грушами и чумака подъ Ольшаною, Харьковской губерніи Николай Сизѣнъ, пошелъ за рыбою на Донъ съ пятидесятью парами воловъ, зазимовалъ тамъ въ ожиданіи лова рыбы и весенняго пути для возвращенія во-свои, да гдѣ-то на линіи, близъ рѣчки Бѣлой, всѣхъ ихъ и пропилъ...

Подъ Изюмомъ, гдѣ въ семьѣ у однихъ чумаковъ по имени Забашты, считается до ста паръ воловъ, а у всѣхъ двухъ-сотъ окольныхъ чумаковъ до двухъ тысячъ паръ воловъ, для перевозки въ Донскія земли и въ Крымъ глиняной посуды, главныхъ подѣлокъ окрестныхъ поселенъ, а оттуда рыбы и соли, подобныя продѣлки также бываютъ часто. Въ нынѣшнемъ году, отъ повсемѣстной засухи на югѣ, начался снова сильный падежъ по Донцу и по Торцу, Харьковской губерніи, и въ другихъ мѣстахъ юга. Мѣръ къ прекращенію падежей до-нынѣ не открыто никакихъ; предохранительныя же средства мало дѣйствуютъ, по общей безпечности народа.

Когда Текели бралъ Сѣчь, нѣмецкаго генерала удивило, что столь славные Запорожцы ѣдятъ изъ простыхъ

корыть. Старшины и отвѣчали ему. «Хоть съ корыта, да до сыта, а хоть съ блюда, да до худа.» Этой пословицы придерживаются до-нынѣ всѣ зажиточные истинные сыны Украйны. Какъ бы ни былъ богатъ малороссѣ-простолюдинъ, онъ не оставляетъ своихъ привычекъ, ходить въ той же грубой суконной «свиткѣ» и бараньей шапкѣ, также держать въ строгости и умѣренности семью, не давая воли женѣ на мотовство. Только въ хатѣ его чище и просторнѣе. Столъ гладко выструганъ и покрытъ бѣлою скатертью. На немъ постоянно лежитъ свѣжій хлѣбъ съ солью. Въ печи рядкомъ и на полкахъ стоятъ лоханки и горшки. У двери ушатъ съ водою и «дижа» для опары хлѣба. Всякій хламъ развѣшанъ на длинной жерди, отъ печи до другой стѣны: заячья шубка дочки на голубомъ китайчатомъ подбоѣ, лисій «шушунъ» хозяйки, крытый зеленою полосатою набойкою, шаравары самого хозяина, мотки шерсти, шитое полотенце и связка луку. Изъ-подъ этой рухляди глядитъ съ «запечка» неподвижное лицо счастливаго хозяина. Въ ожиданіи весны, онъ дремлетъ за трубкою, зѣваетъ и разсматриваетъ, какъ утромъ лучъ солнца прорѣжется и освѣтитъ край печи, порогъ и кадку съ водою; какъ къ полудню онъ перейдетъ на полъ, протянется отъ потолка вдоль потемнѣвшихъ отъ времени иконъ и къ вечеру исчезнетъ, оставивши все въ темнотѣ. Или слѣдитъ, какъ за отсутствіемъ по работамъ во дворѣ хозяйки, тишину хаты на-

рушаетъ только одна любимая хозяйкина хохлатая на-сѣдка: то чопорно выйдетъ одна съ хохолкомъ на головѣ изъ-подъ лавки, на середину хаты, и бережно ступаетъ, поводя головой и разсматривая, нѣтъ ли кого умиски съ кашей, забытой на столѣ, то опять скроется подъ помость, на отсидѣлое гнѣздо свое, и по-полу, усыпанному свѣжимъ пескомъ, только останутся значки слѣдовъ отъ осторожныхъ ножекъ ея...

Уже старинныхъ Запорожцевъ изображали сильно лѣнивыми и неподатливыми на подъемъ. Насмѣшливыя картины на самой Украинѣ въ каждомъ кабакѣ представляютъ ихъ съ этой стороны. Подъ одною подписъ: «Сидитъ казакъ на жнивѣ, да штаны латаетъ; жнивье его... въ спину колетъ, а онъ жнивье лаетъ.» Другая подписъ говоритъ: «Казакъ когда не пьетъ, такъ блохъ бьетъ, а все-таки не гуляетъ.» Не гуляютъ съ этой стороны и нынѣшніе представители Запорожцевъ. Киргизъ по цѣлымъ днямъ способенъ просидѣть на курганѣ, поджавъ ноги, и съ вершины его глядѣть въ туманную даль родной степи. Чумакъ также можетъ по цѣлымъ недѣлямъ зимой не слѣзать съ печи и глядѣть оттуда то въ потолокъ, то на полъ, то на стѣны, куря трубку и едва-едва пророняя лѣнивыя слова.

За то, чуть пахнуло весной, чуть потянулъ съ юга знакомый, особенно теплый и полный какой-то музыки и обаятельной нѣги вѣтерокъ, онъ уже на ногахъ. Грудь

его высоко вздымается; онъ подтянулъ поясъ, тревожно глянувъ въ окно и говоритъ женѣ: «А что, жинко, должно быть уже весна на дворѣ?» — «Можетъ и весна!» замѣчаетъ покорно и робко жена. И оба выходятъ взглянуть на порогъ хаты, смутно вглядываясь въ окружающее...

II.

ВЕСНА.

Предвѣстники весны. — Степное половодье. — Постепенный возвратъ зелени и появленіе птицъ. — Чумацкій хуторъ. — Общее между вербой, воломъ и чумакомъ. — Календарь весеннихъ примѣтъ и повѣрій. — «Веснянки». — Весеннія чумацкія ярмарки. — Первые подряды въ отъѣздъ. — Новѣйшее видоизмѣненіе чумацкаго промысла. — Чумакъ Андрей Сизѣнь. — Павло Бѣбрикъ. — Сборы въ путь. — Сорочка, прощанія. — Роль пѣтуха. — Отъѣздъ.

«Та вжé жъ весна, та вже красна,
Изъ стрихъ вода кáпле:
Ой вжé жъ тобі, чумáченько,
Мандривкою пáхне.»

(Народная пѣсня).

Весна дѣйствительно близко....

— Э! да и бѣсова же была зима; дала, чтобъ ей не легко было, знать себя и лысымъ и плѣшивымъ! говоритъ чумакъ, поглядывая на возы и стоя уже на крыльцѣ противъ солнца, въ одной рубахѣ и безъ шапки.

Бѣлые клочковатые облака какъ-то неспокойно бѣгутъ

въ вышинѣ. Что-то незримо подступаетъ. Еще въ воздухѣ морозить, еще подъ ногами хруститъ, а въ лицо пашетъ уже привѣтливомъ, праздничнымъ тепломъ — не тепломъ, а чѣмъ-то на него похожимъ. Какъ выйдешь въ полдень и станешь середь двора, кругомъ слышится какое-то движеніе. Вдохнешь свѣжій воздухъ, точно вдохнулъ легкій паръ вина. Кажется, хмѣль струится всюду. И куда ни пойдешь, тоже самое. Каждый, входящій въ хату, вноситъ съ платьемъ своимъ свѣжесть и благоуханіе: отъ шапки, рукавиць и пояса пахнетъ весной.... И она не за горой...

Огромный, тощій, исхудалый грачъ летитъ, каркая, надъ снѣжною поляной. Рыжій байбакъ вскидывается отъ зимней спячки, становится на заднія лапки у норки и пускаетъ по степи пронзительный свистъ. А вотъ и цапля. Низко летитъ она, Богъ вѣсть откуда, и, тяжело взмахивая крыльями, опускается еще на обледенѣлыя рѣчки. Не оглянешься, какъ въ одно прекрасное утро земля просыпается въ заревѣ тревожной, туманной и теплой, весенней зари. На сѣверѣ, для водворенія весны, какъ для будочника или дворника, нужны заступъ и ломъ, топоръ и лопата, и долгій долгій-майскій зной. На югѣ весна приходитъ и водворяется разомъ, снимая и унося зиму врасплохъ. На сѣверѣ солнце еще церемонится. Тутъ-же ни что не преодолагаетъ его ликующей силы. Выглянетъ оно изъ-за вершины пологого косогора, или

изъ-за лѣса, и весь день смотритъ безъ устали. Подъ палящими лучами его, какъ по манію волшебника, все дымится, обрушается, шумитъ, реветъ, и въ парахъ и въ туманѣ улетаетъ въ небо. Улетаютъ сугробы и наметы, лужи и снѣговые водопады. Вчера еще передъ глазами вдали оттѣнялъ поле бѣлѣсоватый кряжъ холма, кое-гдѣ только тронутый еще черными подталинами. Съ полудня тогда же онъ точно задымился и, въ морѣ солнечныхъ лучей, будто сталъ колыхаться, плавая въ туманѣ. Прошла ночь, снѣгу уже нѣтъ. А на мѣстѣ его, черезъ новую ночь, проложены уже свѣжія краски новой яркой зелени, какъ-будто выросшей подъ снѣгомъ.

Едва успѣли упасть съ крыши первыя брызги «капели», подъ косвеннымъ утреннимъ лучомъ быстро затаяли болота и ложа родниковъ, и вся окрестность превратилась въ сверкающія водныя стекла, по которымъ отъ вѣтра бѣжитъ и стелется паутина. Пронесся слухъ, что затопило сосѣднюю «балку», громаднѣйшей стеной оврагъ, изобилующій приземистымъ, кряковистымъ лѣсомъ. Деревня въ волненіи. Балки очень опасны. При затопленіи ихъ, пути прерываются. На видъ онѣ ничего. Иногда подъѣдешь къ ней, смотришь, она почти пустая, снѣжокъ облегаетъ бока и на днѣ воды по-колѣно. А въѣхалъ, не успѣешь добраться до другаго берега, какъ гдѣ-нибудь подмытый сугробъ прорвало, вода хлынула, затопила балку до краевъ, и возъ съ путникомъ, всплывая и

вертятся въ мутномъ потокѣ, уносятся по теченію. Хорошо еще, если его скоро выкинетъ на берегъ или онъ зацѣпится гдѣ-нибудь за дерево. Несчастій на этихъ бѣлкахъ не обираются, и никакіе мосты на нихъ не удержатся. За бѣлками идутъ степныя рѣченки. Смотришь, грязная, ничтожная, лѣтомъ едва сочтется въ тинѣ или между камышами; а тутъ разлилась и раскидывается версты на двѣ по лугамъ. Тогда переѣзжаютъ черезъ воду на пловучихъ помостахъ, которые ходятъ не по канату, а отводятся на веслахъ выше по берегу и пускаются по теченію, при помощи руля. Водю выносятъ ихъ версты полторы или двѣ ниже, при чемъ не обходится, чтобы сколоченный наскоро помостъ не покачнулся и не упали съ него въ воду либо стогъ сѣна, либо испуганный шумомъ рѣки волъ, либо шапка зазѣвавшагося поселянина, либо самъ поселянинъ. На самыхъ большихъ рѣкахъ въ степи нѣтъ еще сносныхъ мостовъ и, напримѣръ на Донцѣ въ Изюмѣ, гдѣ пролегаетъ важная отрасль чумацкаго пути, устроены для сохранности такой мостъ, что ледъ идетъ въ половодье черезъ него. Вскрытіе рѣки въ деревняхъ встрѣчается, какъ праздникъ. Чуть «щука хвостомъ пробилла ледъ» и онъ тронулся, на берегъ высыпаетъ цѣлая деревня. Начинается съ любопытства, но потомъ всѣ тутъ застаиваются и проводятъ цѣлые дни; кто съ лаханкой, кто со взятымъ подъ мышки бѣльемъ, когда его еще нельзя мыть въ рѣкѣ, а кто и такъ, ради

говора и соображений другихъ. Тутъ же появляются гречаники на лоткахъ, сладѣницы съ жаровнями, и открывается настоящій рынокъ. А вода бѣжитъ, шумитъ, сноситъ плотины и мельницы. Мальчишки среди улицъ, пересѣченныхъ такими же рѣками и ручьями, въ маломъ видѣ, ставятъ на руслахъ изъ дощечекъ самодѣльные мельнички и заплетаютъ изъ прутьевъ и соломы плотины. Къ вечеру какъ-будто подморозить... Выйдешь на крыльцо, кругомъ тихо, только дальняя собака гдѣ-то лаетъ. А между тѣмъ, въ темнотѣ, кругомъ раздается прерывистый плескъ и неугомонное шуршуканье бѣгущей подъ заборами и въ разныхъ уголкахъ воды. По цѣлымъ часамъ стоишь и слушаешь, какъ вода то закипитъ подъ плотиною за селомъ, и шумъ ея мимоходомъ долетитъ съ вѣтромъ въ тѣсный дворикъ; то зашевелится и зашелеститъ у сарая, пробуравя тихо норку подъ сваленною у плетня соломой; то мелкими, звонкими каплями, какъ горохъ или дробь, посыплется въ потьмахъ съ крыши, будто льдинки обхватило бродячимъ теплымъ вѣтромъ и они подъ его струею вдругъ затаяли....

Прежде всего показывается мелкая прошлогодняя зелень. Сокъ еще не всходилъ по вѣтвямъ. Но изъ влажнаго пригрѣтаго чернозема уже пробиваются первыя травы, тутъ же на юномъ ростѣ прямо и расцвѣтая. Кажется, что онѣ выходятъ изъ земли не стебельками, а готовыми уже вѣнчиками. Голубые колокольчики «прѣ-

лѣсковъ» смѣняются лиловымъ «рясомъ», рясъ смѣняется желтымъ редисомъ и ландышами. Въ мартѣ потянулись первая стаи журавлей, прилетѣли жаворонки; за ними явились утки, ласточки, аисты и ежи. Въ апрѣлѣ прилетѣла кукушка. Лѣсной куликъ порхаетъ у корней еще обнаженныхъ деревьевъ. Соки въ послѣднихъ восходятъ выше и выше. На гладенькихъ, сизоватыхъ сучьяхъ, появляются первая цвѣтотыя куколки. Еще листьевъ нѣтъ, а изъ мелкихъ почекъ уже выглядываютъ востроносые лепестки бѣлыхъ молоденькихъ вѣнчиковъ. Прошелъ день, и не узнать гдѣ-нибудь цѣлаго угла въ затишьѣ сада. Яблони и груши цвѣтутъ позже. Тернъ и черёмуха начинаютъ прежде всего. Приземистые тонкоствольные кусты терна, точно выточенные гладкими прутиками изъ лиловаго коралла, усеиваются натканными безъ числа молочными шариками. Еще день, терна опять не узнать. На вѣтвяхъ все еще ни листочка, а шарики распустились звѣздочками и въ одну ночь окинули кусты точно снѣгомъ или пухомъ. Все сливается въ бѣлую стѣну. Будто выросли изъ земли серебряные кусты. И отъ нихъ несетъ острымъ запахомъ меду. А кругомъ еще шумнѣе. Появилась въ болотѣ лягушка; за нею показался комаръ и мошка. На вскрывшіеся, еще липкіе побѣги листьевъ вяза и липы прилетѣлъ, жужжа, рогатый майскій жукъ. Показались грозныя тучи. На отросткахъ озими отродилась гусеница; на листьяхъ ясени явились

«майки» — шпанскія мухи. Ударилъ первый громъ. Сада не узнаешь. Тамъ на дорожкахъ уже чернѣютъ ямки и дырочки пауковъ и козявокъ. Подорожный жукъ, по обычаю, ползеть уже задомъ къ своей норкѣ и катитъ туда, черезъ соломенки, тщательно и суетливо скатанный изъ всякаго хлама шарикъ. Бирюзовая букашка поднимается съ листка и, проносясь въ воздухѣ, раскидываетъ надиво нѣсколько паръ кисейныхъ и чешуйчатыхъ крылышекъ своего наряднаго панцыря. А вотъ и соловей. Въ глухомъ приземистомъ кустѣ крыжовника, сегодня онъ звякнулъ не въ-попадъ, какъ-будто не выпѣлся и не узналъ еще собственнаго голоса. Даже покажется, будто къ ночи, при неудачномъ началѣ, онъ и улетѣлъ. Но приходитъ другая тихая и душистая заря. Тотъ же соловей перебираетъ уже смѣлѣе свои лады. Завтра ему то тамъ откликнется товарищъ, то здѣсь двое или трое. Черезъ день вы насчитаете ихъ въ своемъ саду, на десятинѣ и того менѣе земли, чуть не дюжину. А послѣ завтра, когда чуть станетъ брезжиться день или, какъ говорится, «благословиться на свѣтъ» они отзовутся подъ окнами, и всякія ожиданія будутъ превзойдены. Садъ застонетъ отъ криковъ, свистовъ и пѣсенъ соловьиныхъ и не-соловьиныхъ. И это пойдетъ до конца весны. При томъ же, что ни день, то опять обновка. Тамъ распустилась шелковистыми кудрями береза, здѣсь клѣнъ сталь изъ клейкихъ комочковъ выпускать свои зонтичныя лист-

ки, точно сжатые пальцы изъ зеленого кулачка. Зацвѣли яблоня и груша. Первая розовыми, вторая бѣлыми чашечками. А яркая зелень уже устилаетъ землю и глушитъ между деревьями. Толстобрюхія чреватая ящерицы шныряютъ въ травѣ. Станешь въ полдень, когда уже жарко и ищется невольно тѣни, подъ столѣтнюю грушу, усыпанную цвѣтами: по вѣтвямъ ея снуютъ безъ числа, съ звонкимъ жужжаньемъ, пчелы, и кажется, что это не груша, а все натянутыя струны, изъ которыхъ каждая сама звучитъ, какъ очарованная. И, какъ быстро развивается дѣвочка, вчера еще дитя, съ отрочески-неокругленными и неразвитыми членами, также быстро развивается и вся эта окрестность. Нѣжныя распуковки дали цвѣтъ; все одѣвается въ зеленые и пестрые брачные уборы. Еще три-четыре недѣли, и природа, какъ мать, нѣжно прижметъ къ груди своей новыхъ нарожденныхъ дѣтей домовитой и хлопотливой семьи своихъ воздушныхъ и земныхъ обитателей.

День выросъ. Труженики зимы, портные, скорняки и ткачи, выносятъ, по обычаю, со смѣхомъ и толкотней, во дворъ обверченную нитками зимнюю мучительницу, *свъчку*, и тамъ сѣкутъ ее кнутомъ, приговаривая: «Теперь весна, а не зима; лежи до осени, а намъ посвѣтитъ и солнце!» Но болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, въ это время заботъ и хлопотни на чумацкихъ хуторахъ.

Поведемъ туда читателя, и поведемъ въ самую глушь,

въ одинъ изъ отдаленныхъ «старозаймочныхъ» чумацкихъ хуторовъ, хотъ положимъ близъ Днѣпра, къ чумаку Роману Балабухѣ, котораго дѣдъ, тоже Романъ, какъ выселился въ-сердцахъ изъ села Кѣноновки, гдѣ ему стало тѣсно, и какъ сѣлъ хуторомъ на дорогѣ, въ оврагѣ, близъ Днѣпра, такъ хуторъ тотъ и назвался: *Романъ при дорѣзи...*

Но если вы пойдете, Романъ при дорѣзи откроется еще не скоро. Прежде вы будете идти степью, мимо озеръ, гдѣ, то тамъ, то здѣсь, откликнется крикъ дикаго гуся или журавля, а на-право и на-лѣво идутъ громадныя зеленныя, цвѣтущія лѣсами бѣлки. Въ сторонѣ, чуть накалится воздухъ, надъ дрожащею чертою синѣющей дали показывается «марево» миражъ, созидаетъ и рушитъ надъ степью, то выше, то ниже, либо рѣку, либо лѣсъ, или цѣлыя очертанія туманныхъ городовъ и башенъ, съ остріями каланчей и рядами домовъ. Волны этого «марева» то становятся бѣлыми, то сизыми, какъ дымъ, то зеленоватыми, и, плывя, исчезаютъ за холмомъ, на которомъ обрисовывается издали очеркъ длинноногаго журавля, который заснулъ на одной ногѣ, поджавши другую и выставивши на воздухъ острый носъ. Вы идете ближе къ повороткѣ, мимо одинокаго колодца, гдѣ прохожія стада поятся въ полдень и вечеромъ. Изъ-за косогора мелькаетъ какой-то шестъ и выставляется рогуля; то показываются верхи деревянныхъ «журавлей» на ко-

лодцяхъ хутора, еще скрытаго подъ горой въ оврагѣ. Вотъ и самъ хуторъ.

Пять или шесть хатъ, въ-разсыпку, торчатъ по откосамъ трехъ овраговъ, сошедшихся здѣсь въ одинъ огромный «логъ». Между хатами взбираются на гору и идутъ книзу сады. На днѣ лога бѣлѣютъ три уступами три пруда, одинъ ниже другаго, соединенныя плотинами. Огороды окружаютъ ихъ влажные бока. Это все дѣло рукъ стараго Романа и его новаго потомства. Но все поражаетъ глубокое молчаніе хутора. Ни одинъ звукъ не долетитъ въ это время до ушей, развѣ только отзовется гдѣ нибудь, роясь на кучѣ сора, пѣтухъ, да при входѣ на хуторъ взовьется отъ пруда и съ хлѣбнаго тока, отодвинувшася въ бокъ отъ хатъ, согнанная появленіемъ гостя исполинская стая голубей, которая взлетитъ и, кружась, застелетъ на время отъ солнца весь логъ. Это значитъ, что время спорое и что хозяинъ шутить весной не любитъ: все, что было на ногахъ, какъ говорится, до послѣдней кошки, ушло въ поле на работу.

Тропинка ведетъ съ вершины холма, отъ трехъ мельницъ, ставшихъ по стрункѣ рядомъ на вѣтрѣ, къ обиталищу самого хозяина, Романа Андреевича Балѣбухи. Это тоже хата, крытая соломой и выбѣленная снаружи, только попросторнѣе. Другія хаты занимаютъ второстепенными родичами чумака, выселившимися съ нимъ и по его милости. Правду говоритъ украинская посло-

вица: «Панъ въ огородѣ равень воеводѣ». Какъ не быть счастливу Роману Андреевичу? Съ крыльца обиталища его открывается весь логъ, какъ на ладони. Съ боку и у ногъ идутъ сады, съ вишневыми, яблочными, грушевыми и другими щепами. Изъ гущи одного изъ нихъ выглядываетъ курень и ряды бѣлыхъ ульевъ пасѣки. Дворъ загороженъ амбарами, сараями, клетями и погребомъ. Къ послѣдному примыкаетъ на столбахъ сажь, для откармливанія кабановъ. Къ особому загону для воловъ, содержимыхъ съ неимоверною заботливостью, пристроенъ навѣсъ, гдѣ свалены зимнія дровни, старые возы и всякія деревянныя подѣлки. По случаю весны, на веревкѣ, перекинутой отъ сарая къ погребу черезъ дворъ, развѣшана разная рухлядь: заячьи тулупы, запасные шаравары, шубы, шапки и полети. На сучкѣ березы повѣшено ведро. Куры прохаживаются передъ крылечкомъ, усыпанномъ пескомъ. Рыжая кошка, съ воробьемъ въ зубахъ, крадется подъ амбаръ. А среди двора, правильною вереницей, стоятъ уже тридцать оснащенныхъ возовъ, готовыхъ отправиться въ путь. Широкая тѣнь, не смотря на зной, покрываетъ ихъ и часть хаты. Пять исполинскихъ дуплистыхъ вербъ стоятъ у послѣдней, поддерживая въ воздухѣ кудрявые шатры своихъ вѣтвей и листьевъ, точно выстроенные въ воздухѣ на столбахъ замки..

Есть что-то особенно привлекательное въ украинской вербѣ. Ея уживчивость въ степи изумительна. Стоитъ

лѣнивому простолюдину воткнуть въ огородъ или у плотины колышекъ, стòить ему, задумавшись, опереться на палку и позабыть ее вынуть изъ земли, и верба, разрослась, лѣтъ въ пять-шесть покроетъ и его огородъ, и прудъ, и хату. Видъ бѣдной одинокой вербы, на большой пустынной дорогѣ, подъ вьюгами и непогодами, поставленной для тѣни и для развлеченія взоровъ, невольно трогаетъ. Шумъ вѣтвей ея въ осень, когда все уже укрывается въ тулупъ и изрѣдка показываетъ носъ на порогѣ, сильнѣе наводитъ тоску, при мысли о прошедшемъ лѣтѣ. Подъ вербу садится сельская семья въ теплые вечера ужинать. Къ ней, въ пѣсняхъ, въ смутныя времена Украйцы, обращались осиротѣлыя матери и невѣсты. Въ южно-русской сказкѣ, въ вербу воображеніемъ народа превращена отъ слезъ сестра убитаго на войнѣ брата. Верба, наконецъ, вмѣстѣ съ чумакомъ и воломъ, имѣетъ какое-то единство. Уживчивость въ степи, при всякихъ мытарствахъ и невзгодахъ, чумака, вола и вербы удивительна. Волъ и чумакъ въ дорогѣ, безъ жилищъ и безъ средствъ укрыться отъ холода и бури, неразлучны. Тяжело ступая, почти едва передвигая ноги, оба они идутъ, одинъ подъ ярмомъ, другой съ боку съ кнутомъ, едва помахивая имъ только по воздуху, и незамѣтно дѣлаютъ переходы въ тысячи верстъ. Верба, посаженная кое-какъ, изъ пенька, изъ колышка, взрощенная тоже кое-какъ, на бѣдной или вредной почвѣ, на распутии дорогъ

или у тинистой плотины, тоже терпитъ, растеть и все переносить. И не даромъ пѣсни выводятъ нераздѣльно вола, чумака и вербу; гдѣ волъ, тамъ и чумакъ, гдѣ чумакъ, тамъ и верба. И за то, съ какимъ томительнымъ уныніемъ, съ какою безмолвною грустью, прислушивается иногда чумакъ къ шуму листьевъ вербы, состарѣвшійся и не наживши своимъ ремесломъ ничего, при общихъ невзгодахъ.... Она говоритъ ему о лучшихъ временахъ, когда еще только была посажена; а теперь сквозь ея своды уже едва виднѣется золотой рогъ мѣсяца. Много воды утекло съ той поры: и она вся въ душлахъ, и онъ—бѣднякъ бѣднякомъ!—Но мы долго засидѣлись на хуторѣ Романа Балѣбухи. Пока онъ съ работниками управляетъ въ полѣ и собирается въ отъѣздъ, посмотримъ, что вообще въ это время дѣлается въ другихъ мѣстахъ и у другихъ чумаковъ....

Календарь степей имѣетъ и на весну свои особыя примѣты. Еще съ той поры, какъ на Срѣтеніе зима встрѣтилась съ весною, а съ Сорока-мучениковъ хоть и было еще сорокъ утрениковъ, все шло, какъ предсказывали старожилы: въ мартѣ солнце стало «парить» землю, въ апрѣлѣ стали прѣть покосы, на Руфа рухнули послѣднія снѣжныя зѣлежи, а какъ пришелъ Ерѣма-запрягальникъ, хозяева стали запрягать воловъ. Послѣ Авдотьи-кузнечихи, смѣненной Приной-урви-берега и разрой-сиѣга, подулъ тепломъ Алексѣй-теплый; Егорій-съ-водой

смѣнился Николой-съ-травой. На Благовѣщенье уже весна совсѣмъ поборола зиму. Тогда уже перестали зажигать свѣтъ въ хатахъ и начали выходить спать въ клѣти, сарай, оставляя въ хатахъ однихъ больныхъ и старухъ. Поселянинъ-земледѣлецъ не теряетъ времени. Апрѣль-Травень «богатъ, хотъ и не равенъ». Чуть развернулась березовая почка, сѣй яровое. Овесъ сѣй хотъ въ воду, да лишъ бы въ пору; хотъ и на снѣгъ, да въ сумѣтъ, онъ и рукавицу проростѣтъ. На Зоссиму выпускай пчелъ; Зоссима имъ покровитель, вмѣстѣ съ Савтиемъ. Припасай пашню и берегись двухъ Юрьевъ, весенняго и осенняго, голоднаго и холоднаго, а тамъ, что Богъ дастъ. Да и мало ли работы съ самага начала весны у пахарей и чумаковъ? У чумака заготовленіе фуръ, поправка на-лѣто возовъ, починка колесъ и осей и покрышекъ на соль и на рыбу. У пахаря: заготовленіе яровыхъ сѣмянъ, спускъ со дворовъ зимней воды, припасеніе льда въ погреба, копаніе грядъ въ огородѣ, расчистка дворовъ и крышъ, поправка изгороди, ульевъ. Птичка «посметьюшка» давно уже чиликаетъ: «покинь сани, возьми возъ». А вотъ апрѣль-Травень на исходѣ. Идетъ май-Цвѣтень. Скоро станетъ отъ жары и мошекъ скотъ мایتся. Соловьиный день пришелъ и привелъ пѣсни — «весняки» на хуторъ. И точно, гдѣ тогда нѣтъ пѣсенъ? — Всѣ въ вѣнкахъ и въ лентахъ, дѣвки сбѣгаются вплохахъ за какою-нибудь надобностью

въ хату, за перстнемъ въ сундукъ, за другими серьгами или новымъ платкомъ, и цѣлый день ихъ туда не заго- нишь. «Пусть потѣшатся!» думаютъ старыя, не останав- ливая ихъ, и сами празднично бродятъ по зазеленѣв- шимъ лѣскамъ и тѣнистымъ лощинамъ, или съ утра до ночи сидятъ на завалинкахъ, на открытомъ воздухѣ, ра- дуясь веснѣ и теплу. А пѣсни звучатъ въ садахъ, ого- родахъ, лѣскахъ и на улицахъ. Въ другихъ мѣстахъ Россіи говорятъ: «Прилетѣлъ куликъ изъ-заморья, вы- велъ весну изъ-затворья». Привѣтствуя тепло, зелень и воды, хуторянки поютъ: (перевожу опять ихъ пѣсни):

«Ой, подь мостомъ, мостомъ,
Трава зеленѣтъ;

«За хорошимъ мужемъ,
Жена молодѣтъ...

«Ой, подь мостомъ, мостомъ,
Плеснулася рыбка;

«Я-жъ у тебя, мать ты моя,
Все росту не шибко...

«Пусти меня, мать, изъ хаты,
Я не заплутаюсь;

«Только парней подзадорю,
Да тѣмъ и покаюсь!»

—
«Ой, весна, весна,
Степь развеселила;

«А не только поле,
 Какъ долины — горы;
 «А не только рѣчки,
 Какъ у насъ сердечки!»

«Охъ, пойду я да въ зеленый тотъ лѣсокъ,
 «Вырву, выломлю кленовый тамъ листокъ;
 «Напишу я на немъ грамотку,
 «Пошлю ее къ отцу старому.
 «Что велить ли по лѣсочку мнѣ гулять,
 «Или въ хату съ вечериночки бѣжать?
 «Ты гуляй, гуляй на волѣ подъ горой,
 «Въ жизни дважды не бывать ужъ молодой!
 «Выйдешь за мужъ, на веселье не пойдешь,
 «А подъ старость про былое вспомнишь!»

«Охъ, весняночка, весняночка,
 Ты румяна, будто панночка;
 «Ты садочки въ цвѣтъ да листья одѣваешь,
 Будто милому рубашку вышиваешь...»

«Охъ, заря-заря, вечерняя, лихая!
 Съ кѣмъ ты, дѣвка, передъ вечеромъ стояла?
 «Я съ тобою, мой чумаченько, съ тобою,
 Подъ зеленою, кудрявою вербою;
 «Я съ тобою, съ чернобровцомъ-молодцомъ,
 У тебя рубашка, съ шитымъ рукавомъ!»

Хороводы почти не прерываются. Взявшись подъ руки, дѣвки ходятъ и поютъ:

«Въ огородѣ шафранъ, шафранъ,
Тамъ Ивашко, какъ панъ, какъ панъ,
«Близъ него же, какъ петрушечка,
Тамъ стоитъ его Марусичка.»

—

«Ой, гляди ты, берегись,
«Близъ меня не становись,
«Мой кудрявче, мой кучерявче!
«У меня ли мужъ ревнивой, да лихой,
«Помыкаетъ, какъ былиночкою, мной;
«Не велитъ мнѣ, старый, тѣшиться,
«Не велитъ мнѣ, старый, нѣжиться!
«Чуть на улицу тихонько я пойду,
«Чуть подъ вечеръ хороводецъ заведу,
«Ужъ за мною три посыпочки:
«Что какъ первая попреки все,
«А вторая-то нагаечка,
«А ужъ третья-то и самъ идетъ!»

—

Недалеко и до покосовъ. На Аграфену-купальницу ударилъ первый громъ. Слышавшіе его не пропускаютъ случая и кидаются, чтобы не болѣла спина, подпереть плечомъ или веѣмъ станомъ, что случится, стѣну, заборъ или возъ, равно какъ и для волосъ подставить первымъ каплямъ дождя голову. У ребятишекъ на первый дождь даже есть своя пѣсня: «Иди, иди, дождикъ, сварю тебѣ

борщикъ; цебромъ, ведромъ, дойницею — холодною водою!» Въ густой чащѣ клёновъ раздался голосъ иволги; ребятишки и ее окликають: «Иволга, иволга, свинью сосала, поросенка украла!» А она на ихъ голосъ перезванивается и будто бы отвѣчаетъ: «А ты кобылу!» Такъ по-крайней мѣрѣ они увѣряють. Послѣ Святой недѣли идетъ поминальная недѣля, или «проводы». Съ Фомина понедѣльника идутъ все на отцовскія и дѣдовскія могилы, поминать покойниковъ. Священникъ, въ рясѣ и съ крестомъ, обходитъ на тихомъ погостѣ поминальщиковъ и читаетъ молитвы.

Въ маѣ никого уже не удержишь въ хатѣ. Не даромъ онъ Цвѣтень. На Зилота идутъ собирать лечебныя зелья. Народъ слѣдитъ за веходами и примѣчаетъ. Если на Мокія выпалъ дождь, будетъ лѣто мокрое. На Обновленіе Царяграда боятся «царя-града». Съ Сидоромъ кончаются «всякіе сиверы». А Пахомъ пахнетъ уже настоящимъ тепломъ. На Вассы не сѣютъ ржи, чтобы не завелись въ ней васильки. За то на Елену сѣютъ ленъ. Начинаются «цвѣтныя игры». Появилась сорока; школяры несутъ на поклонъ учителю-дьячку «сорокъ бубликовъ» кренделей. Въ лѣсу выютъ вѣнки, выкликають кукушку; а подъ вечеръ, на улицѣ, играютъ въ «хрещика», «лозу», «гори-цвѣтъ» и «коршуна». Но вотъ зазеленѣли яровые хлѣба; озимые растутъ и прячутъ уже въ себѣ зайца. За первыми веходами яровыхъ, за подѣв-

ками, и досѣвками гречехи, овса и гороху, поселяне сажають, на перевернутомъ плугу, увитомъ вѣнками, какого-нибудь парня и возять его по нивѣ. Оедосья-колосница требуетъ дождей. Съ Юрья скотъ ходитъ уже по опроставшимся сѣнокосамъ. Въ густыхъ, сочныхъ травахъ, на лугахъ и въ садахъ кипитъ домовитая хлопотливость птицъ и маленькихъ звѣрьковъ. Въ листовныхъ тайникахъ, въ зеленыхъ уютыхъ, вездѣ заведены новыя семьи. А выйдешь въ поле, какъ-будто уже душно. Крики и свисты смолкають. Ликующее населеніе степи смѣнило свое приволье тихими заботами о новорожденныхъ, крылатыхъ и четвероногихъ. Ночь не такъ студѣна, нѣтъ уже въ ней прежней живительности и прохлады. Воздухъ какъ-будто становится тѣсень. Земля накаляется. На кольяхъ заборовъ и мелкихъ кустарникахъ появляется востроносенькая, безпрестанно-чиликающая, краснопѣрая птичка. Народъ указываетъ на нее и говоритъ, что это «птичка-жажда», не находящая подъ зноемъ нигдѣ покоя и просящая у людей пить. Ей даже кое-гдѣ ставятъ въ черепкѣ воды. Календарь степеней съ весны поворачиваетъ на лѣто. Въ воздухѣ уже нестерпимая тяжесть и духота....

Но обратимся къ чумакамъ. Первое столкновеніе съ народомъ весною у нихъ бываетъ гдѣ-нибудь въ маленькомъ мѣстечкѣ, на ранней мартовской или февральской ярмаркѣ. Тутъ надобно на нихъ поглядѣть. Это все ще-

голи на базарѣ и лихачи. Заломивши на «бакирь» смурую шапку, въ бѣлой или черной свитѣ до земли на плечахъ, ходитъ чумакъ по базару, съ трубкой въ зубахъ и кнутомъ въ рукахъ. Изрѣдка только махнетъ кнутомъ на торговку, хлеснетъ жида слегка по спинѣ, «почеломкается», поздоровается съ товарищемъ, постоитъ передъ загородкою торгуемыхъ воловъ, да, глянувъ на свои смазанные дѣгтемъ сапоги, сплюнетъ въ сторону и опять принимается курить.

Чумакъ въ особенности большой охотникъ до весеннихъ ярмарокъ, гдѣ можно купить или продать вола, а главное встрѣтиться съ пріятелемъ-гуртовщикомъ, не глядя на него, а глядя на воловъ, сказать: «А, да у тебя хорошіе волы!» и, не купивши ничего, вышить съ нимъ добрую кварту водки. Уже онъ не пропуститъ ни одной такой ярмарки. Вставши рано по-утру, въ день храмоваго праздника слободы, гдѣ будетъ ярмарка, онъ тайкомъ одѣнется и гаркнетъ на работниковъ: «Бабыи сыны! Да гдѣ же это видано, чтобъ человѣкъ такъ долго спалъ? Солнце уже вонъ гдѣ, а они все еще, какъ кабаны, брюха выставляютъ! Демкò, Левкò, Панасъ, Вакула! вставайте; ярмарку проспали! Ну, гайда; запрягайте мнѣ сивыхъ!» — Всѣ всакиваютъ; сивые запряжены, и хозяинъ отправляется на слободу, гордо возсѣдая на вершинѣ воза, наваленнаго соленой рыбой, сушеными грушами, если случатся на продажу, или такъ безо-всего.

Я видѣлъ одну изъ такихъ весеннихъ чумацкихъ ярмарокъ. Это, обыкновенно, происходитъ въ зажиточной вольной слободѣ. Деревня раскинулась по косогору и лощинкамъ, тамъ отдѣльными кучами хатъ усеѣлась по отвѣсамъ овраговъ, здѣсь переулками и огородами сползла въ долину. Въ день ярмарки, по холмамъ ея и лощинкамъ, она, какъ улей, гудитъ народомъ. День только-что начался. Одни, въ долгополыхъ нарядныхъ свитахъ, степенно идутъ, еще безъ шапокъ, изъ церкви, набожно толкуя о праздникѣ и объ обычной проповѣди. Другіе уже спѣшатъ на торгъ, останавливаются и перекликаются, еще въ пустыхъ улицахъ. Передъ домомъ волостнаго правленія насыпанъ свѣжій красноватый песокъ. Старшины съ длинными палками, толпятся у крыльца. Мѣстные чумаки, изъ богатыхъ, живутъ обыкновенно у церкви мѣстечка, хоть бочкомъ на площади къ правленію. Духъ общины и властолюбія и ихъ наполняетъ. Чужіе богачи, съ чумацкою важностью, вѣзжаютъ въ околицу изъ первыхъ, оставляютъ воловъ или таратайку съ лошадыю у знакомыхъ, и вмѣшиваются въ толпу. А толпа все прибываетъ. Окрестные и дальніе гончары, скотники, гуртовщики, плотники и всякіе рабочіе и ремесленники везутъ и доставляютъ сюда свои товары. У палатокъ на базарномъ выгонѣ или на площади, возникаютъ груды новой глиняной посуды, только-что сдѣланныя ведра, колеса, оси, оглобли, ярма, ряды смушковыхъ и суконныхъ

шапокъ. Изъ палатокъ выглядываютъ развѣшанные ситцы, ленты, монисты, тулупы; тутъ же продается въ ящикахъ соль, въ кадкахъ и бочкахъ дѣготъ, и всякія снадобья. Въ особыхъ загородкахъ стоитъ, подъ вѣденіемъ гуртовщиковъ, продаваемый и покупаемый скотъ. Отдѣльно толкуются въ углахъ площади продавцы: кто пары телятъ, кто телушки, кто дюжины овецъ или стараго беззубаго вола. Это главная приманка чумаковъ. Сюда они являются покупать и продавать скотъ, прежде вышивки съ пріятелемъ и покупки новыхъ сапоговъ, шапки, дѣгтю или новой пары осей. Шумъ и гамъ возрастаютъ. Дегтярный продавецъ, въ широкихъ шараварахъ, сталъ надъ бочкою и съ приговорками, потѣшая толпу, цѣдитъ чумаку въ «мазницу» дѣготъ. Тамъ явились «нищуны», бродячіе слѣпцы и затанули уже, собирая общее подаяніе, пѣсню о Лазарѣ и о Страшномъ Судѣ, смѣняя иногда эти притчи веселыми. А звонъ бубновъ и скрипокъ, сопровождающихъ по площади гуляющаго чумака, покрываетъ все. Ничто тутъ не связываетъ чумака. Онъ и по природѣ не домосѣдъ и не подъ башмакомъ жены. Отпуская его на торгъ, жена не посмѣетъ сказать ему, положимъ, какъ другому: «Купи, да и купи мнѣ новую свитку: хоть умри, а купи! А не купишь, съ чѣмъ покажусь въ людяхъ? и не думай мнѣ и не гадай: въ гробъ лягу, а купи!» — Онъ вольный казакъ: жены слушается только зимой. Съ первой же весенней поры уже

поминай, какъ его звали. Запасся онъ волами, дѣгтемъ, справилъ возъ, запасныя оси и колеса, и все кончено. Тутъ же отгулялъ на остатки денегъ, и въ путь. Самая ярмарка иногда влечетъ его не для продажи или покупки. Ему любо одно это движеніе, шумъ и говоръ, не самая покупка воловъ, а одно щелканье по спинѣ или бокамъ продаваемаго вола, что вотъ-дескать, хорошъ ли онъ, или не хорошъ, выдержитъ ли путь, или не выдержитъ. Щелканьемъ иногда все и обходится. Съ продавцами скота въ этомъ случаѣ можно сравнить только однихъ украинскихъ бродячихъ «коробѣйниковъ», мелкихъ разнощиковъ всякой всячины, да «косарниковъ», мелкихъ странствующихъ продавцевъ косъ. Особенно послѣдніе замѣчательны. Уроженцы бѣльшею частью Рыльска, они сами или отъ хозяевъ оптомъ получаютъ свой товаръ, черезъ Бердичевъ и Броды, изъ Австріи, и потомъ передъ «косовицей», рано весной развозятъ его по южно-русскимъ степямъ, оставляя косы въ долгъ, до будущаго года. Огромный ростъ на ссуду тутъ не забывается. Но посмотрите: въѣдетъ «косарникъ» въ слободу, сталъ среди улицы, его окружаютъ, берутъ въ руки, пробуютъ косы, хлопаютъ по нимъ, звенятъ, а онъ рассказываетъ, какъ былъ въ Штиріи, и какіе сорта бывають косъ: «Прежде было на лучшихъ клеймо двѣ шпаги, да иступились; потомъ подкова, да вытерлась; послѣ того стаканъ, изъ стакана пьютъ — а гдѣ пьютъ, тамъ и бьютъ; а теперь, уже

люди добрые, семь звѣздъ на косѣ — ишь ты, какъ горятъ! Покупай, да и только!» — Но радъ бы купить, да денегъ нѣтъ. Провозится среди улицы косарникъ цѣлый день, а продастъ на цѣлковый. Смотришь, перебивается, а сводитъ концы съ концами, какъ и гуртовщикъ. — Ярмарку завершаетъ какойнибудь особенно неудержимый гуляка, которому, какъ говорится, ни дна ни покрышки нѣтъ. Спроситъ себѣ музыку, уже въ сумерки, расчиститъ кругъ, и пойдетъ одинъ, или съ товарищемъ, такія штуки выдѣлывать, что еще и не видано: выворотитъ тулупъ, вберется въ кадку съ дѣгтемъ, разольетъ дѣготъ по землѣ, и за все, разумѣется, заплатитъ, и въ безобразномъ видѣ станетъ толочься по грязи и отплясываетъ «черезъ ножку» или «перевертнемъ». Или же возьмется съ товарищемъ: самъ трубку въ зубы, шапку на затылокъ, руки векинеть къверху, да только взглянетъ на концы сапоговъ, и пойдетъ косить ногами въ-присядку, на-право и на-лѣво. А товарищъ, какой-нибудь матросикъ, изъ мѣстныхъ, вытянется по своему въ струнку, руки по швамъ, глаза на-право и пойдетъ перебирать ногами. Съ ярмарки все въ возвращаются уже на-веселѣ, кто съ купленнымъ на выкормъ теленкомъ, кто съ волами, а кто съ деревянною какою-нибудь подѣлкой. За этимъ уже у чумаковъ слѣдуютъ прямо сборы въ путь, наемъ подъ фуру тяжестей, чтобы не идти на Донъ и въ Крымъ порожнякомъ, и самый роковой отъѣздъ, съ его обычаями.

Съ первыхъ входовъ подножнаго корма, чумакъ уже хлопочеть, о наймѣ своихъ подводъ подъ фуры. Частныя клади онъ предпочитаетъ казеннымъ. Мѣстность даетъ ему для этого все средства. Еще дѣдъ его и прадѣдъ торговали сухими грушами и яблоками. Расчетъ прямой. Окрестные сады простираются лѣсами во все стороны. Въ Валковскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ, гдѣ во время весенняго цвѣтенія кажется, что по сторонамъ дороги растутъ совершенно бѣлые или усыпанные пухомъ лѣса, производствомъ сушенія фруктовъ занимаются цѣлыя селенія и мѣстечки: Ольшана, Волосскій-Куть, Красный-Куть, Песочинъ, Люботинъ, Солоницовка, Пересѣчное и многіе хутора. Въ иномъ селеніи сушатъ нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ грушъ и яблоковъ, которые здѣсь зрѣютъ въ дикомъ состояніи, едва поддерживаемыя щепленіемъ. Тутъ даже на дрова идутъ благородные пни грушевые и яблочные. Для сушенія плодовъ у поселянъ заведены особыя «сушни»; у бѣдныхъ же фруктъ сушится въ избѣ на печи. Сыска производится у богатыхъ въ большомъ размѣрѣ. — Кромѣ фруктовъ, чумаки сваливаютъ на свои фуры, при отходѣ въ путь, всякаго рода деревянныя подѣлки, въ которыхъ особенно нуждаются все безлѣсныя мѣстности на крайнемъ югѣ, въ херсонскихъ и таврическихъ степяхъ, въ Землѣ Войска Донскаго и по Азовскому побережью. Этими издѣліями и свалкою ихъ въ долгъ и за деньги чумакамъ занимаются

опять лѣсные уѣзды Харьковской и Полтавской Губерній, въ особенности же по Донцу и по Воркслѣ. Изъ деревянныхъ подѣлокъ берутся: колёса, ведра, оси, ярма, чашки, баклаги для воды, ложки, кадки и цѣлыя сложенные части воза. — Кромѣ того, окрестности Изюма, и въ особенности подгородная его слобода Пѣски, отправляютъ на Донъ и далѣе глиняную «гончарную» посуду съ чумаками. А въ другихъ, наконецъ, мѣстахъ чумаки забираютъ водку, масло, сухари (какъ въ минувшіе годы, для войскъ въ Крыму, изъ Курской губерніи), бакалейные и красные товары, и въ огромномъ количествѣ съ сѣверныхъ уѣздовъ Малороссіи къ южнымъ портамъ хлѣбъ, пшеницу, пшено и льняное сѣмя. Соль передается ими во вторыя руки и выручаетъ имъ гораздо меньшій барышъ. На югъ же они ѣдутъ не всегда съ кладью, а большею частью порожнякомъ, какъ по трудности найти весной и подѣ всѣ возы кладь, такъ и по безопасности чумаковъ. Не зная цѣнъ хлѣба, льна, посуды и деревянныхъ издѣлій на югѣ, они рискуютъ малымъ. Да иногда и за солью ѣдутъ, не зная, припасена ли она въ достаточномъ числѣ на крымскихъ озерахъ и лиманахъ, и не прійдется ли имъ тамъ ожидать ея добычи или даже вернуться съ пустыми возами. Добыча соли въ послѣднюю войну шла дурно. Я встрѣтилъ въ нынѣшнемъ іюлѣ огромный обозъ чумаковъ подѣ Бахмутомъ, на извѣстномъ чумацкомъ

«Муравскомъ шляхѣ». Они шли изъ Крыма, повѣся головы.

— А что, какъ соль въ Крыму? спросилъ я.

— Не знаемъ.

— Какъ не знаете?

— Въ Крыму нема соли...

— А что же вы везете?

Чумаки переглянулись.

— «Торохтія веземò!» отвѣтили они.

Торохтія везти, по ихъ выраженію, значитъ везти пустые возы, которые отъ этого, безъ клади, дорогою «торохтѣть», стучать. Надо замѣтить, что, по случаю прошлогоднихъ и нынѣшнихъ неурожаевъ въ Малороссіи, большая часть чумаковъ и туда везли «торохтія».

Неопредѣленности промысла чумачество обязано тѣмъ, что стали въ немъ теперь появляться особыя видоизмѣненія. Старожилы говорятъ, что прежде, за Екатерину и Гетмановъ, бывали на Украинѣ слободы, человѣкъ въ 3000 и болѣе жителей, все чумаковъ, гдѣ не было ни одного плуга и ни одной бороны. Жители у себя дома только косили на зиму сѣно воламъ, а жены занимались молочными скопами со скота и птицею. Хлѣбъ эти настоящія «чумацкія гнѣзда» покупали и за стыдъ считали вспахать и засѣять хоть одну десятину земли, развѣ бабы только вскопаютъ какой клочекъ подъ дыни и арбузы. Теперь чумаки, кто позажиточнѣе, на привольное

и дикое ремесло свое смотрять съ одной прибыли и соединяють его съ хлѣбопашествомъ и мелкими оборотами. Такой чумакъ уже облѣнился, самъ не надѣваетъ болѣе завѣтныхъ, дѣгтемъ смазанныхъ рубашки и шароваръ, не идетъ съ своими волами испытывать долгаго пути и всякихъ дорожныхъ невзгодій и бѣдъ, а держитъ для этого человѣкъ двадцать и сорокъ, въ годъ, работниковъ по найму, рассчитываетъ копѣйку, посылаетъ ихъ съ возами въ путь и только откладываетъ барыши. Въ немъ уже мало старинной самобытности. За то онъ ловко ведетъ свои дѣла. Такое современное видоизмѣненіе чумака, такого чумака-выродка, банкира и спекулятора, я знаю близъ Мягковского хутора. Это Андрей Ивановичъ Сизѣнъ. Пятнадцать лѣтъ сряду онъ уже самъ не ходитъ въ извозъ, а на прибыль барышничаетъ дома. У него до сорока паръ воловъ, и при нихъ десять человѣкъ рабочихъ, по обычному мѣстному расчету одного чумака на четыре пары воловъ для извоза. Отзимовавши и откормивши воловъ, онъ съ весны нанимаетъ по клочкамъ у сосѣднихъ поселянъ десятинъ сто земли; пользуясь обиліемъ скота и рабочихъ рукъ, въ недѣлю съ небольшимъ вспашетъ эту землю, засѣетъ и заборонитъ. Тогда уже, обыкновенно тотчасъ послѣ Пасхи, и посылаетъ возы, съ заранѣе сторгованною кладью, въ путь. Обозъ его отвезетъ, куда назначено, на югъ кладь, навалить на подводы соли или рыбы и къ косовицѣ опять приходитъ домой. Хо-

зяинъ оставить воловъ отдыхать и снова откармливать-ся, а рабочихъ «наймитовъ», съ добавкою другихъ, временныхъ, ставить косить на другое наемное подъ косовицу поле. Сѣно скошено, высушено, сvezено; обозъ отправляется въ другой путь, около Петра и Павла. Тѣмъ же порядкомъ обозъ возвращается домой къ уборкѣ созрѣвшаго уже хлѣба. Въ одинъ пріемъ работники скосятъ, свяжутъ въ снопы, сvezутъ хлѣбъ, при помощи сорока паръ воловъ, дня въ три-четыре, и скидаютъ въ скирды. Тогда уже снова, послѣ Семенова дня, и въ послѣдній разъ обозъ отправляется въ третій путь и возвращается уже по сырому пути къ Покрову. Тутъ происходятъ расчеты и расплаты съ рабочими. Зимой же часть работниковъ такого чумака стоитъ при волахъ, а часть исправляетъ все нужды хлѣбопашца: молотить, вѣть, возить хлѣбъ въ зерны на мельницѣ и въ мукѣ въ городскіе склады на продажу. — Андрей Ивановичъ Сизѣнъ снималъ нѣсколько лѣтъ назадъ по близости еще порубку лѣса, а въ сосѣдномъ мѣстечкѣ держалъ даже винный откупъ, на чемъ сорвалъ порядочные барыши. Привозя съ юга рыбу и соль, онъ торгуетъ ими, и для этого, уже какъ чистый купецъ, съ нагруженными повозками круглый годъ ѣздитъ по окрестнымъ ярмаркамъ. Это уже разбитной, бойкій и сметливый кулакъ, себѣ на умѣ, мало похожій на своихъ предковъ-чумаковъ. Жена племянника его ходитъ въ ситцахъ и въ шелковыхъ платкахъ. Самъ

онъ пьетъ уже чай, хотя усердно пьетъ съ нужными людьми и водочку. Спитъ онъ не иначе, какъ на мягкой постелѣ и въ комнатѣ, съ закрытыми ставнями. Чумацкимъ извозомъ его занимается племянникъ, у котораго съ женой на рукахъ, по случаю вдовства Андрея Ивановича, и все домашнее хозяйство послѣдняго. Недавно я прѣхалъ къ Сизёну. — «Дома Андрей Ивановичъ?» — «Дома, отвѣчаетъ жена племянника: да не принимаетъ!» — «Какъ такъ? Что же онъ дѣлаетъ?» — «*Въ ваннѣ сидитъ!*» — И дѣйствительно Сизёнъ нѣжилъ себя ванною. Вотъ куда пошло и на Украинѣ просвѣщеніе...

Честность чумаковъ вообще изумительна. Хозяева отпускаютъ кладъ имъ на вѣру. Рѣдко они, продавши ее, утаятъ хотя рубль. Я знаю одинъ примѣръ. Помѣщикъ, по случаю неурожаевъ, выбралъ двухъ-трехъ мужиковъ, далъ имъ возы и воловъ и послалъ въ Перекопъ за солью, чтобы даромъ не гуляли работники. Посланные имъ мужики воротились, кромѣ одного. «Ну, говорилъ помѣщикъ: все люди, какъ люди, одинъ Павлò Бòбрикъ не привезъ соли, да замоталъ и возъ и воловъ!» — Это было въ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ Турецкую войну. Помѣщикъ же былъ бѣдный. — «Куда дѣлся Павлò?» спрашивалъ онъ у его товарищей. — «Пришелъ съ нами въ Крымъ и пропалъ!» — «Ну, Богъ же съ нимъ; передался, бѣсовъ сынъ, врагамъ! Теперь и волы мои имъ служатъ!» — Прошелъ годъ, другой, Павлò Бòбрикъ неожиданно воро-

тился, но безъ воловъ. Помѣщикъ обрадовался ему и не могъ скрыть этого, хотя воловъ и не было.— «Павлò! гдѣ это ты былъ?»— Тотъ не отвѣчаетъ, а полѣзъ рукою за голенище, досталъ оттуда что-то, обвернутое въ сахарную синюю бумагу. Развернулъ, а тамъ пукъ ассигнацій. «*Що се такè?* може ты вкравъ?» спросилъ изумленный помѣщикъ. «*Ни! ось пересчитайте лишень!*»— «Да сколько же тутъ?»— «*А я и не считалъ!*»— Баринъ кинулся считать: въ пачкѣ оказалось болѣе шести тысячъ ассигнаціями. Вышло такъ, что Бòбрикъ, прійдя въ Крымъ, нанялся подъ кладъ въ Бессарабію, прибылъ къ нашимъ войскамъ и сталъ изъ мѣста въ мѣсто перевозить, съ другими, то хлѣбъ, то оружіе, то раненыхъ, да возилъ во всю войну и наконецъ, при замиреніи, продалъ на солдатскій фуражъ и пару старыхъ уже воловъ и возъ. Помѣщикъ кинулся его благодарить, предложилъ даже ему долю, а Павлò Бòбрикъ попросилъ только отпустить его съ жинкою помолиться въ Кіевъ, потому что, идя уже домой, чуть не былъ ограбленъ троечникомъ на дорогѣ въ степи, но отбился, только чуть-ли не согрѣшилъ при этомъ: ухватилъ, какъ бились одинъ на одинъ, троечника «пидь-ребѣрце», переломилъ ребро такъ, «ажъ хруснуло», а потомъ, «какъ онъ упалъ», взялъ его же палку и «потрошилъ ему всѣ ноги и руки», чтобъ «не нападалъ уже болѣе на добрыхъ людей», а убивать — не убилъ его въ конецъ... Помѣщикъ, котораго все состояніе не

превышало 5000 р. ассигн., отпустилъ Бѣбрика въ Кіевъ на богомолье, а потомъ отпустилъ его и на волю, при чемъ Павло Бѣбрикъ все удивлялся щедрости пана: «Что же онъ такое особенное сдѣлалъ? Онъ только спасъ панское добро!» — Случай въ родѣ этого былъ и съ отцомъ другаго знакомаго мнѣ чумака, въ его молодости. Везъ онъ рыбу на базаръ. Его догоняетъ съ товаромъ такой же троечникъ, который у насъ въ степи, среди мирныхъ и простодушныхъ малороссовъ, получаетъ особья замашки пограбить и надуть. Троечникъ остановилъ его. — «Что везешь?» — «Рыбу!» — «Продай!» — «Бери!» Троечникъ отобралъ рыбы, ударилъ по лошадамъ и ускакалъ, не заплативши ничего. Воламъ не догнать лошадей, хоть послѣднія были и съ кладью. Чумакъ поглядѣлъ ему вслѣдъ, махнулъ рукою и поѣхалъ шагомъ, вслѣдъ за нимъ, на своихъ «сивыхъ». Прошло часа два. Троечникъ наѣлся рыбы, стегнулъ лошадей и задремалъ. Онъ заснулъ, а лошади остановились. Чумакъ его и догналъ. Видитъ, троечникъ спитъ. Онъ тройку свернулъ въ сторону, хозяина огрѣлъ палкой по головѣ, а лошадей погналъ. «Знай, вражій сынъ! Не нападай на проѣзжихъ; я тебя не трогалъ, а теперь и считай мухъ!» Пвозка привезла троечника въ какую-то деревушку съ разбитою головою...

Но вотъ земля вспахана, яровое посѣяно, фуры наложены. Чумакъ готовъ къ отходу въ путь. Онъ отправляется изъ дому, или иногда изъ тѣхъ мѣстъ, близкихъ

къ морю, гдѣ зазимоваль, застигнутый осенними бурями и бездорожьемъ. Не всегда бываетъ такъ, чтобы чумаки искали кладь, или пахали землю. Желая скорѣе другихъ прийти на озера за солью, онъ поднимается въ дорогу, чуть сойдетъ снѣгъ и нѣтъ еще подножнаго корма. Для этого онъ даже подвозитъ съ собой верстъ на сто и болѣе сѣна, пока на дорогѣ, на глазахъ уже его, подростеть свѣжая трава.

Наступаетъ роковой день...

Хозяинъ чумаки всталъ, вышелъ на крыльцо, когда еще заря чуть занимается, глянулъ на рядъ готовыхъ нагруженныхъ воевъ, на воловъ, ѣвшихъ сѣно въ сторонѣ, въ углу двора, и идетъ къ работникамъ. «Эхъ, вы, бабы сыны! Вставайте, будетъ вамъ байбаками залежиться! Всю зиму спали! Ну, швыдче; Павло, Митро, Дорошъ, Терешко! Мажьте воезы, наповайте воловъ, да съ Богомъ и гайда». Работники вскакиваютъ. Сонъ и безъ того всю ночь бѣжалъ отъ нихъ. Кто покидалъ милую, кто лѣниво и любезно нагрѣтое за-зиму мѣстечко, котораго бы, кажется, весь вѣкъ не покинулъ. Въ каждомъ чумакомъ обозѣ отслуженъ молебенъ Богородицѣ-Одигитрии, по старинному преданію, покровительницѣ чумаковъ. Пока хозяйка готовитъ послѣдній обѣдъ, хозяинъ отмѣриваетъ въ амбарѣ на дорогу заранѣе припасенныхъ сухарей, муки, пшена, сала, соли и дегтю для колесъ. Заскрипѣли ворота. Воловъ поятъ изъ студенной

криницы съ особою заботливостю. Мажуть оси. Сосѣди и окрестные пріятели сходятся смотрѣть на проводы. А хозяинъ заботливо и весело ходитъ между возовъ и воловъ. Тутъ стоитъ и его пара, обыкновенно самая щегольская: ярмо на возу фигурчатое, рѣзное, съ цвѣтными разводами, а если хозяинъ черниговскій чумакъ, или зажиточный Харьковецъ, то и вызолоченное «шумихою», сусальнымъ золотомъ; волы при этомъ самые рослые, съ истолинскими рогами, смурые съ подпалиной, или черные, какъ пара тучныхъ медвѣдей; самые повода на воллахъ ременные, а не веревочные. Чумакъ припасаетъ на дорогу всего двѣ рубашки, и въ этомъ есть свой обычай. Въ одной онъ идетъ въ путь и, не скидая ее ни разу, въ ней и возвращается. Для защиты отъ дождя, пыли, запы и мошекъ, ее тотчасъ обмазываетъ дегтемъ, вмѣстѣ съ шароварами, почему тяжелый, лѣнивый и загорѣлый чумакъ, въ пути, представляетъ издали какое-то подобіе древняго рыцаря, закованнаго въ панцырь и въ латы. Другая рубашка имѣетъ въ себѣ много трогательнаго: ее на чумака надѣваютъ только тогда, какъ онъ умретъ на дорогѣ.

Время отхода чумаковъ въ дорогу — вечеръ...

Солнце свернуло уже къ закату и меркнетъ. Чумаки печально смолкаютъ. Далекій путь, по пустынямъ, невольно тревожитъ. А у многихъ есть и особенно отъ чего задуматься. Тотъ въ неоплатномъ долгу у хозяина

и не знаетъ, оплатится ли онъ за эту поѣздку. Другой оставляетъ надолго невѣсту, на которой бы и женился, и она его любитъ, да достатку нѣтъ. Хозяинъ обѣщаль, какъ вернется къ осени, дать десять цѣлковыхъ, тогда и свадьбу можно справить. Да убережетъ ли его далекая дорога подъ дождемъ и бурями, по ядовитымъ солончакамъ и лиманамъ? — Трогательныя прощанія съ милыми происходятъ подъ общій шумъ и суету, по сосѣднимъ перелѣскамъ и огородамъ. «Ну, друзе, говоритъ чумакъ товарищу-чумаку: пойдѣмъ до моей дѣвчины проститься! Она тамъ, возлѣ зеленой балки ждетъ меня!» И идетъ одинъ или съ другомъ. Становится чумакъ, беретъ съ своею «дѣвчиною» за руки и долго, долго стоитъ съ нею, почти безмолвно, или изрѣдка переговариваясь. «Ну, вотъ же я и иду, Настя!» говоритъ онъ. «Иди!» отвѣчаетъ та со вздохомъ. «Только я тебя уже не забуду; убей Богъ, не забуду!» — «Не забывай, Грицю; а то я утоплюсь, а за другаго не пойду!» Еще слова, еще молчаніе. Солнце уже низко. Передовой возъ выѣзжаетъ изъ воротъ хозяина. «Прощай, Настя!» — «Прощай, Грицю!» Дѣвушка на прощанье, по обычаю, даетъ въ руки своему названному, съ кѣмъ она уже давно «женихается», шитое полотенце, «хустку». Онъ ее хранитъ, какъ завѣтъ, во всю дорогу, и если умираетъ въ пути, то товарищи ея покрываютъ ему въ могилѣ лицо; потому-что, если уже какая дѣвка въ такое время подаритъ чумаку

хустку, то это все равно, какъ бы она за него помолвилась, и ни за кого болѣе не выйдетъ за-мужъ. Онъ ей въ подарокъ съ дороги привозить красные сапоги. Въ такую пору бываютъ драматическія событія. Одинъ чумакъ подъ Цареборисовомъ, не надѣясь, что воротится изъ двухъ-мѣсячнаго переѣзда въ Крымъ и не побѣдивши припадки ревности, зарѣзалъ на прощаньи свою названную и выдалъ себя тутъ же. Дѣло было такое, что хотя она и любила его, но онъ подозрѣвалъ, что ея мыслямъ не чуждъ молоденькій ямщикъ, съ голубыми глазами и русыми кудрями, изъ сосѣдней Голо-долинской станціи. Этотъ ямщикъ любилъ предметъ скрытной и безмолвной страсти чумака также безмолвно и безнадежно. Она была дочка богатаго содержателя кабака на перекресткѣ большой и проселочной дороги. Когда, бывало, ѣдетъ, онъ на тройкѣ своей, порожнякомъ, а она въ огородѣ или тутъ же на отцовской нивѣ, онъ поравняется съ постоялымъ дворомъ, никогда не заѣдетъ выпить, лошадей пустить такъ, что едва ѣдутъ, понутивъ головы, а самъ шапку объ тележку, опрокинется и залетѣетъ соловьемъ. Всѣ уже знаютъ при этомъ, что ѣдетъ «отпѣтый» поклонникъ шинкарёвой дочки; и многіе думали, что онъ покончитъ плохо, или зарѣжется, или утопится. Вышло наоборотъ. Упорный степнякъ, любимый дѣвушкою, порѣшилъ дѣло убійствомъ ея.

Обозъ двинулся...

Но прежде еще чумаки обыкновенно на передней возъ, по старинному обычаю, берутъ пѣтуха. Этотъ пѣтухъ сперва привязывается тамъ за ногу, а потомъ въ дорогѣ освоивается и совершенно свыкается съ нравами табора. Въ безлюдныхъ пустыняхъ, по ночамъ, когда очередные чумаки въ сторонѣ отъ дорогѣ пасутъ воловъ, онъ крикомъ своимъ даетъ знать въ потемкахъ, гдѣ искать возы. По немъ узнаютъ часы, когда ночь, когда полночь, и скоро ли разсвѣтъ. Но, кажется, скорѣе всего, пѣтухъ милъ скитальцамъ особенно тѣмъ, что въ глухихъ степяхъ, оглашая дикіе пустыри своимъ крикомъ, напоминаетъ чумакамъ и родное село, и родную кровлю. Чопорный и гордый, возсѣдаетъ онъ на пыльномъ возу, разсматривая съ его вершины проѣзжихъ, или на стоянкѣ ходитъ возлѣ и клюетъ подъ колесами отборное, хранимое ему зерно. По мнѣнію иныхъ, онъ еще спасаетъ отъ придорожнаго бѣса. Баловень и любимецъ всей «валки», обоза, такой пѣтухъ живетъ иногда лѣтъ десять и двѣнадцать, совершая каждое лѣто по нѣскольку тысячеверстныхъ путешествій. Но иногда, гдѣ-нибудь на степномъ перевалѣ, въ глухомъ хуторкѣ, или на постояломъ дворѣ какой-нибудь менонистской колоніи, гдѣ хозяйство процвѣтаетъ и кучи куръ ходятъ около корчмы, пернатый султанъ неожиданно вскакиваетъ съ воза, стремится въ общество насѣдокъ, и, если его не поймаютъ, при отходѣ обоза, оказывается окончательно въ бѣгахъ.

Обозъ выѣзжаетъ за околицу и, отѣхавши версты двѣ или три, не болѣе, останавливается на первый ночлегъ почти въ виду села. Это мудрое обыкновеніе установлено потому, что, какъ говоритъ чумакъ: «Человѣкъ слабъ и можетъ дома что-нибудь позабыть; а тутъ близко, и какъ-разъ сбѣгаешь»...

Начинаются событія безконечныхъ переѣздовъ по степямъ...

III.

ЛѢТО.

«Воны не-вчѣни, ничего не знаютъ,
«Чвалаями ходять, та бисивъ приводятъ»
Мьстная поговорка о чумакахъ.

«Чи рыбу съ Дону везетѣ,
«Чи може выходци бурлаки?»

Энеида, Котляревскаго.

Нынѣшняя степь.—Обычаи чумаковъ въ дорогѣ.—Перевалы, колодцы.—Какъ беретъ за водопой жидъ и какъ беретъ христіанинъ.—Картины лѣта.—Заботы женскаго пола.—Чумацкіе пути.—Близость Крыма.—Статистика соляныхъ озеръ.—Какъ добывается соль.—Обратный путь; овражки, саранча.—Смерть чумака въ степи.—Чумацкія пѣсни.

Украинская степь, воспѣтая Гоголемъ, въ послѣднее пятидесяти-лѣтіе сильно измѣнилась. Это уже не то пустынное раздолье, по которому ѣхалъ когда-то Тарасъ Бульба, съ сыновьями, не видя конца «морю травъ» и не

и не встрѣчая ни жилья, ни дороги. Тамъ, гдѣ еще за восемьдесятъ лѣтъ назадъ, понуждая жителей къ хлѣбопашеству, правительство предписывало губернаторамъ имѣть крѣпкую предосторожность отъ Татаръ и Запорожцевъ, гдѣ безпрестанно посылались на пограничную линію пушки и порохъ, а поселяне выжидали, что вотъ-вотъ нагрянетъ врагъ и пустить по деревнямъ «красныхъ пѣтуховъ»; тамъ ружье смѣнилось уже косою, пушка плугомъ, а пустыня стала вспаханнымъ и засеян-нымъ полемъ. Степь по всеѣмъ направлениямъ уже изрѣзана столбовыми и проселочными дорогами. Луга ея смяты безчисленными стадами овецъ и зовутся «толоками». Желтый дрокъ и бѣлая кашка уже не выскакиваютъ такъ живописно, на безбрежной, но уже истоптанной человѣческой ногою луговинѣ. Степь, дикая украинская степь, становится просто тихимъ русскимъ полемъ. Но хороша она еще въ своихъ отдѣльных картинахъ. Весною, когда расцвѣтаютъ травы, она еще является въ такомъ убранствѣ, что невольно остановишься и перенесешься во времена Тараса Бульбы и Вія. Красивъ особенно въ это время алый воронѣцъ, дико растущій тюльпанъ. Перепаханныя громадныя степныя нивы подъ пшеницу, о которыхъ великороссъ съ трудомъ составитъ понятіе, также отзываются чѣмъ-то особеннымъ. Въ уваженіе къ избыткамъ хлѣбопашества Украинецъ зоветъ степь, занятую хлѣбомъ «царина» и невольно ломаетъ передъ

этою «царинюю» шапку. Чумаки болѣе другихъ терпятъ отъ размноженія хлѣбопашества. Уменьшеніе луговъ подняло цѣны на подножный кормъ.

Возы нагружены, фуры двинулись, первый ночлегъ выдержанъ, пѣтухъ чѣмъ-свѣтъ крикнулъ, и обозъ двинулся впередъ. Чумацкій обозъ называется «вѣлкой», передовой вожатый «ватажкомъ». Странствіе производится такъ.

Рано на зарѣ, часовъ около трехъ до восхода солнца, ватажокъ будить товарищей, сторожевые поятъ и запрягаютъ воловъ и вѣлка зорюетъ, то-есть идетъ по зарѣ до новаго перевала. Этотъ переваль производится уже тогда, какъ солнце поднимается надъ землею на два дуба, то-есть около шести или семи часовъ. При этомъ, пока волы отдыхаютъ и пасутся, чумаки завтракаютъ, «сидаютъ». Въ полдень второй переваль и обѣдъ. Вечеромъ, на зарѣ, ужинъ, а за нимъ ночлегъ и настоящее пастбище воловъ. Вообще стараются въ день пройти верстъ тридцать. Ѣдятъ дорогой пшонную кашу съ саломъ, хлѣбъ съ солью, галушки, а на возвратномъ пути съ Дона рыбу соленую и вяленую. Обычай чумаковъ въ пути воздерживаться въ пищѣ. Воламъ выбираютъ лучший кормъ на лугахъ и «толѣкахъ» и лучший водопой. Минуютъ ближніе дурные колодцы и рѣки для дальнихъ и лучшихъ. Избѣгаютъ пути по солончакамъ, которыми усѣяна лѣвая сторона Днѣпра, до Сиваша, и травы, на-

называемый «чихирь». Отъ послѣдней воли страдаютъ кровотеченіемъ. Кромѣ того, бичь воловъ — оводы, комары и мошки, которые набиваются къ нимъ въ уши и въ ноздри и нерѣдко ихъ удушаютъ. Ближе къ Крыму; земля у лимановъ изобилуетъ вредными испареніями. Отсюда нерѣдко завозится на сѣверъ скотская чума. На хорошихъ «толѣкахъ» землевладѣльцы берутъ съ пары чумацкихъ воловъ за пастьбу, днемъ въ короткій отдыхъ, отъ копѣйки до двухъ съ половиною серебромъ, а ночью двѣ и три. За водопой берутъ съ пары болѣе, именно около пяти копѣекъ серебромъ. Это потому, что большая часть водопоевъ въ степи, за неимѣніемъ рѣкъ, производится въ колодцахъ, гдѣ вода иногда находится сажень двадцать и тридцать ниже поверхности земли. Въ такихъ колодцахъ воду достаютъ колесомъ, руками или рычагомъ, посредствомъ лошади. За Орѣховымъ устроены, для уничтоженія высокихъ откупныхъ цѣнъ за водопой, казенные колодцы. Здѣсь чумакъ платитъ только за посудину, на содержаніе бадьи, веревки и казармы съ сторожемъ, около полуторы копѣйки серебромъ за пару воловъ. Это значительное облегченіе чумаку. Можно вообразить, сколько частные колодцы, при произвольной платѣ, приносятъ доходу, когда казенные въ иныхъ мѣстахъ отдаются на откупъ за сто и болѣе рублей сер. въ годъ. Иногда въ день «привалить чумака столько», какъ говорятъ на югѣ, что выбираютъ всю воду изъ колодца и

долго ждутъ, пока она опять набѣжитъ. Казармы при казенныхъ колодцахъ, сложенные изъ «чамура» нежже-наго кирпича, тоже служатъ убѣжищемъ для больныхъ чумаковъ. Тамъ-же, гдѣ колодцы содержатся частными людьми, чумаки предпочитаютъ идти болѣе глухими дорогами и, что довольно странно, именно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ содержатели не христіане, а жидаы. Объ этомъ вамъ расскажутъ довольно забавно. «Видите ли, говорятъ чумаки: жидъ возьметъ свое за попасъ и за водопой скота, лишнее возьметъ, нельзя уже безъ того обойтись, и дѣло съ концомъ. А христіане выдумали отличиться отъ жидовъ. Какъ можно, чтобъ мы дорого откупили Божью траву и воду! И понастроили около толѣкъ и колодцевъ шинковъ, и снимаютъ, значитъ, плату при-ставленные въ этихъ кабакахъ шинкари. Да какъ снимаютъ! Смотришь — человѣкъ, какъ человѣкъ: и хата у него расписана, и надъ дверьми вывѣска, и чисто такъ въ хатѣ и кругомъ. За водопой и пастьбу возьметъ грошъ, или два, а прикладываетъ только на каждую пару воловъ по *осьмухъ водки*. Оно бы и то ничего: осьмуха тамъ стоитъ восемь копѣекъ ассигнаціями. Только та бѣда, у кого четыре пары — и пей, не хочешь, полведра. Самъ не выпьешь, поишь другихъ. А наишся, и пошла голова колесомъ: прогуляешь, не опомнишься, и воловъ, и возъ, и одѣжу, и чужую кладь. Не мало нашихъ такъ съ однимъ кнутомъ домой приходили. Мы поэтому иныхъ

помѣщиковъ и минуемъ, а идемъ къ Нѣмцамъ, или къ Татарамъ, или гдѣ жидки держатъ постоялы!»

Не мало приходится еще горя чумакамъ, если на пастбищѣ очередной сторожевой зазѣвается или проспигъ и вола сдѣлаютъ «шкоду» — помнутъ и скормятъ часть чужаго хлѣба. Иные этимъ промышляютъ и нарочно держатъ «толѣки» близъ хлѣбныхъ нивъ. Чумакъ изъ села Мирнаго, Копылецъ-Коноваленко, рассказывалъ мнѣ, какъ подъ Орѣховымъ онъ было пустилъ пасти воловъ на городской общественный выгонъ, не зная, что его уже взялъ на откупъ мѣстный жидъ; какъ жидъ отнял у него вола и на силу, по неотступной мольбѣ всей вѣлки, отдалъ этого вола за 30 р. асс. Другой чумакъ, Тихонъ Вербицкій, изъ Балаклен, передалъ мнѣ повѣствованіе о томъ, какъ въ какой-то Юрковкѣ помѣщикъ поймалъ его и товарища съ волами во ржи. «Что мнѣ съ васъ брать?» сказалъ помѣщикъ: «воловъ вашихъ не стану отнимать; ими вы кормитесь; а чтобъ помнили, что чужаго хлѣба портить нельзя, вотъ вамъ судъ. Какъ тебя перваго звать?» — Тихонъ. — «А тебя?» — Осипъ. — «Ну, Тихонъ, на тебѣ палку и побей хорошенько Осипа!» — Я было думалъ, что Осипа только и нужно побить и настегалъ ему спину такъ, что тотъ только подскакивалъ. — «Ну, довольно же... Теперь, Осипъ, бери палку ты и побей Тихона, чтобъ и онъ помнилъ зарокъ!» — Товарища я, правда, уже очень обидѣлъ, и

онъ принялся меня такъ стегать, что сперва я было терпѣлъ, а тамъ уже пришло не въ ногу и я сталъ просить милости. Разсмѣялся помѣщикъ и еще далъ намъ по чаркѣ водки. Добрый панъ, и мы къ нему послѣ часто заѣзжали. Все спрашиваетъ: а что, хлѣба уже не шкѣдите? — Размноженіе промышленнаго духа сильно отозвалось на югѣ Россіи. Спросите чумаковъ, за что они теперь не платятъ? — «Все уже на откупъ, кромѣ одного неба!» отвѣтятъ вамъ. И дѣйствительно, за водопой берутъ, за кормъ травы берутъ, за мосты и переправы на паромахъ берутъ. Въ иныхъ мѣстахъ заставляютъ ихъ, при нагрузкѣ товаровъ, прежде исполнить нѣкоторыя городскія повинности, свезти изъ города на своихъ волахъ соръ, привезти камня или песку. Между собою дорогой они вообще очень старательны. Каждый день поочереди одинъ идетъ впереди вѣлки, другой наблюдаетъ за общею трезвостью, сторожитъ воловъ поочереди и поочереди исправляетъ должность кашевара, готовитъ ужинъ и обѣдъ, мѣситъ тѣсто на галушки, расплачивается съ содержателями толѣкъ и водопоевъ, и несетъ всѣ обязанности по обозу. Нѣтъ ничего живописнѣе вечернихъ чумацкихъ переваловъ. Вozy поставлены четырехугольниками, по пяти и десяти возовъ въ рядъ съ каждой стороны. Внутри этихъ затишей разводятся костры; на костры ставятся желѣзные треножки, съ прицѣпленнымъ котелкомъ. Воловъ ноч-

ные сторожа гонять отъ дороги далѣе, на менѣ истоптанную поляну. Огонь пылаетъ, освѣщая черныя, запыленные и загорѣлыя лица. Пока каша поспѣетъ и сонъ еще не смежилъ усталыхъ глазъ, идутъ рассказы о старинѣ, о прежнихъ годахъ чумачества, говорятся сказки, выкладываются барыши, вспоминаются родичи. У кого обломался возъ, тотъ чинитъ колесо, подводитъ новую ось, скручиваетъ веревкой ободъ или спицу, пригоняетъ новый шворень. На утро, на мѣстѣ ночлега, остается постоянно не мало щенокъ и стружекъ, краснорѣчиво говорящихъ о постоянно плохомъ устройствѣ чумацкихъ возовъ. «Худая снасть отдохнуть не дастъ» гласитъ пословица. Наконецъ, сломанное починено, ужинъ конченъ, всѣ засыпаютъ. Чѣмъ-свѣтъ пѣтухъ крикнулъ; на его голосъ, иногда еще въ потьмахъ, сторожевые гонять къ табору воловъ. Атаманъ покрикиваетъ: «А-ну-те, братцы, будетъ уже вамъ спать!» Всѣ встаютъ и обозъ въ двѣсти или четыреста колесъ, скрыпя, вытягивается вдоль дороги. Какъ ни стараются чумаки, для избѣжанія давки и суеты при переправахъ черезъ рѣки и при водопояхъ, идти вѣлками не болѣе, какъ возовъ въ тридцать или много пятьдесятъ, чѣмъ ближе къ Крыму — они сбиваются болѣе и болѣе и наконецъ соединяются по широкому чумацкому пути въ безконечные обозы....

Дороги становятся все глуше и глуше. Проселки вовсе

исчезаютъ. Села попадаются рѣже. Идетъ прямою стрѣлою одна большая торная дорога. По сторонамъ изгибаются только косогоры, да тянется зелень и зелень. И вотъ дальше и дальше. Балки и овраги смѣняются гладкими равнинами, равнины песками и опять балками. Вотъ на пути поднялся каменистый кряжъ холмовъ и какъ-будто горъ. Сегодня обозъ прошелъ весь день подъ нестерпимой солнечной истомой; завтра накрапываетъ дождь. На зарѣ изъ-за косогора показывается степная деревушка. Въ ямѣ родникъ; у родника плетень изъ прутьевъ; огородъ раскинулся по откосу горы; десятокъ плодовыхъ деревьевъ недавно посажены. Курень стоитъ среди поля — это бакша; дыни и арбузы желтѣютъ и бѣлѣютъ среди темныхъ листьевъ «огудины.» Тамъ застрѣли приземистые кусты дикой вишни и терна. Здѣсь проходитъ на сѣверъ, въ столицы, громадный гуртъ черкасскихъ быковъ на убой. А обозъ все дальше подвигается. Вотъ степь какъ-будто изъ зеленой пожелтѣла и заливаема чѣмъ-то краснымъ. Зной сушитъ и выжигаетъ травы. Надъ курганами играютъ мѣрева, миражи. Кругомъ ни звука. Все затихло въ зной и духотѣ, птицы и кузнечики. Раздается только медленное движеніе скрипучихъ возовъ, да слышится тихая поступь сѣрыхъ и рыжихъ воловъ, мѣрнымъ шагомъ взбивающихъ по дорогѣ тонкую пыль....

Такъ странствуютъ чумаки съ весны все лѣто, до поздней осени. Мѣстная жизнь мало имѣетъ къ нимъ,

въ это время, отношеній. Они о ней забываютъ. За то же и о чумакахъ почти совершенно забываютъ тогда остальные обитатели Малороссіи. Что имъ за дѣло до нихъ? Лѣто несетъ столько своихъ заботъ, что и не оберешься. Пословица говоритъ; «Лѣто собираетъ, зима поѣдаетъ»....

Іюнь-Червецъ смѣняется іулемъ-Липцемъ, любимымъ мѣсяцемъ пчеловодовъ. За Липцемъ идетъ Серпень-августъ, время уборки хлѣбовъ. Но на каждый день и на каждую недѣлю есть еще свои примѣты. До Юрія скотъ пасется въ селахъ еще на толбокахъ, а тамъ уже переходитъ на скошенные поля. На Зилота собрано всякое цѣлебное зелье. Въ садахъ появляются «майки», шанскія мухи. Онѣ усаживаются изумрудными роями на молодья вѣтви ясени и превращаютъ ихъ листья въ прозрачныя ткани тюля. По народному повѣрью, на Тихона затихаютъ птицы, и прежде всего соловей. Работы идутъ безъ усталы. Пословица велитъ: «въ дождь косить, въ погоду сушить». Приходитъ Ивановская-ночь, праздникъ Ивана Купала. По обычаю, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ этотъ день жарятъ пѣтуха съ красными перьями, собираютъ отъ пожара клей съ десяти вишневыхъ деревьевъ, и на перекресткѣ трехъ дорогъ поднимаютъ на счастье три скрещенныя соломенки. Чуть стемнѣло, на выгонѣ кладутъ вереницы костровъ изъ поскони и соломы, зажигаютъ ихъ и прыгаютъ черезъ нихъ попарно, парни

съ дѣвками. Чучело «маренки» изъ вѣщихъ травъ и со-
 ломы, въ рубахѣ, поясѣ и монистѣ, посаженное на оси-
 новое деревцо, ставится въ головѣ костровъ, среди хо-
 ровода. Пѣсни гремятъ про Ивашка и Марусю, Петра и
 Парасю. Съ криками и смѣхомъ топятъ наконецъ въ
 рѣкѣ и чучело, и дерево, распѣвая, какъ: «Ходили дивѣч-
 ки, коло маринѣчки, коло того вудола-Купала; играло
 солнышко на Ивана». Дѣвушки начинаютъ расходиться
 по домамъ, затыгивая пѣсню: «Купался Иванъ, та воду
 упалъ.» А парни подхватываютъ: «Иване, Иване! подъ
 гору зеленѣнько, на мѣсяцѣ виднѣнько, мое сердѣнько!» —
 Купало проходитъ. Недалеко Петровки и задумчивыя
 пѣсни «петривочки». Если въ день Мокрины выпадетъ
 дождь, будетъ осень мокрая. На Палія не топятъ печей,
 чтобы онъ не спалилъ деревни. Отъ множества мухъ,
 комаровъ и слѣпней некуда было уже дѣться. Пчельни-
 ки, пасѣки, въ гущинѣ уютныхъ вишневыхъ садиковъ,
 гудятъ, и соты ломаются отъ обильнаго сбора меду. Сло-
 божанинъ помнилъ, что завѣщала людямъ, по повѣрью,
 въ началѣ міра пчела, именно: «Корми меня до Купала,
 сдѣлаю изъ тебя пана» и не раскаивается, что долго съ
 весны кормилъ пчелъ. Отъ жары наконецъ нигдѣ не
 скроешься. Замолкла и кукушка. Украинцы, замѣчаютъ,
 что она въ это время «подавилась мандрыкою», особен-
 ною лепешкою, какія пекутъ въ петровскій постъ. Засу-
 ха иногда убиваетъ на корнѣ и хлѣбъ, и травы. Тогда

однѣ утреннія росы только еще и кропятъ едва остывающую ночью жаркую землю. Вѣтру нѣтъ, а наливающиеся колосья чья-то невидимая рука за ночь надламываетъ. Это значитъ, что, не смотря на засуху, урожай будетъ хорошей. Приходятъ Борисъ и Глѣба: въ полѣ поспѣлъ хлѣбъ. Но, замѣчаетъ поговорка: «на Глѣба и Бориса за серпъ еще не берися». Недалеко августъ, Серпень. На Маккавеевъ происходитъ «макотрусь», вытряхиваніе зерна изъ поспѣвшихъ головокъ маку. На Луппа «овесъ лупнетъ», спѣетъ. И вотъ засверкалъ серпъ. Руки ломаются отъ взмаховъ косы, спины отъ вязанья сноповъ, ноги отъ ходьбы по пышной червоинно-золотой нивѣ. Косовицкія и гребовицкія пѣсни сопровождали сѣнные покосы, а теперь сопровождаютъ и праздникъ «обжйнокъ». Вozy закрипѣли и, наваленные новымъ хлѣбомъ, подъ вечеръ, ползутъ по пыльной дорогѣ къ околицѣ. Не за горами уже Спиридонъ-солнцеворотъ. Идутъ Спасъ медовый и Спасъ яблочный. Бьютъ пчелъ, святятъ медъ и яблоки. Зрѣютъ на бакшахъ арбузы и дыни. Бабы треплютъ коноплю и ленъ. А вотъ въ сѣлахъ показываются и бандуристы. Бандура звенитъ и кобзарь припѣваетъ: «Ой, бѣсъ миѣ пораду нынче далъ, что я себѣ на печь бабу взялъ! Бабу, бабу, бабу, бабу, бабу взялъ!» Слушатели подхватываютъ! «Ой, сорока стрекочеть, никто бабы не хочетъ!» И все приплясываютъ. Откуда-то подулъ острый сухой вѣтерокъ. Это

«бурей» — осенній вѣтеръ, несущій бури. Тучи сдвигаются, ударилъ дождь и градъ. Дня три ливень не умолкаетъ. Но это только шутки осени. Лѣто еще не кончилось, и долго будетъ тепло и ясно. Долго еще не покажется Семень-лѣтопроводецъ, когда выкунѣвшій заяцъ, ставшій точно въ мѣховыхъ штанахъ, нырнетъ въ новой озими, и охотники выѣдутъ на поиски волчьего выводка, что ни день похищающаго изъ села то поросятъ, то молодыхъ барашковъ.

Слѣдя жизнь по собственнымъ примѣтамъ и по нимъ располагая свои работы, Украинцы не замѣчаютъ, какъ время идетъ. Слово «скука» не существуетъ въ деревенскомъ словарѣ. И мало ли, на примѣръ, занятій дѣвушкѣ, уже не говоря объ отцахъ и братьяхъ ея! Отъ ранней зари она уже на ногахъ.

Въ косовицу дѣвки ставятъ копны. До уборки хлѣба, пока отцы работаютъ то въ лѣсѣ, то нанимаются у соседей возить сѣно, докашивать траву, онѣ полютъ огороды, бакшу, конопляники, ходятъ собирать на зиму травы. Тогда чаще встрѣтишь дѣвку вечеромъ, у воротъ, или гдѣ нибудь у плотины, гдѣ вода шопотливо бѣжитъ, точно сказку кто говоритъ, рука объ руку съ милымъ. Разговоры влюбленныхъ, и на хуторянскомъ языкѣ, большею частію слова безъ значенія. Изрѣдка только онъ скажетъ ей: «Ты вчера тамъ-то была или стояла, а я тебя думалъ затронуть, да не посмѣлъ!» или, прибавить: «А

ты гордый-прегордый, сегодня утромъ прошелъ, и не поклонился, мимо нашей хаты!» Студёныя и живительныя ночи смѣняются первые лѣтніе жары. Въ ихъ мракѣ скрывается много тайнъ. То тамъ, слышно, клеится свадьба къ осени, то здѣсь уже склеилась, и скоро благословятъ жениха и невѣсту. А гдѣ собрались на работу дѣвки, да еще примѣшайся тутъ двѣ-три бабы, толкамъ и крикамъ нѣтъ конца. Иной мужчина, даже и старшина съ палочкой стоитъ тутъ, слушаетъ — слушаетъ, только плюнетъ и пойдетъ прочь. О чемъ онѣ ни говорятъ! Одна толкуетъ, что такіе-то и такіе парни хорошіе люди, а другіе дрянъ, и кто кого любитъ, и съ кѣмъ знается. Другая кричитъ, бросивши работу, и божится, что, положимъ, Бѣбрикъ Иванъ не хорошъ, и чѣмъ не хорошъ и почему о такой-то не думаетъ и куда, напротивъ, его думки и мысли летятъ? Все ей извѣстно. Шопотомъ передаетъ третья подружкѣ, какъ ее въ воскресенье, въ огородѣ, затронулъ такой-то, и что она ему сказала, и что онъ ей на то отвѣтилъ; какъ послѣ она пошла дальше, а онъ все за нею и просилъ, чтобъ она вышла постоять за ворота. Непобѣдимая и влекущая сила любви беретъ свое. Влюбленную тутъ сейчасъ намѣтятъ всѣ и знаютъ ее давно. Сама она тоже какъ будто перерождается. Отца нѣтъ дома; надо все прибрать. Пшено на кашу затѣрто, горшки перемыты, корова сдоена, хата подметена, постель постлана. Надо ложиться раньше спать,

завтра чѣмъ свѣтъ, по холодку, сходить на базаръ; отецъ будетъ съ поля, надо соли купить, обѣдъ сварить. Мало ли работы? Но работа валится изъ рукъ, сонъ бѣжитъ отъ глазъ. Коса зачесана; дѣвушка умылась, кладетъ поклоны; спина изгибается, какъ молодой ясенюкъ. Дверь заперта, свѣтъ погашень, а въ окно смотритъ мѣсяцъ; вѣтка черешни машетъ и тѣнь перебѣгаетъ по полу. Вдругъ въ двери кто-то тихо стукнулъ, и сердце бьетъ тревогу. Долго будетъ памятна въ будущемъ и эта ночь, и свѣтъ мѣсяца, и неугомонный трескъ кузнечиковъ, до зари прерываемый только громкими криками пѣтуховъ, которымъ вторятъ пискливымъ баскомъ маленькіе, подрастающіе пѣтушки...

Съ бабами другая исторія. Гдѣ онѣ соберутся, тамъ часто не минуетъ драки. Стоитъ какой-нибудь заикнуться о томъ, пожалуй, что весь свѣтъ скоро сгоритъ, такъ вотъ, какъ хлопья горятъ, и никого уже больше не будетъ, и отъ людей одна сгарь полетитъ по воздуху, — всѣ тотчасъ опустятъ лопаты, или иголки, или грабли, что было въ рукахъ, и до вечера протолкуютъ, какъ это сгоритъ свѣтъ. «Да ты отъ кого слышала про это?» — «Отъ Күзубки!» — «А она?» — «Отъ своего дяди?» — «А онъ?» — «Отъ тетки, а можетъ, отъ кумы!» — Толкамъ нѣтъ конца. Скорѣе всего, что рассказчица о пожарѣ свѣта слышала отъ вѣтра. И этимъ еще не кончается. Завтра, одна изъ слышавшихъ это надѣнетъ но-

вую юпку, возьметъ подъ мышку кусокъ полотна и какъ-будто за дѣломъ пойдетъ въ сосѣднее село. Тамъ скажетъ про все первой попавшейся знакомкѣ, та своимъ бабамъ и пошло кружить. Иногда мужики возвращаются съ заработокъ, а жены уже, за ненадобностью и скорымъ концомъ свѣта, одѣжу сбываютъ въ пол-цѣны. Исторія кончается другою исторіею. Напримѣръ, одна, развеселившись и разолгавшись на распашку отъ всей души, вдругъ скажетъ на работѣ другой: «Да это, душка моя, было тогда, какъ мы съ тобою, помнишь, у отца Гарасима лукъ крали?» — «Какъ крали?! Врешь... Я не краля; это ты одна краля, а я только смотрѣла, и говорила: э! Варько! не крадь, увидятъ! Помнишь?» — «Врешь, врешь! Крали, вмѣстѣ крали! И ты еще полный подоль набра-ла!» — Толпа слушательницъ раздѣляется на-двое, однѣ пристають къ первой, другія ко второй. Разбираютъ дѣло до той поры, что переругаются до потери голоса и идутъ домой съ синяками подъ глазами. И все тутъ поминается обидчицамъ: гдѣ какая изъ нихъ пьяна была, гдѣ мужъ ея билъ, и какъ мужъ оставилъ въ корчмѣ заложенный поясъ и шапку и не въ чемъ ему было домой идти. Все поминаютъ словоохотливыя бабы...

А пока въ деревняхъ бабы ссорятся, а дѣвки толкуютъ про суженыхъ, чумаки уже далеко-далеко въ пути, уже скоро въ Крымъ приѣдутъ и съ Дону рыбы на-

везуть. Пути, которыми они ходятъ, бѣльшею частію, не измѣняются!

Одни обозы чумаковъ идутъ на Донъ и Азовскія прибрежья, гдѣ нагружаются соленой и вяленой рыбой. Изъ этой рыбы самая употребительная и извѣстная въ Украинѣ — «тарань». Она поспѣваетъ съ Дона обыкновенно какъ-разъ къ Петровскому посту и раскупается на расхватъ для косарей и домашняго употребленія. Другіе обозы отправляются въ Крымъ, къ озерамъ, за солью. Выше уже сказано, что главная дорога туда идетъ изъ стари такъ-называемымъ «Муравскихъ шляхомъ». Рѣку Богатырь, называемую еще Джемрекъ, переѣзжаютъ по настоящему, хорошо-устроенному мосту. Здѣсь уже начинаются иностранныя колоніи. Первая Большой Янысель, потомъ Старый Керменчикъ. Отсюда дорога идетъ къ рѣкѣ Кобыльной. Вблизи этой рѣки, на рѣкѣ Волчей, въ степи, недавно еще видѣли остатки табуновъ дикихъ лошадей, и, какъ прибавляютъ, эти лошади сѣренькія и небольшого роста и также пугливы, какъ всякая полевая дичь, бѣгутъ отъ одного вида человѣка. Тутъ явились не такъ давно еврейскія колоніи или номера, какъ ихъ тутъ называютъ (*). Далѣе чумацкая дорога идетъ въ Апухтины-Номера и въ Черниговскіе-Хутора. Между послѣд-

---

(*) Чумаки бѣльшею частію называютъ имена помѣщиковъ, вмѣсто именъ ихъ деревень.

ними степь лежитъ на пятьдесятъ верстъ, не оживленная ни одною деревушкой. За этимъ, нѣмецкое село Красный-Трактиръ смѣняется Астраханкою, деревней секты ма-лакановъ. Наконецъ является среди степи уѣздный го-родъ Мелитополь, прежде Кизьяръ. Онъ состоитъ изъ деревянныхъ домиковъ, бѣльшую частію избушекъ. За Мелитополемъ, гдѣ уже на базарной площади толкутся двухколесныя татарскія арбы и верблюды, и гдѣ я поку-палъ виноградъ въ одной цѣнѣ, какъ за недѣлю въ Крыму въ южно-береговой Алуцкѣ, встрѣчается еще одно рус-ское село Ефимовка, съ почтовою станціею на Перекопѣ. Отсюда уже на полтора ста верстъ идутъ однѣ татарскія и ногайскія деревни. Недалеко отъ Приюта, въ Святоду-ховкѣ, живетъ замѣчательный чумакъ Иванъ Солонина, тридцать лѣтъ занимающійся своимъ ремесломъ и по-бывавшій съ волами даже въ Варшавѣ. Мѣстные жители много говорятъ о его умѣ, честности и неутомимости въ дорогѣ.

Другихъ путей я не буду исчислять. Чумаки, живущіе близъ Днѣпра, идутъ еще въ Одессу, Польшу и въ Бес-сарабію, съ разнымъ грузомъ. Изъ Бессарабіи тоже вы-возятъ соль. На Днѣпрѣ переправляются на тѣхъ же старинныхъ запорожскихъ бродахъ и татарскихъ пере-лазахъ, гдѣ впрочемъ уже устроены хорошіе паромы и пловучіе мосты, какъ въ Кременчугѣ. — На Сивашѣ устроенъ мостъ, на паляхъ, осмоленныхъ «шевскою

смолою», какъ говорятъ чумаки. За мостомъ Перекопъ, и вблизи первое соленое озеро Тонкое. Какъ я уже сказалъ, на Алешковскіе пески, у Днѣпра, знаменитые своею «безкормицею», мало ѣздятъ чумаки, а везутъ соль на село Копани, гдѣ она грузится на барки и по Днѣстру ставится въ Херсонъ. Вообще, лѣвая сторона Днѣпра, до Сиваша, идетъ «солончаками», а правая, по Ингулу и Ингульцу, «балками», лѣсистыми оврагами, и песками. Съ весны открывается переправа на паромѣ въ Бериславѣ. Тутъ сходятся иногда разомъ нѣсколько тысячъ воловыхъ воевъ. Въ Одессу идетъ другое развѣтвленіе чумацкихъ обозовъ. Они въ Одессу возятъ, съ апрѣля до сентября, почти непрерывно, пшеницу изъ окрестныхъ уѣздовъ, ѣздятъ въ Бессарабію, въ Крымъ и на Донъ. Иногда изъ нѣсколькихъ «валокъ» составляется обозъ въ триста паръ подводъ, при чемъ у избираемаго атамана, старосты, хранятся артельныя деньги, для покупки общину новыхъ воловъ, вмѣсто павшихъ, для починки воевъ и покупки на мѣстѣ товаровъ. Такимъ образомъ, все почти пространство южно-русскихъ степей, отъ весны до поздней осени, въ разныхъ направленіяхъ искрещивается странствующими чумаками. Последнихъ ничто не пугаетъ, ни видъ пустынной степи, гдѣ волнуется щетинистый «ковыль», да неуклюжій сѣрый «бурьянъ», ни вредные болота при днѣпровскихъ лимановъ, съ сыпучими песками — «прогноями» и «солонча-

ками». Они идутъ себѣ шагъ за шагомъ, перенося зной и бури, жажду и голодъ, въ ожиданіи богатаго сбора рыбы и соли. Рыбный уловъ не столько любопытенъ, какъ сборъ соли въ Крымскихъ озерахъ, и потому я коснусь здѣсь послѣдняго.

Чуть только, въ концѣ мая или въ началѣ іюня, вода отступила изъ лимановъ и съ береговъ озеръ, соль садится на землѣ и лежитъ толстою корою, иногда далеко съ берега надъ водой, какъ ледъ, до конца іюля, особенно если лѣто сухое. Дожди ее размываютъ. Въ это время, дворяне Подольскіе, Новороссійскіе и Бессарабскіе, казенные комиссары, нѣмецкіе колонисты, чумаки и Татары, шлютъ подводы и сами являются за закупкой и грузомъ соли. Казенное промысловое управленіе распредѣляетъ работы и дѣлитъ лиманы жердями на пай, отъ береговъ до середины лимана. Близъ берега слои соляныхъ кристалловъ тоньше, въ глубинѣ толще. Ямы и глубины оставляются за казною. Лопатами и корытами берутъ иль съ солью и даютъ ему осѣдать на берегу. Гдѣ дно суше, тамъ и работа легче. Соль возятъ тачками, на волахъ и лошадяхъ. Работники подвязываютъ подъ ноги дощечки, потому что соляной сиропъ, «тузлукъ», очень вреденъ, кожа на ногахъ отъ него трескается и въ трещинахъ открываются упорныя раны. На руки работники надѣваютъ особаго рода рукавицы. Одежда отъ соли, пропитываясь тузлукомъ, деревянѣетъ. Прежде

всего пополняютъ казенные склады соли въ надднѣпровскихъ магазинахъ. Прочее копятъ въ скирдахъ, называемыхъ *кагатами*. Чтобы кагаты не портились отъ непогоды и не размывались дождями, ихъ обжигаютъ хворостомъ и соломой такъ, что слежавшуюся и обожженную соль въ нихъ послѣ съ трудомъ рубятъ ломами и топорами. Лучшею, чистою солью считается славная на мѣстѣ и въ Малороссіи *«красноозѣрка»* и *«староозѣрка»* — съ двухъ обширнѣйшихъ перекопскихъ озеръ, Краснаго и Стараго. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ казна отдаетъ добычу соли на откупъ частнымъ лицамъ. Откупщики при этомъ, взявши озера, нанимаютъ «тахву» артель рабочихъ съ тачками, возами. У берега соль черпаютъ, въ смѣшеніи съ тузлукомъ, лопатами, артелью человѣкъ въ двадцать; изъ складовъ, кагатовъ, ее рубятъ.

Чумаковъ, по приходѣ ихъ къ Перекопу, выстраиваютъ въ рядъ. Чиновники повѣряютъ, сколько возы каждаго могутъ поднять соли, и за этимъ выдаютъ имъ на проходъ къ озерамъ открытые листы. Въ кагатахъ, по этимъ мѣстамъ, имъ отпускаютъ соль дармъ, а берутъ деньги уже въ правленіи, при обратномъ ихъ проходѣ черезъ Перекопскія ворота. Иногда здѣсь собираетъ ся нѣсколько сотъ обозовъ. Тогда кормъ и водою дорожаютъ и чумаки наперерывъ стараются скорѣе рас-

платиться и уйти. Иные стоятъ здѣсь по цѣлымъ недѣлямъ....

Но вотъ соль скуплена, возы нагружены, чумаки идутъ въ обратный путь. Иные везутъ соль прямо домой, въ тысячи селъ и мѣстечекъ своей родины. Другіе везутъ ее въ складочныя мѣста на Днѣпрѣ, откуда соль водою, выше пороговъ, поднимается въ западныя губерніи и въ Царство Польское. Одно изъ главныхъ складочныхъ мѣстъ соли, на Днѣпрѣ, *Крюковъ-посадъ*, въ предмѣстьи Кременчуга. Здѣсь, въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, истинное царство чумаковъ. Тутъ они складываютъ соль, выручаютъ чистоганомъ барышъ и нерѣдко тутъ же его пропиваютъ до копѣйки. Тогда, прокутившійся чумакъ, въ послѣднемъ похмѣльѣ, садится на площади, заломить на ухо высокую шапку и слезно запоетъ знаменитую чумацкую пѣсню:

«Ой, запивъ чумакъ, запивъ,
Сидя на рыночку;
«Та й пропивъ чумакъ, пропивъ
Усю худобочку....»

Въ обратный путь чумаки берутъ болѣе клади, нежели отправляясь изъ дому. Это потому, что соль и рыба тяжелѣе деревянныхъ поработокъ, въ одномъ объемѣ величины, и, нагруженные внизу воза, не такъ на ходу раскачиваютъ возъ, какъ товары, увозимые изъ Малороссіи на югъ, въ томъ числѣ и хлѣбъ.

Приближаясь къ родинѣ, не всегда тоже эти присяжные скитальцы встрѣчаются радостными новостями о своихъ. Тамъ съѣли хлѣбъ «овражки», особый звѣрекъ, родъ суслика; тамъ прилетѣла «саранча» и тоже уничтожила спѣющія нивы. Часто, рано на зарѣ, поднявшись за косогоръ, чумаки видятъ родимую полосу земли, гдѣ залегла эта саранча. Сѣрыя, стекольчатыя крылья блестятъ полосою на нѣсколько сотъ сажень, отражаясь по склону холма, противъ солнца.

«Овражки» составляютъ не послѣдній вопросъ нынѣшней жизни украинскаго Юга. Есть имѣнія, гдѣ вотъ уже седьмой годъ сряду поселяне и помѣщики покупаютъ сѣмена пшеницы, засѣваютъ ими цѣлыя сотни десятинъ земли и на слѣдующій годъ видятъ, какъ въ ихъ глазахъ созрѣвшій уже хлѣбъ эти овражки уничтожаютъ въ колосѣ до тла. И нѣтъ до-сихъ поръ положительнаго средства ихъ истреблять. Ходитъ на югѣ преданіе, что пару этихъ хорошенькихъ звѣрьковъ, какъ диковину привезъ изъ-за-границы и подарилъ Императрицѣ Екатеринѣ Великой, во время ея проѣзда черезъ Малороссію въ Крымъ, не то императоръ Австрійскій, не то король Польскій. Звѣрки убѣжали и съ той поры, подъ вліяніемъ особенно благопріятныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ нашего юга, малолюдности и многоземелія, страшно расплодились. Одна пара овражковъ даетъ дѣтей три раза въ лѣто. Говорятъ, что уже при

Императоръ Александръ I-мъ были распоряженія объ истребленіи ихъ; а при Императоръ Павлѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, даже отряжались войска ихъ уничтожать. Теперь спохватились сами помѣщики. Одинъ изъ Екатеринославскихъ помѣщиковъ, ^{***}, мнѣ говорилъ, что въ его имѣніи, по примѣру другихъ, была объявлена плата за каждаго убитаго овражка. Дѣйствительно, — въ мѣсяцъ иногда сосѣдшіе и свои мальчишки приносили въ его контору съ его полей нѣсколько тысячъ этихъ звѣрковъ, и онъ расплачивался. Но что же ему было дѣлать, если сосѣди, глядя на его попытки, сами ничего не предпринимали и къ осени овражки снова наполняли ихъ очищаемыя поля? — Пытались норы засыпать пескомъ и забивать клиньями; овражки спасались другими незрими въ травѣ ходами. Пробовали прежде удушать ихъ, наполняя нору, посредствомъ раздувальнаго мѣха, ѣдкимъ дымомъ изъ ядовитыхъ веществъ и простаго навознаго кирпича. И это не помогало въ нужной степени; иногда овражка именно въ то время не было въ наполняемой дымомъ норѣ, а онъ былъ въ норѣ по сосѣдству. Иные овражковъ выливаютъ изъ норы водою и потомъ, чуть онъ, затопленный, высунетъ мордочку, его убиваютъ. Но это требуетъ большой возни, подводъ и бочекъ, тогда какъ иной разъ степь хозяина простирается на десять верстъ во всѣ стороны, а рѣки нѣтъ, и воду берутъ изъ колодезевъ. Одинъ тонкій нѣмецъ предложилъ

было даже выливать овражковъ кипяткомъ, ставя самовары у отверстія норокъ! Изъянъ отъ овражковъ такъ великъ, что по расчету нѣкоторыхъ хозяевъ, если бы мѣстность изобиловала лѣсомъ, выгодно было бы даже обнести поля, съ хлѣбомъ, сплошными стѣнами изъ досокъ, въ аршинъ вышиною. Дѣлали пробы. Овражки дѣйствительно такъ высоко но перепрыгнуть. Но они могутъ прорыть ходы подъ досками. Да и гдѣ взять въ степяхъ такого количества лѣса! Недавно пронесся слухъ, что какой-то помѣщикъ придумалъ рѣшительное средство для истребленія овражковъ: именно зараженіе ихъ *поколѣній прививкою оспы*. Этотъ слухъ снова замолкъ. Говорятъ что овражки относятся къ слѣпорожденнымъ; а на слѣпорожденныхъ оспа не дѣйствуетъ.—Картина истребленія хлѣба овражками истинно поразительна. Въ знойный полдень вы ѣдете по степи, овражковъ не видите, а слышите только рѣзкій свистъ, въ тысячи отдѣльных мѣстахъ, по желтѣющимъ нивамъ. Присмѣтритесь и замѣчаете, какъ въ гущинѣ колосевъ, нѣкоторые стебли подсѣчены на вершокъ отъ земли зубами овражка, склоняются, будто отъ вѣтра, и падаютъ. Овражки выбираютъ изъ колоса зерно и, держа его во рту, съ раздутыми щеками, бѣгутъ спрятать его въ нору. Теперь дознано, что овражки истребляютъ такъ и молодую траву. Прежде думали, что они не переплываютъ большихъ рѣкъ, и живущіе за Донцомъ, по сю-сторону Харьковской гу-

бернии, рады были и не беспокоились за свой хлѣбъ. А теперь видѣли, какъ овражки цѣлыми стаями переходили въ плавъ тотъ же Донецъ и другія рѣки. Подъ Зміевомъ и Волоховымъ-Яромъ, гдѣ еще десять лѣтъ назадъ и не слышно было объ овражкахъ, въ минувшее лѣто уже поселяне убивали ихъ въ день по два и по три десятка...

Чумакъ съ стѣсненнымъ сердцемъ возвращается на родину. Иногда еще болѣзнь настигаетъ его на пути, и роднаго угла ему не приходится болѣе увидѣть.

Въ смерти чумака въ степи много трогательнаго. Ее воспѣли десятки лучшихъ украинскихъ пѣсенъ, наравнѣ со смертью казака на чужбинѣ, въ бою съ врагомъ, въ старинныхъ казацкихъ думахъ. Привожу переводъ извѣстной пѣсни о смерти казака, на сколько своеобразный подлинникъ позволилъ мнѣ передать его суровую и дикую красоту.

«Вѣтеръ по полю шумитъ,
 Весь въ крови казакъ лежитъ,
 На курганѣ головой,
 Подъ осѣкою рѣчной.
 Конь ретивый въ головахъ,
 А степной орель въ ногахъ...
 Ахъ, орель, орель степной,
 Побратѣмся съ тобой!
 Ты начнешь меня терзать
 И глаза мои клевать;
 Дай же знать про это ей,

Старой матери моей...
 Чуть начнетъ она пытатъ,
 Знай, о чемъ ей отвѣчатъ:
 Ты скажи, что вражій ханъ
 Полонилъ меня въ свой станъ;
 Что меня онъ отличилъ
 И могилой наградилъ!
 Съ сыномъ ей уже не жить
 И волосъ ему не мыть!
 Ихъ обмоетъ ливень грозъ,
 Выжметъ до суха морозъ,
 А расчешетъ ихъ бурьянъ,
 А раскудритъ ураганъ!..
 Ты не жди его домой,
 Зачерпни песку рукой,
 Да посѣй, да поджидай,
 Да слезами подливай...
 И когда песокъ взойдетъ,
 Сынъ на родину придетъ!»

Въ поэтической жизни Украйны чумаки во всемъ за-
 нялъ мѣсто казака. Теперь онъ герой степныхъ пѣсенъ.
 И въ самомъ-дѣлѣ, отправляясь въ долгое и тяжелое
 странствіе, безъ особыхъ предосторожностей и средствъ
 спастись отъ непогоды, вліянія болотистыхъ мѣстъ и вся-
 каго рода мѣстныхъ болѣзней, онъ часто становится
 жертвою скоропостижной смерти. Аптекъ на пути не
 ищите, равно какъ и врачей. Въ малонаселенной степи
 иногда за пятьдесятъ верстъ въ окружности не найдете

и общей спасительницы мѣтнаго простонародья, полуколдуньи и полу-врача — «бабы-знахарки». Напившись въ жару холодной колодезной воды, съѣвши не въ-мѣру арбузовъ и дынь, или даже только простудившись, чумакъ уже задумывается, повѣсилъ голову и молча готовится встрѣтить свою участь. Товарищи съ участіемъ и боязливо поглядываютъ на него. Онъ уже не ѣстъ и не пьетъ, и неподвижно лежитъ на возу. Простой припадокъ лихорадки превращается въ горячку, общее воспаленіе охватываетъ бѣдняка. Онъ истощалъ, блѣдный, какъ трупъ, едва переваливается съ боку на бокъ; волосы его взбиты. Изрѣдка только попроситъ воды промочить языкъ. И вотъ, иногда, на закатѣ дня, видите вы среди лошинки, въ десяти шагахъ отъ битаго чумацкаго «шляха», толпу неподвижныхъ чумаковъ и на дорогѣ, въ сторонѣ, распряженный обозъ. Наскоро готовится печальный обрядъ. Умирающій уже умытъ, причесанъ¹; на него надѣта запасная чистая рубаха. Тутъ же, нерѣдко, товарищи не вдалькѣ и могилу при немъ роютъ. Онъ лежитъ на посланной свиткѣ, клокъ сѣна или боченокъ съ водой въ головахъ. А передъ нимъ стоитъ ближайшій его товарищъ, родичъ или «побратимъ», другъ его дѣтства. Прочіе въ это время удаляются къ сторонѣ и набожно стоятъ въ ожиданіи. Умирающій исповѣдывается въ грѣхахъ, за отсутствіемъ священника, другу: «Ну, друже, прости меня навѣки! Вотъ тамъ, въ Неми-

ровѣ, укралъ я ведро; а у насъ, въ Ганновкѣ, есть моя люба — и я ее загубилъ, и теперь уже ей не житье! А тамъ-то въ лѣсу у меня закопаны три цѣлковыхъ; ты ихъ найди и ей отдай два, а одинъ попу за упокой души. Да еще я облаялъ Демка, да Петра, да матери покойной нагрубилъ.... Сестру билъ съ-пьяну два раза.... Шаравары тоже заложены въ корчмѣ у Прокопѣнка.... Грѣшилъ я, друже, во всякомъ дѣлѣ, и словѣ, и помышленіи. Моли Бога, и пона проси, и служи за упокой... А волики мои.... береги ихъ.... и не продавай.... береги....» — Съ мыслию о любимыхъ волахъ, товарищахъ многихъ и многихъ его странствій, отлетаетъ душа его. Товарищи сходятся, крестятся, кладутъ его въ свѣжую могилу, бросаютъ по горсти земли, засыпаютъ могилу и ставятъ надъ нею шестъ, съ привязанною на верху «хуѣткою», платкомъ. Вы часто увидите въ степи, близъ дороги, такой шестъ. Во многихъ мѣстахъ ни шеста, ни хуѣтки давно уже нѣтъ, а перекрестокъ двухъ дорогъ или одинокій курганъ называются «братьями чумаками» или «чумацкою могилою». Похоронивъ товарища, чумаки ѣдутъ далѣе. Иногда до слѣдующаго села бываетъ не ближе сорока или пятидесяти верстъ. Жители села на зарѣ услышатъ звонъ, и знаютъ уже, что это чумаки проходятъ и «звонятъ по душѣ». Обозъ останавливается на улицѣ. Одинъ чумакъ идетъ къ пономарю и уговаривается съ нимъ о звонѣ. А принявшій послѣднюю исповѣдь

покойника идетъ передать ее священнику. «Что ты?»— «Пришелъ просить вашей милости. Товарищъ отдалъ Богу душу на дорогѣ. Примите грѣхи; я ихъ принесъ!»— Мѣстные священники знаютъ уже этотъ обычай, берутъ крестъ и Евангеліе, и товарищъ передаетъ грѣхи покойнаго. Послѣ этого, священникъ ѣдетъ къ могилѣ и «печатаетъ гробъ», то-есть, совершаетъ надъ нимъ принятый обрядъ, читаетъ молитвы и служитъ по уставу панихиду. Исполнивши обрядъ, товарищъ догоняетъ обозъ. И долго еще чумаки, за обѣдомъ и ужиномъ, поминаютъ недостающаго вкругъ котелка собрата.

Но его оплачетъ еще суженая. Пѣсня объ ожиданіи невѣстою умершаго чумака кончается такъ: (перевожу еѣ):

«Шумятъ вербы въ концѣ гребли, что я насадила;

Нѣту-нѣту миленькаго, что я полюбила!

«Нѣту-нѣту миленькаго, нѣтъ моего солнца;

Не съ кѣмъ слова перемолвить, сидя у оконца!

«Чернобровый, бѣлолицый и каріи очи —

Не съ кѣмъ слова перемолвить, сидя до полночи!»

Знаменитѣйшая изъ украинскихъ пѣсенъ о смерти чумака: «*Ой, ходивъ чумакаъ симъ рикъ по Дону*». Ее поетъ вся Малороссія. Съ напѣвомъ ея сравнится рѣдкая изъ народныхъ пѣсенъ.

Другая пѣсня, менѣе извѣстная, повторяетъ совершенно одну мысль съ приведенною выше старинною пѣснею о смерти казака. Вотъ ея подстрочный переводъ:

«Ой, по горамъ снѣги лежать, по долинамъ воды стоятъ, а по путямъ маки цвѣтутъ! То не маки, а чумаки, изъ Крыму идутъ, соль везутъ. Матерь сына узнавала, не узнала, выкликала. Иди, сынку, до домоньку, мою тебѣ головоньку! Умой, мати сама себѣ, или моей родной сестрѣ. Меня смоютъ часты дожди, а расчешутъ густы терны, а просушитъ ясно-солнце, а раскудрятъ буйны вѣтры!»— Каждая почти чумацкая, лѣтняя пѣсня, говоритъ, что: «Добро было чумаковать, пока все было ровно; а то уже изъ-за тѣхъ билетовъ — ходить невольно!» намекая здѣсь на паспорта, прекратившіе южно-украинское бродяжничество. Не менѣе извѣстная пѣсня: «*Ой, чумаче, чумаче, у тебя личко казаке!*» говоритъ, что путникъ: «Ѣхаль, Ѣхаль — могила; край могилы — долина тамъ чумаки стояли, совѣтъ съ собой держали»...

Въ заключеніе чумацкихъ пѣсенъ, привожу переводъ пѣсни, также о смерти чумака, мысль которой очень поэтична. «Ой, въ полѣ криница; тамъ холодная водица. Тамъ чумакъ воловъ поить. Волы ревуть, воды не пьютъ, дороженьку чуютъ. А чтобъ же вы, сѣры волы, да въ Крымъ не сходили, какъ вы меня молодого навѣски смутили! Померь, померь чумаченько, на недѣлѣ рано; схоронили чумаченька въ зеленомъ бурьянѣ. Насыпали надъ чумакомъ високу могилу; посадили надъ могилой красную калину. Прилетѣла кукушка и сказала: ку-ку. Подай, сынку, подай, орликъ, хоть правую руку! Ой, радъ

бы я, моя мати, и обѣ подати; да налягла сыра земля, не можно подняти...»

О с е н ь .

Календарь осени. — Картины селеній. — Примѣръ украинской грязи. — Ожиданія чумаковъ съ дороги. — Смерть украинской дѣвушки. — «Панское вино». — Рассказыванье въ дождь сказокъ. — Сказки о запорожцахъ и «песьголовахъ». — Образчикъ сказки объ украинскомъ Геркулесѣ. — Заключение: вечеръ въ корчмѣ и толки о близкой постройкѣ желѣзной дороги.

Ни одно время года такъ не питаетъ грусти, какъ осень. Пушкинъ сравнилъ осень съ умирающею красавицей. Ко многимъ чертамъ поэзіи, обрисовавшей эту пору года, можно прибавить, что украинская осень въ особенности картина. Отлѣтъ журавлей, зеленѣющія безконечныя озими, молотба новаго хлѣба, смолкшія, обнаженныя поля и луга, и предвѣстники зимы дрофы и стрепеты, собирающіяся въ кучи, все это вѣетъ невыразимою грустью. Первый желтый листъ здѣсь не заставляетъ ждать долго морозовъ. Сады и лѣса зелены еще въ сентябрѣ и въ октябрѣ. За то первый студѣный утренникъ превращаетъ деревья во что-то волшебное. Проснѣтесь, и глазамъ не вѣрите. Передъ вами стоятъ клены, будто вылитые изъ червоннаго золота; серебряныя бересты; бронзовыя липы и воронѣныя, темно-багровые орѣшники. Вы не разъ, вѣроятно, встрѣчали такіа

золотыя, сказочныя рощи, по полтавскимъ и черниговскимъ дорогамъ, гдѣ иногда цѣлое дерево или вѣтка кажутся выкроенными изъ яркой, алой или лиловой ткани.

Хмѣль и желуди собраны. Семень-лѣтопроводъ обходитъ дозоромъ сады, пашни и огороды, чтобъ нигдѣ не было недостатка, чтобъ овощи и плоды вездѣ принесли урожай и радость. За то-же, ни съ чѣмъ не сравнится довольство хозяина, разрѣзавшаго за бѣлою, чистою скатертью, первый новоиспеченный хлѣбъ. А кто сѣлъ за столъ и за горою пироговъ не увидалъ, на другомъ концѣ стола, хозяйки, тотъ считаетъ себя счастливейшимъ человѣкомъ. Работы кончены. Спи и наслаждайся. Волка ноги кормятъ — человѣка кормятъ руки. Руки отработались. Теперь уже довольно. Все идетъ на отдыхъ.

На Воздвиженъе гады сдвигаются по мѣстамъ. Сдвигай и ты свиту, а надѣвай кожухъ, да на печь иди. Въ полѣ скучно, пусто и бѣдно. Бабѣ лѣто приводитъ похороны мухъ. Сорванные вѣтромъ паутинки летятъ по воздуху и исчезаютъ. Вѣдмы ловятъ ихъ и строятъ изъ нихъ лѣстницы на небо, замѣчаютъ поселяне: а по лѣстницамъ этимъ взбираются души некрещеныхъ младенцевъ и утопленниковъ. Тернъ собранъ. Соленья всякаго рода припасены на зиму. Подвалы хозяекъ наполняются бочками и флягами наливокъ и водянокъ, плодовыхъ квасовъ и морсовъ. Молодой заяцъ мячемъ выкатывается изъ-подъ ногъ охотника. Своры снуютъ по

кустарникамъ. Въ лѣсахъ идутъ обвалы на волковъ и лисицъ. Въ сараѣ звенить подъ новымъ обручемъ бочка. Среди слободки шумнѣе и многолюднѣе. На призвахъ, подъ-вечерь, всѣ сидятъ и толкуютъ, какъ лѣтомъ въ праздникъ. У околицы появляются навьюченные мѣшками *щетинники*, любопытный народъ, торгующій гребнями и ладаномъ, иголками и померанцами для настоекъ, шафраномъ и серьгами, и мѣняющій свои товары на щетину, пеньку, перья, полотна, воскъ и медъ. Баба засмотрѣлась на оловянное кольцо и отдаетъ за него доходъ съ двухъ годовалыхъ кабановъ; понравилась ей лента на дочку, и въ неизмѣримые мѣшки щетинника отправляется пухъ съ десятка гусей. Какъ знать цѣну этому пуху, щетинѣ или полотну? Богъ ихъ знаетъ! А уже дѣло извѣстное, лента по пятаку аршинъ, а кольцо гривна, хоть въ Балаклѣе или въ самомъ Харьковѣ покупайте.

Наступаетъ ноябрь. Токъ ноетъ отъ молотбы. На Федора Студита уже сильно студить. А вотъ и пророка Наума. Школьниковъ ведутъ въ этотъ день къ дьячку и отдають въ науку. «*Наумъ наведетъ на умъ!*» говорятъ отцы, по старосвѣтскому обычаю, и плотнѣе прижимають носы въ бараньи шубы... Смѣняются извѣстныя субботы: Федорова, Кузьмина, Михайлова, Дмитрова и Пущальная. Последняя составляетъ заговѣнье передъ Филипповками. Какъ въ эту субботу объѣдаются украинцы,

читатель знаетъ изъ любопытнаго разсказа Квитки: «На Пущанья якъ завязано!»

А что вы сдѣлаете съ знаменитою малороссійскою грязью? О ней и понятія не можете имѣть вы, гуляющіе по Невскому и по столичнымъ мостовымъ. Можно объяснить вамъ это примѣрами.

Въ уѣздномъ городкѣ ^{***}, въ именины судьи, гости стали съѣзжаться съ визитами къ имениннику. Но встрѣтилось неожиданное препятствіе: улица за ночь превратилась въ болото. Тройки не могли вывозить легкихъ дрожекъ. Городничій приходилъ въ азартъ болѣе другихъ и бралъ улицу штурмомъ. Пробрался за два дома до крыльца именинника, всталъ на дрожкахъ и замахалъ платкомъ, торжествуя побѣду. Но тутъ дѣло и кончилось: лошади далѣе не повезли, потонувши въ грязи по-брюхо. Тогда сжалились сосѣди. Выставили уже двойную раму окна противъ дрожекъ, проложили съ окна доски на дрожки, городничій прошелъ въ окно, а тамъ по кладкамъ сосѣднихъ дворовъ прошелъ къ имениннику.

Грязь полтавская и харьковская извѣстны всѣмъ. Почта на южныхъ дорогахъ запаздываетъ недѣлями. Я дѣлалъ на перекладной, запряженной пятерикомъ крѣпкихъ, курскихъ лошадей, безъ малѣйшей поклажи, по двѣ и по полторы версты въ часъ. Дорога отъ Перекопа къ Севастополю, усѣянная сотнями затонувшихъ и замерзшихъ въ грязи воловъ и лошадей, извѣстна всѣмъ. Гре-

бенка описаль калоши-корабли, употребляемыя полтавскими чиновниками, для ходьбы на службу. Я видѣлъ лакея, застрявшаго съ блюдомъ соуса между кухней и домомъ, при чемъ, за неимѣніемъ подъ руками досокъ, его и соусъ спасли только тѣмъ, что разломали деревянную ширму въ дѣвичьей и прослали ея половинки отъ крыльца къ утопающему, при толкотнѣ семьи, высыпавшей изъ-за стола. Видѣ несчастныхъ воловъ, везущихъ возы, съ колесами, облѣпленными до того грязью, что имъ нельзя уже катиться, а остается ползти въ видѣ санокъ, раздираетъ сердце.

Вообразите же при этомъ еще неожиданный морозъ съ вѣтромъ, безъ снѣгу. Тутъ дѣлается такъ называемая *ожелѣдица* или гололедица. По исполинскимъ пространствамъ степныхъ дорогъ пробивается единственная колея, нерѣдко въ аршинъ глубиною. Свернуть съ нея нѣтъ возможности; а по бокамъ — либо канава дорожнаго бульвара, либо сплошныя, окаменѣлыя отъ мороза волны разрыхленной грязи. Предоставляю вамъ вообразить встрѣчу на такой дорогѣ: двухъ чумацкихъ обозовъ, возовъ въ полтораста каждый, запоздалыхъ въ странствіи, съ грузомъ пятидесяти и шестидесяти пудъ на возу. Но опытные чумаки принимаютъ мѣры и въ такую пору не ѣдутъ. Чуть, какъ говорится, размокропогодилось на осень, они уже все покончили и сидятъ дома.

Въ сентябрѣ уже на хуторахъ и слободахъ ждутъ чу-

маковъ обратно. Толки бабъ въ это время достигаютъ высшей степени напряженія. Одна говоритъ, что вотъ мужъ прїѣдетъ, должно быть, къ воскресенью, а она смазала на бѣло хату, печь выкрасила красной глиной и синькой разводы подѣлала. Другая толкуетъ, что вѣрно не къ воскресенью, а къ средѣ *наши* будутъ, потому что она во снѣ видѣла, будто шелъ старый Никита, вынулъ рогъ табаку изъ голенища, понюхалъ и сказалъ: «А наши будутъ въ среду». Третья, наконецъ, увѣряетъ, что не въ среду, и не въ воскресенье, а въ понедѣльникъ; потому что въ воскресенье ихъ задержать на Крейдянкѣ; тамъ они будутъ гулять и пить цѣлые сутки. Не въ среду же, потому, что среда постный день, а уже дома надо будетъ всѣмъ разговѣться и водочки выпить. При этомъ не безъ того, чтобы не вспомнить, какъ ее мужъ въ прошломъ году билъ, заставши съ кѣмъ-то въ конопляхъ. «О! да и билъ же меня мужъ; да и билъ же, билъ, билъ! вотъ какъ билъ! что уже ни лечь, ни сѣсть, ни стоять; а послѣ еще пучокъ взялъ...» Иногда общее теченіе толковъ прерывается разсказомъ о какой-нибудь Марусѣ или Найдѣ, дѣвкѣ изъ сосѣдняго села. Несчастная услышала о смерти любимаго парня-чумака въ дорогѣ и повѣсилась въ саду подъ хатой. Наѣхалъ судъ, произвели слѣдствіе, написали и подписали протоколъ, что такая-то повѣсилась, умерла «скоропостижною смертью», по неизвѣстнымъ причинамъ.

И останется о ней память въ однихъ недолговѣчныхъ толкахъ околodka, да можетъ быть какая-нибудь пѣсня сложится о ней и пойдетъ бродить по Украинѣ....

Дожди не умолкаютъ. Сѣрое небо безъ разсвѣта. А вотъ является изморозь. Въ воздухѣ вольнѣе и яснѣе. Зори, какъ брильянтовыя, горятъ на небѣ. Уже близка пора снѣга. Остается запылить дорогу первому снѣгу. Тучи нависли. Изъ каждой готовы уже хлынуть вороха снѣгу. Въ околицѣ показывается послѣдній запоздалый обозъ чумаковъ изъ Крыма. Чумаки отвезли соль въ Кременчугъ, въ Крюковъ-Посадъ и идутъ невеселы. Они не досчитываются любимаго своего товарища, Лазаря Овечки. Лазарь былъ запѣвало и коноводъ всѣхъ гулянокъ и попоекъ; лучше его никто не трудился въ дорогѣ. Ему съ возвращеніемъ готовился выборъ на сходкѣ въ старшины, а тамъ и въ головы. Уже смѣняемый міромъ пройдоха-голова, Артѣмъ Штонда, подговорилъ старшинъ, Греблю и Качана, Перевертня и Поганенькаго, стоитъ на сходкѣ, всѣхъ озираючи и ни на кого не смотря. Уже онѣ обдумалъ все кругло и гладко, что противъ рожна не пойдешь и что надо уступить мѣсто Лазарю. А Лазарь взялъ, да на дорогѣ и умеръ. Привязалась просто лихорадка. Лечить не-кому. Она перешла въ горячку. Въ Рѣшетилонкѣ и схоронили. Пришли чумаки обратно домой. Родное село, какъ призракъ, встаетъ

передъ ними въ туманѣ. Всѣ высыпали имъ на встрѣчу: жены, дѣти, старики, невѣсты, родные и чужіе. «А гдѣ же Лазарь?» — «У Бога!» — Въ толпѣ бабъ поднимается вой. Чумаки также присматриваются: всѣ ли живы изъ домашнихъ. «А гдѣ Оксана?» неровнымъ голосомъ спрашиваетъ Омелько Жгутъ. «Дома, дома, жива!» быстро отвѣчаютъ ему: «только уже другая недѣля не встаетъ съ печи!» — Мало радости! Но спѣшитъ Омелько посмотреть на свою суженую. Сухотка безъ него съѣла дѣвку, и не долго остается ей жить. Черезъ мѣсяць, передъ Филипповками, она и умираетъ. Трогательнъ при этомъ обычай въ Малороссіи...

Если умереть на Украинѣ дѣвушка, помолвленная при жизни, или даже просто, тайно-нареченная невѣстой любимого парня, похороны справляются такъ необыкновенно, что ихъ трудно отличить отъ свадьбы. На хоругви и кресты, всегда выносимые изъ церкви при украинскихъ похоронахъ, мать или родные покойницы навѣшиваютъ все лучшее изъ ея приданаго: ленты, штофныя пояса, мониста и дукаты. Гробъ убирается также кусками холстовъ и тканей, заготовленныхъ на свадебные наряды. Сама покойница ими убирается цвѣтами и одѣвается въ красивѣйшее платье. Молодежь, утѣшая убитого жениха, руководитъ похоронами, несетъ гробъ, засыпаетъ его землей. И самыя поминальныя пѣсни здѣсь смѣ-

шиваются съ свадебными. Дѣвки и бабы поютъ: «Ой, наша Оксаночко, засваталась; съ Омелькомъ обвѣчалася!» исподволь упоминая въ пѣсняхъ все малѣйшіе обряды, совершаемые при свадьбахъ. Нѣтъ силъ вынести этого зрѣлища. Женихъ падаетъ на зарытую могилу, и иногда его замертво уносятъ отсюда.

Осенью довольство въ простомъ быту разлито болѣе, чѣмъ когда либо. Чумакъ, заработавши копѣйку, также не плошаетъ. Вы увидите, на торгу, широкій возъ, на которомъ возсѣдаетъ онъ, приставя баклагу съ водкой къ губамъ, и пьетъ на всемъ раздольѣ, по пословицѣ: «панъ въ огородѣ равень воеводѣ.» Мнѣ рассказывали бѣдственный случай. Два чумака зашибли порядочную сумму извозомъ, нашли подрядчика своего въ Кременчугѣ, сосчитались съ нимъ и получили сполна все деньги за три или четыре года. Съ кисою, полною цѣлковыхъ и ассигнацій, пришли они въ винный погребъ и озадачили прикащика словами: «А ну-те, добродію, дайте намъ *паньскаго вина!*» Родъ вина не былъ указанъ; требовалось просто вино, которое пьютъ паны, господа. Это бы еще ничего. Прикащикъ подалъ имъ лиссабонскаго, потомъ портвейну, а наконецъ шампанскаго. «Дивись, дивись, Митрѣ!» говорилъ одинъ другому: «яка мѣдя, та и пляшки у золоти! Се бѣ то неначе варѣна, а се ще й дзищтыть!» Нализались собесѣдники до потери сознанія. Прикащикъ заперъ двери на засовъ, вытащилъ у нихъ

деньги, запрятавъ подалше, а хозяевъ денегъ — время было подь вечеръ — къ ночи вывезъ на выгонъ и бросилъ. Вообразите отчаяніе бѣдняковъ! Кромѣ пропажи денегъ, въ защиту винопродавца, обличеннаго ими, засадили-было ихъ самихъ въ острогъ. Но бойкое вмѣшательство одного чиновника раскрыло дѣло и прикащикъ былъ уличенъ. «А что?» спрашивали послѣ чумаковъ: «хорошо панское вино?» — «Э! до биса гарне; та шкodu робыть. Якъ утнешь пляшку, довго будешъ чмѣливъ слухати, та ще й москаль проведѣ! А той, *портовинъ* шо прозывается, такъ тилько якъ у ротъ узявъ — увва! тилько тѣло по животу рсеходытця!»

Подь-вечеръ каждая слободка шумить. Вездѣ веселье, огоньки, шумъ, игры. Молодежь собралась, начинаетъ тянуть пѣсни. И не замѣтишь, какъ грянуть первые заморозки и зима выглянетъ изъ-за косогора.

Въ дождливую погоду, въ сѣренькій туманный денѣкъ, запоздалые чумаки не идутъ обозомъ. Въ дождь у вольовъ стираются ярмомъ шеи. У составленныхъ воевъ, подь рогожами или прямо подь возами, чумаки собираются тогда въ кучи и ведутъ всякія росказни. Осенью дозволяется говорить сказки. Лѣтомъ нельзя говорить сказокъ, по повѣрью, что отъ этого падаютъ овцы. Покуривая трубки и лежа на животѣ, чумаки предаются самымъ фантастическимъ толкамъ о старинѣ, домовыхъ, вѣдьмахъ, оборотняхъ и вовкулакахъ. Иной говоритъ,

какъ въ былые дни запорожець-гайдамакъ выѣдетъ на большую дорогу, положить на ней поперегъ свое ружье, а самъ вблизи ляжетъ на коврѣ и курить. Кто ѣдетъ мимо изъ чумаковъ — и давай ему дань солью или деньгами. Такъ цѣлый обозъ, человекъ пятьдесятъ, и платитъ съ каждаго воза. Тогда уже и прійметъ ружье. Опасные были люди и въ страхѣ держали цѣлые караваны.— «Только лежитъ себѣ, да курить, какъ боровъ толстый, и усами моргаетъ. Дядя мой, Охримъ Вайленко, видѣлъ такого гайдамака на дорогѣ, какъ въ Крымъ ходилъ. И что жъ бы вы, братцы, думали? Положилъ среди шляху нагайку и говоритъ: платите подорожное, а то поколочу. И заплатили. А ихъ было душъ двадцать, а онъ одинъ!» Не малую роль въ такихъ бесѣдахъ играютъ еще рассказы о *песьмоловцахъ*, людяхъ съ собачьими головами, которые будто бы въ старину перенимали пути чумакамъ въ Крымъ, хватали ихъ въ кабалу и откармливали орѣхами, да желудями на убой: какъ урѣжутъ палецъ и кровь не течетъ, а капаетъ одинъ жиръ, тогда и рѣжутъ. Тутъ, разумѣется, не безъ того, что въ такихъ бѣдствіяхъ удавалось иному *чумаченькѣ* уйти; тутъ идутъ толки, какъ онъ ушелъ, какъ его полюбила непременно красавица-дочка песьмоловца, какъ они сдружились, стали жить тайкомъ душа въ душу, она стала носить ему подъ полки въ погребъ, не орѣхи на убой, а разживется гдѣ-нибудь русскаго хлѣба, да и отнесетъ;

а тамъ, какъ пришло время отцу его рѣзать, она выпустила его ночью и говоритъ: «Бѣги же ты, христіанская душа, и не поминай меня лихомъ! Намъ уже не свидѣться больше. Только, какъ рожу я дитя и оно будетъ уже большое, то я пришлю его къ тебѣ.» И вотъ, въ самомъ дѣлѣ, разъ сидитъ уже чумакъ дома, лѣтъ пять или десять съ тѣхъ поръ прошло, и забылъ онъ уже про плѣнъ и про песьголовцевъ, вдругъ вечеромъ вылазитъ изъ травы мордочка, съ собачьими ушками и глазами, подходит и говоритъ: «Здравствуй, батько; мать послала меня къ тебѣ. Не убивай меня, а станемъ жить, и я до вѣку буду тебѣ сыномъ....» Холодъ пробѣгаетъ по жиламъ слушателей, сказка разрастается въ болѣе и болѣе причудливые виды. Я иногда по цѣлымъ часамъ засиживался у воза чумаковъ, прислушиваясь къ ихъ бесѣдамъ, въ осенніе дождливые дни. Сказка украинская всегда съ особенною силою привязывала къ себѣ мое вниманіе, и съ-дѣтства я слѣдилъ съ любовью за нею...

Для тѣхъ же изъ васъ, кому любопытно было бы видѣть образецъ народной украинской сказки, въ томъ самомъ видѣ, какъ она выходитъ прямо изъ устъ народа и какъ она въ особенности дорога изыскателямъ народной поэзіи, присоединяю слѣдующую сказку: «*О силачи*», записанную отъ слова до слова съ разказа поселянки и переведенную мною...

Вотъ она:

«Былъ себѣ человѣкъ да жена, а у нихъ два сына и дочка. Пошли сыны въ поле и наказываютъ отцу и матери, чтобъ они съ дочкою имъ обѣдать прислали. Дочка говоритъ: «А я почему знаю, гдѣ вы тамъ въ полѣ будете?» А они говорятъ: «Мы будемъ раки ѣсть, да шелуху кидать по слѣдамъ; такъ насъ по шимъ и найдешь!» Вотъ они поѣхали, да все слѣдомъ шелуху кидаютъ; а тутъ потихоньку чортъ пособиралъ шелуху, да на свою дорогу и поперекидалъ. Дочка пошла по дорогѣ и пришла, чортъ знаетъ куда, до нечистаго! А онъ ее поймалъ и говоритъ: «Будь ты моя жена, а я твой мужъ!»

«Братья ввечеру приѣхали съ поля и стали отцу и матери попрекать, что не прислали обѣдать и что они голодные. А отецъ говоритъ: «Мы послали». А они говорятъ: «А мы и не видѣли; гдѣ же она дѣлась?» Ждали, ждали — иѣтъ. Старшій братъ говоритъ: «Пойду я ее ѣскать.» И пошелъ. Идетъ — а человѣкъ пасетъ овецъ. Онъ сталъ спрашивать: «Не видѣлъ ли ты дѣвки? не шла ли она, или не увели ли ее?» — «Видѣлъ я пане-брате, она шла!» — «Нельзя ли ее найти, да выручить?» — «Можно найти, да нельзя выручить.» — «Отъ чего?» — «Если съѣшь разомъ живаго барана, со всѣмъ съ кожею, такъ выручишь.» — «Миѣ его одному и на цѣлый мѣсяць будетъ!» — И пошелъ отъ него. — Напался онъ на стадника, что скотъ пасъ, да и сталъ тоже спрашивать: «Не видѣлъ ли ты дѣвки, не шла ли она, или не увели ли ее?» — «Видѣлъ,

пане-брате; она шла!» — «Нельзя ли ее найти, да выручить?» — «Можно найти, да нельзя выручить!» — «Отъ чего?» — «Если съѣшь разомъ телушку, такъ выручишь!» — «Мнѣ и на полгода ее будетъ.» — «Ну такъ не выручишь!» — Онъ дальше пошелъ. Напался онъ на табунщика, что коней пасъ, и опять спрашиваетъ: «Не видѣлъ ли ты дѣвки, не шла ли она, или не увели ли ее?» — «Видѣлъ, пане-брате; одна себѣ и пошла!» — «Нельзя ли ее найти, да выручить?» — «Можно найти, да нельзя выручить!» — «Почему?» — «Если перескочишь черезъ двѣнадцать коней, такъ выручишь!» — «Я и черезъ одного не перескочу!» — «Ну, такъ хоть ворочайся домой — не выручишь.» — «Нѣтъ, пойду; что будетъ, то будетъ, а пойду!» — И пошелъ.

Пришелъ онъ къ чорту во дворъ, встрѣчаетъ сестру: «А! здорово, братъ старшій; по волѣ или по неволѣ тебя Богъ принесъ?» — «Казаку-рыцарю нѣтъ неволи; онъ все ходитъ по волѣ!» — «Рада бы я съ тобою пойти погулять, да мужъ у меня лихой!» — «Какъ?» — «Да, у меня мужъ чортъ; я тебя спрячу въ сундукъ!» Она его спрятала въ сундукъ. Прилетѣлъ чортъ-змѣй, сѣлъ на лавкѣ, усъ пригладилъ и говоритъ: «Фу! Русскій запахъ!» — «Нѣтъ, мужъ, ты по Руси леталъ, русскаго запаху набрался!» — Вотъ они посадились вдвоемъ; и стала она ему говорить: «Что, еслибъ мой братъ, а твой шуринъ, да пришелъ бы къ намъ, радъ ли бы ты ему былъ?» — «Э! какъ не

радъ таки? Пили бѣ, да гуляли, да добрыя бы мысли помышляли». — Она пошла въ чуланъ, выпустила брата изъ сундука и повела къ мужу. Братъ стоитъ, а змѣй говоритъ: «А, здорово, шуринъ; подавай-ка, жена, цѣлаго барана съ печи!» — Она подала, сама стала около печи. Змѣй посадилъ шурина и говоритъ: «Ну, пане-шурине, кто напередъ кость обгрызетъ, то тотъ другаго стукнетъ въ лобъ!» — Пока шуринъ управлялся съ одною костью, а чортъ цѣлаго барана съѣлъ и костью все его въ лобъ. — «А теперь, пане-шурине, ты бѣги прямо въ дверь, а я изъ четвертой комнаты побѣгу; кто кого опередитъ до крыльца?» — Шуринъ сказалъ: «хорошо!» и побѣжалъ. — А змѣй изъ окошка выскочилъ и разорвалъ его.

Вотъ такъ и меньшей братъ пошелъ, и съ нимъ все такое же было, что и съ старшимъ; змѣй и его разорвалъ.

Когда змѣй побилъ шуриновъ, далъ приказъ ихъ рубашки мыть. Жена пошла на воду, моетъ кровавыя рубашки и плачетъ; а слеза упала въ воду, съ кровью смѣшалась, поплыла по водѣ и обратилась въ горошину.

Остались старый отецъ съ старою. Растеряли дѣтей; плачутъ. — Пошла старая за водой. Катится по водѣ горошина; старая поймала ее и съѣла. Какъ съѣла, такъ и стала чревата; родила сына, и дали ему имя *Коти-горошекъ*. Растетъ онъ не по годамъ, а по часамъ; вы-

росъ и пошелъ въ чистое поле гулять. Насобиравъ подковъ, ободьевъ и всякаго желѣза принесъ къ отцу и говоритъ: «Иди къ кузнецу и пусть мнѣ изъ этого желѣза семи-пяденную булаву сдѣлаетъ; только не говори: «помогай Богъ!» — Отецъ не послушался, сказалъ и принесъ булаву.

Коти-горошекъ пошелъ въ садъ съ матерью, подбросилъ булаву къ верху, ажъ на семь сутокъ, и наказалъ матери, чтобъ она стерегла: какъ будетъ дождь накрапывать, да вѣтеръ повѣвать, то чтобъ она разбудила; то булава сверху будетъ летѣть... Самъ легъ спать на семь сутокъ, а мать стала стеречь. Вотъ началъ дождь накрапывать, а вѣтеръ повѣвать; стала мать его разбужать: «Вставай, сынку, летитъ булава твоя!» — Сынъ проснулся и наставилъ мизинный палецъ; булава какъ ударила, такъ и разсыпалась на мелкія части.

Коти-горошекъ опять посылаетъ отца, чтобъ изъ этихъ кусочковъ сдѣлалъ кузнецъ другую булаву, и опять наказываетъ, чтобъ не говорилъ: «помогай Богъ!» Отецъ не послушался, сказалъ и принесъ булаву. Коти-горошекъ подбросилъ и ее, подставилъ колѣно и она опять разсыпалась. Онъ въ третій разъ послалъ и наказывалъ не говорить: «помогай Богъ!» — Отецъ пошелъ и не сказалъ. Сынъ подбросилъ булаву и, какъ она летѣла, подставилъ лобъ; она ударилась, да вдругъ опять и улетѣла на семь сутокъ; а какъ вернулась — упала на зем-

лю и ушла до самой рукояти. Тогда онъ выхватилъ ее и говоритъ: «Теперь я знаю, что у меня было два брата и сестра; братьевъ уже нѣтъ на свѣтѣ, а сестра въ неволѣ; пойду я ихъ искать: не найду ли?» — Взялъ булаву и пошелъ.

Встрѣтилъ онъ овчара и спрашиваетъ: «Можно найти сестру?» — Отвѣчаетъ овчарь: «Можно найти, только если съѣшь живаго барана!» — «Вотъ еще, одного! дай мнѣ еще и другаго!» Съѣлъ, только кости остались. Овчарь и говоритъ: «А, бѣсовъ сынъ, изведешь ты нашего хозяина со свѣту!» Пошелъ дальше; встрѣтился со стадникомъ; съѣлъ двухъ телушекъ. Встрѣтился дальше и съ табунщикомъ, и перескочилъ черезъ двадцать четыре лошади Тутъ табунщикъ сказалъ: «А, бѣсовъ сынъ; пропалъ же теперь нашъ хозяинъ!» — Онъ ему: «Молчи, если хочешь живымъ быть; не то и тебѣ будетъ плохо!»

Пришелъ къ змѣю. Сестра встрѣтила: «Здорово, братъ, или кто тебя знаетъ!» Онъ ей: «Положи булаву въ печь, чтобъ она раскалилась!» Она ее положила, а онъ съѣлъ за столъ.

Змѣй прилетѣлъ, ничего не говоритъ, только усъ разглаживаетъ. Жена говоритъ: «Это мой братъ». — Змѣй приказываетъ: «Вынимай, жена, намъ цѣлаго барана!» Она вынула. — «Кто прежде съѣстъ кость, тотъ другаго въ лобъ!» — Змѣй не успѣлъ и одной съѣсть, а Коти-горошекъ съѣлъ цѣлаго барана и все кости въ него по-

бросаль. «Ну, еще, шурина: ты иди въ двери прямо, а я пойду кругомъ, черезъ четыре комнаты: кто прежде на крыльцо выскочить?» — Онъ взялъ булаву и выско-чилъ. — Змѣй уже тамъ, и только-что разинулъ ротъ, а онъ ему горячую булаву въ ротъ, и говоритъ: «Гдѣ мои братья?» — Змѣй показаль, гдѣ они лежали не живые. Онъ змѣя убилъ и пошелъ къ братьямъ. — Летить ворона съ воронятами. Онъ ихъ и поймалъ. Говоритъ воронѣ: «Принеси мнѣ «цѣлючей», «живучей» и «говориучей» воды!» Ворона полетѣла и добыла ему такой воды. Онъ взялъ вороненка, разорвалъ и полилъ его; тотъ сталъ цѣль, ожилъ, закрикаль и полетѣль. Коти-горошекъ тоже и съ братьями сдѣлалъ. Братья встали и говорятъ: «Какъ мы крѣпко спали!» — А онъ: «Заснули бы на вѣки, если бы не я! Пойдемъ въ нашу землю!»

Пошли они съ нимъ и не вѣрятъ, что онъ ихъ братъ. Легли спать; взяли его, привязали къ дубу веревкою, а сами съ сестрою и пошли. Онъ проснулся; повернулся сюда, туда, дубъ зашатался, онъ рванулъ и поволочилъ его съ корнемъ за собою. Пришелъ къ отцу и говоритъ: «Братья вѣры не ймутъ, что я ихъ братъ; вонъ къ какой палкѣ привязали; не пригодится ли кому на возъ, или вытопить печь? Возьмите!»

Вотъ онъ живетъ, живетъ, а дальше и говоритъ: «Пойду я вамъ хлѣба заработаю!» Пошелъ и нанялся у одного попа хлѣбъ молотить. Взялъ семь царъ воловъ

да семь паръ воевъ и пошелъ цѣпъ рубить; вырубилъ, да такой, что и все волю не повезли. Онъ ихъ побилъ, кожи снималъ, за поясъ позатыкалъ; цѣпъ въ руки взялъ и несетъ. А попъ спрашиваетъ: «Что это ты надѣлалъ?» — А онъ: «На что такихъ плохихъ воловъ дали, что и одного цѣпа не свезутъ?» Сдѣлалъ къ цѣпу ремень изъ семи кожъ и сталъ молотить. А попъ говоритъ: «Перемолоти же, если такъ, все двѣнадцать скирды!» Онъ и сталъ молотить; да не по скопамъ, а по цѣлымъ скирдамъ; перемолотилъ, еще и солнце не сѣло, и перевязалъ. И говоритъ: «Ну, панъ-отче, чего не заберу, то твое; а что заберу, то мое!» — Попъ подумалъ и говоритъ: «Хорошо, бери!» Онъ пошелъ по слободѣ, понабиралъ полотень и мѣшковъ; сталъ сшивать все въ одинъ кулъ и накладывать; да, сложивъ весь хлѣбъ, и понесъ. Попъ какъ увидѣлъ, напустилъ на него собакъ; а онъ какъ махнулъ цѣпами, побилъ всехъ и пошелъ себѣ.

«Приходитъ домой, говоритъ: «На-те вамъ хлѣба; будетъ на долго!» Они все стали ямы копать, понасыпали и стали такъ богаты, что не знали, куда и дѣть хлѣба.

«Вотъ онъ опять пожилъ, пожилъ и говоритъ: «Ну, теперь оставайтесь здоровы; нѣтъ мнѣ у васъ мѣры; пойду искать себѣ равныхъ!» И пошелъ. Идетъ и напалъ на двухъ человѣкъ. «А кто вы такіе?» — А они: «Я *Верни-гора*, а я *Верни-дубъ*.» — «Пойдемъ, братцы, вмѣстѣ; я *Коти-горошекъ*, такъ къ вамъ и пристану;

вы мнѣ будете къ парѣ!»—Они пошли, нашли въ лѣсу хату и стали жить. Оставляютъ Верни-дуба въ хатѣ, чтобъ онъ стряпалъ, а сами пошли по лѣсу искать грибовъ. Верни-дубъ только-что разложилъ въ печи огонь, гдѣ ни взялся дѣдъ «съ ноготь, борода съ локоть, семь сажень коса». Какъ хватить Верни-дуба, такъ тотъ и покотился. Дѣдъ содралъ со спины его ремень, ячною трухою набилъ спину и пропалъ. Пришли тѣ и стали попрекать ему, что не управился. «Какъ вы скоро хотите управиться!» говоритъ Верни-дубъ. На другой день оставили Верни-гору, а тѣ пошли по грибы. Гдѣ опять ни взялся «дѣдъ съ ноготь, борода съ локоть, семь сажень коса»—и съ нимъ тоже сдѣлалъ. На третій день оставили Коти-горошка. Сами пошли въ лѣсъ и говорятъ межъ собою: «Что тебѣ, ничего не было?»—«А тебѣ?»—«Вотъ что...»—«Ну, и со мною тоже!»—«Пускай же и онъ, бѣсовъ сынъ, того же попробуетъ!»—Опять приходитъ дѣдъ. Только что зашелестѣлъ, а Коти-горошекъ его за бороду. Раскололъ пень, да его бороду туда и воткнулъ. Дѣдъ рванулся и оставилъ бороду, а самъ и провалился, ажъ на тотъ свѣтъ. Пришли однодомы, а у него все готово; глянули, дѣда нѣтъ, одна борода. Пошли они искать дѣда.

«Приходятъ; ямочка маленькая въ травѣ на тотъ свѣтъ. Коти-горошекъ опустился по ремню, а тѣ стали его дожидаться. Онъ пошелъ по тому свѣту и нашелъ

трехъ дѣвокъ. «Не видѣли ли вы такого-то дѣда?» — «То нашъ отецъ!»—Онъ тутъ убилъ дѣда, а товарищамъ сталъ по ремню подавать дѣвокъ на этотъ свѣтъ. Вытянули первую: красавица!—Верни-гора говоритъ: «Эта моя будетъ!»—Вытянули другую: еще краше! Вытянули третью, такая, что и въ свѣтѣ краше нѣтъ... Они бросили ремень, забрали ихъ, а Коти-горошка такъ и оставили. Онъ ходитъ по тому свѣту. Нашла туча. Онъ на дерево влѣзъ и видитъ гнѣздо. Ворона говоритъ: «Закрой дѣтей, я тебя вынесу!» Закрылъ онъ; туча прошла. Она ему говоритъ: «Приготовь двѣнадцать бочекъ солонины; какъ стану нести тебя, да обернуся, ты давай мнѣ по куску!» Онъ сѣлъ на ея спину и полетѣлъ; все даетъ, все даетъ, да и не стало солонины. «Дай!» говоритъ ворона.— «Нѣту!» — А она: «Дай хоть кроху; малость чего не достаетъ; а то упаду опять назадъ.»—Онъ вырѣзалъ себѣ икру, и далъ. Она вынесла и говоритъ: «Сколько ни ѣла ее, никогда не ѣла такой вкусной!» — Онъ пошелъ искать Верни-гору и Верни-дуба. Нашелъ и говоритъ: «Я пришелъ не мириться, а биться!» Взялъ въ одну руку булаву семипядениую, а въ другую цѣпъ и пошелъ на нихъ. Верни-дубъ съ корнемъ дубъ вырвалъ, да на него; а онъ его и убилъ. Верни-гора цѣлую гору поднялъ, да на него; а онъ подставилъ булаву, гора рассыпалась; онъ и его убилъ.

За ними убилъ женъ, а съ меньшою сталъ жить да поживать.»

...Никогда не забуду я одного вечера. Было это уже въ концѣ сентября. Дождикъ моросиль, какъ изъ сита. Большая херсонская дорога была совершенно пуста. Только въ низенькой, одинокой хатѣ жидовской корчмы видѣлось движеніе. Чумацкій запоздалый въ пути обозъ расположился возлѣ на ночлегѣ. Я тоже вошелъ въ хату за перегородку, гдѣ было чище. — «Оно, конечно, слѣдствія нѣтъ, коли тебя захнутъ въ самые аулы!» говорилъ отставной пѣхотинецъ изъ кавказскихъ рядовыхъ, развалясь тутъ съ котомкою вдоль лавки: «опричь того, что иной разъ живота лишишься!» Его слушалъ егорбленный и совершенно пьяный старичокъ изъ гуртовщиковъ, что видно было по его засаленному полушубку и навѣшаннымъ у пояса потертымъ инструментамъ для леченія скота. Въ главной передней половинѣ хаты сидѣли пріѣхавшіе чумаки... Пѣхотинецъ вскорѣ заснулъ и изъ-за перегородки сталъ слышенъ разговоръ послѣднихъ. День стемнѣлъ. Вѣтеръ срывался сильнѣе и сильнѣе. Дождь хлесталъ въ узенькія окна корчмы. Загнавши воловъ подъ сарай, чумаки внесли навознаго кирпича для топлива, затопили печку и расположились грѣться у огня. Шинкаръ-хозяинъ позволялъ дѣлать все, что угодно; онъ лежалъ въ лихорадкѣ на другой половинѣ

корчмы. Двое изъ чумаковъ, усталые болѣе другихъ, постлали свиты у стола и, почесывая груди и бока, стали въ слухъ молиться на сонъ-грядущій: «Отче нашъ, иже еси!»—«Богородице, дѣво, радуйся!» и «Помилуй мя, Боже!»—Другіе прижались ближе къ огню, подкладывали топлива и долго не ложились спать, толкуя въ поль-голоса. Особенно задорно не умолкали двое изъ нихъ, одинъ должно быть уже не молодой, съ охрипшимъ отъ кашля горломъ, отъ чего голосъ его звучалъ, какъ изъ бочки, а другой тихій и печальный, точно все плакалъ.

— «Эхъ, братцы, эхъ!» говорилъ послѣдній (перевозу его слова): «плохо намъ приходится! Корма дѣроги, водопой жида да москаля снимали на аренду. За соль тоже въ-трое берутъ противъ прежняго. Гдѣ тутъ жить? А главное то, что наѣхали уже комиссіи, шести по степи въ струнку ставятъ, на курганы наѣзжаютъ, да все кругомъ смотрятъ, рѣчки вымѣряютъ, и слышно, что стануть строить, ажъ изъ Харькова къ морю, такую дорогу, что не лошадьми, а огнемъ будутъ ѣздить. Пропали мы!..»

— «Да, видѣлъ я, говорилъ охрипшій чумакъ: видѣлъ, какъ возилъ шерсть въ Москву изъ Кременчуга, эту дорогу.... Наши позвали въ одни такіе ворота высокіе, и показываютъ, говорятъ: что это такое? А оно протянулось возъ къ возу, рядкомъ сажень на сто, а впереди желѣзная печка, какъ конь, и грива, и шея, и ноги, и глаза

какъ бочки, по вечерамъ свѣтятся. Верхомъ на томъ конѣ сидитъ такой рыженькій, въ курточкѣ. Вдругъ закричало оно, заржало — фу-фу-фу-фу! Вотъ какъ будто тебѣ табунъ бѣжитъ, и все подвинулось; да шибче, шибче — не оглянулись, какъ уже и пропало. Проходили мы тутъ возлѣ до вечера; на заводы, да на кузни машинныя все глядѣли. Стоимъ уже въ темнотѣ подъ мостомъ желѣзнымъ; а мостъ шелъ черезъ ярокъ. Вдругъ бѣжитъ машина уже изъ того краю, насупротивъ; дыму, огня, искръ, поломя, по всему небу разсыпала; налетѣла, да поверхъ насъ черезъ мостъ; перескочила, насъ обсыпала искрами — а мы стоимъ, трусимъ; ну, настоящее диво, и не придумаешь, какъ страшно! Да какъ приѣдетъ уже, какъ станетъ высаживать людей — до тысячи человекъ выходило разомъ; а товару, товару, братцы, такая гибель, что насъ чумаковъ — всѣхъ, со всѣхъ концевъ свѣта собрать, такъ я думаю за разъ того не поднимемъ....»

Голоса чумаковъ еще долго раздавались за перего-родкой о чудномъ желѣзномъ пути. То молодой печальный голосъ смѣнялъ стараго; то охрипшій басъ вторилъ ему. Шли при этомъ и обычные толки о томъ же горестномъ, будничномъ житьѣ-бытьѣ, о невзгодахъ отъ недоимокъ, о падежахъ скота, о трудностяхъ промысла, о бѣдныхъ волахъ, голодающихъ иной разъ безъ корма, въ обожженныхъ солнцемъ степяхъ, и о томъ, что и теперь имъ,

почитай, приходилось съ пустыми руками — съ однимъ «*батожкѣмъ*» — «*торохтія везти*» домой.

— Такъ какъ-же, спрашивали остальные: тогда уже чумаковъ, значитъ, такъ-таки и не будетъ?

— Такъ-таки и не будетъ! отвѣчалъ тихій, печальный голосъ молодаго рассказчика.

— Отчего же не будетъ?

— Оттого, что какъ ляжетъ эта дорога, какъ затопятъ ту печку, да попалятъ на нее всѣ, какія ни на есть, лѣса по Донцу и по Днѣпру, то станетъ видно поломя ажъ въ Кіевѣ, и намъ уже съ нею не поспорить. Станемъ всѣ старцами, а воловъ продадимъ на гурты...

Черезъ часъ замолкли голоса за перегородкой. Я всталъ и выглянулъ за дверь. Печь едва мерцала красноватымъ огонькомъ. Чумаки спали, расположившись въ безпорядкѣ, у печки и по полу, вдоль лавокъ и стола. Приподнятые локти, колѣни и головы, приткнувшіеся къ груди и животу сосѣдей, освѣщались отблескомъ изъ печки. На дворѣ уже окончательно стемнѣло. Дождь безъ вѣтру барабанилъ въ окна и стѣны, какъ усердный барабанщикъ. Собака выла въ какой-то клѣтушкѣ, за дворомъ. Я еще разъ взглянулъ на чумаковъ, стараясь угадать среди нихъ давишихъ рассказчиковъ. Всѣ спали. Вѣроятно, сонъ cadaго изъ нихъ въ эту пору былъ одинъ и тотъ-же. Они видѣли огненное чудовище, летящее съ громомъ и стукомъ по степи, еще недавно несмятой ногой человѣка,

чудовища, которому суждено въ нашъ вѣкъ, оставя по пути своемъ зачатки новой жизни, новыхъ городовъ, фабрикъ и заводовъ, стерѣть своею желѣзною, неумолимою стопой все отжившее, хотя и живописное, все дикое и неумѣстное въ наши дни, хотя привлекательное и полное поэзи, въ томъ числѣ и нашихъ украинскихъ чумаковъ...

XI.

БЫЛОЕ И НОВОЕ.

Тетушка моя, Анисья Еремѣвна Магденко, говорила какъ-то, что прежде бывало выѣдетъ землемѣръ и говорить:

— Хотите, матушка, я вамъ землицы отрѣжу *чужой*, а вы мнѣ заплатите?

— Съ радостью, батюшка, отрѣжьте!

— Сколько же вамъ нужно?

— Да десятинокъ двѣсти, у сосѣда Бакланова, хорошо бы прихватить! Пустоши отличныя, какъ-разъ вонъ за рѣкой, съ моими смежны; конопля и просо отлично родятъ!

— А какъ благодарность будетъ?! Я меньше ста рублей не возьму. Нужно въ губерніи заплатить, чтобъ бумагу и указъ мнѣ написали рѣзать!

— Съ удовольствіемъ, батюшка, съ удовольствіемъ!

Вотъ и скажетъ землемѣръ въ чертежной, что такая-

то помѣщица просить выслать межевщика, отрѣзать у сосѣда купленную землю. Ну, присутствіе и высылаетъ съ бумагою, за должною скрѣпою. Выѣзжаетъ господинъ. Сосѣда, какъ нарочно, дома нѣтъ. Показываетъ бумагу, гдѣ предписывается произвести должное отмежеваніе. Староста сосѣдскій ничего не понимаетъ. Выводятъ съ обѣихъ сторонъ понятыхъ. Ставятъ вѣхи, астролябію, ведутъ черту по самой цѣлинѣ, по чертѣ проводятъ плугомъ приличную борозду, роютъ ямы и ставятъ столбы. Землемѣръ даже ловкія мѣры принимаетъ, чтобъ и потомство не забыло о его межахъ, а у самыхъ ямъ сводитъ толпу деревенскихъ ребятишекъ и сѣчетъ ихъ, чтобъ, когда даже «прежніе парнишки станутъ бородаты» и тогда бы памятно имъ было, что тамъ-то шли они съ образами, а тамъ-то еще имъ задали припарку. Кончаетъ дѣло землемѣръ, какъ слѣдуетъ, и говоритъ барынѣ: «Ну-съ, земля ваша! Теперь благодарность!» И увозитъ, кромѣ ста рублей, полотна еще, мотковъ, грибковъ, варенья, наливки и всякой рухляди. Ликуетъ барыня. Разумѣется, сосѣдъ возвращается, видитъ какъ-разъ на сѣнокосной степи свѣжія борозды и межевые столбы.

—Это что такое?

Староста говоритъ:

—Наѣхалъ землемѣръ и отрѣзалъ такой-то Анисѣвъ Еремѣевнѣ!

—Быть не можетъ! По какому праву?

Летить въ судъ. Судъ, разумѣется, предписываетъ барынѣ отдать неправедно отнятую землю; столбы выбрасываются, межи и ямы сравниваются. Все забывается. Землемѣръ ликуетъ. Барынѣ не тягаться же съ нимъ. Да и уликъ на лицо нѣтъ. Межевщики-де не отвѣчаютъ за землевладѣльцевъ и рѣжутъ, что попросятъ ихъ размежевать. И остается только въ памяти ребятишекъ, что тогда-то, дѣйствительно ихъ высѣкли. — Былъ одинъ такой землемѣръ, еще маленькій, да худенькій, невзрачный, а поди, какая птица, что изъ одного уѣзда такимъ образомъ вывезъ четыре тысячи на ассигнаціи. Все у сосѣдей сосѣдямъ отрѣзывалъ поля, а дворяне были на ярмаркѣ — безъ себя и поручали благодѣтелю расправляться. Да еще какой это былъ проноза! Нужно бывало отклонить въ рощѣ или столѣтнемъ бору линію отъ астры до яблони въ сторону; онъ взберется на дерево, зацѣпится за вѣтку вверхъ ногами, повиснетъ и начнетъ кричать не своимъ голосомъ. Ну, мужичье, понятые и разбѣгутся отъ страху. А ему этого и нужно. Сдѣлаетъ свое дѣло да ихъ же еще и срамитъ.

— У меня, говоритъ, животъ заболѣлъ. Я такъ всегда летусь! А вы чего разбѣжались?...

Теперь, конечно, люди стали умнѣе. А жить нужно. Ну, и берутъ другими путями. И всякъ это знаетъ. Думали у насъ сначала, что кончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не будутъ брать. А оказалось иначе.

— Я, говоритъ, девятымъ классомъ выпущенъ. Мнѣ нужно и выпить, и поѣсть, и перчатки тоже нужны. А жалованья сколько?

Всѣ мы, оказывается, немного капитаны Копейкины! Какъ-то одинъ разъ, въ нашей губерніи, студентъ изъ старыхъ московскихъ студентовъ, уже дряхлый и раззорившійся баринъ, пріѣхалъ по дѣлу о продажѣ имѣнія, узналъ, что надсмотрщикъ изъ университетскихъ и совѣстился дать ему благодарность. Смотрить, а дѣло не подвигается. Что за навожденіе! Спросилъ.

— Те-те-те! запѣлъ ему помощникъ, изъ канцелярскихъ дѣтей: да вы дайте ему фіолетовую, и дѣло съ концомъ!

Сгорѣлъ старикъ со стыда, вспомнивши Мерзлякова, Карамзина и весь класическій идеальный міръ прежняго храма науки; а дѣлать нечего, вынулъ изъ старенькаго платочка единственную фіолетовую и подалъ надсмотрщику, между листами дополнительныхъ справокъ. Въ тотъ же день дѣло было подписано. Не вытерпѣлъ старикъ, и блѣдный, едва удерживая дыханіе, свертывая дрожащими руками дѣло, на дому у надсмотрщика, сказалъ ему:

— Многолько изволили взять!

Тотъ вспыхнулъ и вскочилъ:

— Милостивый государь, извольте идти вонъ! Вы забываетесь, милостивый государь! вонъ!

Едва выскочилъ на крыльцо потерянный старикашка. — Ишь ты, разсуждалъ онъ: — прежде, бывало, дашь подъячему, да съ нимъ же еще и выпьешь. А тутъ!...

И онъ махнулъ рукой. — Да и винить ли вполне чиновника? Мѣсто изстари доходное, такъ уже принято, и держится на откупу. Долго до него надо дослужиться. А въ губерніяхъ при томъ-же все такъ непомѣрно вздорожало: четверть ржи прежде стоила два съ половиной ассигнаціями, а теперь шесть съ половиной серебромъ, индѣйка цѣлковый, фракъ сорокъ пять рублей серебромъ. Тяжелое время!

Кто же не беретъ? Люди-призраки, люди-идеалисты, люди-либералы, которыхъ еще вчера называли безпокойными, и наконецъ особенно-склеенныя природы. Вѣдь бываютъ же такіе антики, плезіозаурусы и мамонты нашей общественной фауны... Нынче «новымъ вѣетъ» у насъ...

Былъ я какъ-то на сельской богатой ярамкѣ, и показали мнѣ тамъ помѣщика, по прозвищу — *Криничка*. Тутъ кроется острота. Видите ли, какъ вода въ криничкѣ, (степномъ ключѣ), чиста, такъ-де и поведеніе этого господина было чисто и непорочно. У него даже составился особаго рода «норовъ чести», какъ бываетъ у русскихъ людей «норовъ *правды-матки*», «норовъ усердія», «норовъ чистоплотности» и «норовъ кутежа». Онъ не иначе при этомъ ужъ, разумѣется, ходилъ, какъ въ

какомъ-то засаленомъ сюртучишкѣ, шалоновыхъ брючкахъ, всунутыхъ въ сапоги, въ нанковомъ жилетѣ, грязныхъ рубашкахъ изъ домашняго холста, нечесаный, со изъерошенной головой, ѣлъ гадко, пилъ простую очищенную, а имѣлъ три тысячи десятинъ земли, и вездѣ и каждому соваль подъ носъ любимую поговорку:

— Па-алюби, бра-атець, насъ въ чернѣ, а въ бѣлѣ насъ вся-акой полюбить!

Проводилъ онъ время, разматывая съ утра до ночи мотки пряжи и вывязывая тенета и перепелиныя сѣти. Носилъ, на тоненькихъ ножкахъ, отвислое брюшко, и нюхалъ табакъ изъ лубковой тавлинки. Дѣйствительно, по общему говору, онъ не бралъ на службѣ взятокъ, служба по выборамъ, и въ расчетахъ былъ честенъ. Съ любопытствомъ я приглядывался къ нему на ярмаркѣ, гдѣ онъ ходилъ, какъ падишахъ, и всѣ ему шапки снимали. Да что же изъ этого? Черезъ полгода, когда я уже съ нимъ познакомился, послалъ этотъ Криничка шерсть со своихъ овецъ на ярмарку, не въ свой, а въ сосѣдній городъ, продавать, слышавъ, что тамъ лучшая будетъ цѣна. И что же вы думаете, для чего онъ при шерсти послалъ не писаря своего, всегда продававашаго шерсть, а старосту? Онъ хотѣлъ наградить старосту.

— Шерсть-де продается, положимъ, по пятнадцати цѣлковыхъ пудъ, а онъ покажетъ, положимъ, по четыр-

надцати рублей по восьмидесяти пяти копѣекъ серебромъ. Ну, сто цѣлковыхъ въ карманѣ и будетъ безгрѣшныхъ барышей! Выторговалъ! Нельзя-же, надо и ему дать почувствовать сладость и утѣхи тепленькаго, доходнаго мѣстечка! Пусть-де поправится, оперится!

Вотъ и честный, не берущій взятку человѣкъ. Самъ не беретъ, да допускаетъ возможность арендаторства тамъ, гдѣ одна тѣнь неправды уже бросаетъ порчу въ самый корень званія и мѣста, хотя бы это мѣсто было не болѣе, какъ санъ сельскаго старосты.

Разскажу вамъ о Хивинцѣ Эскеръ-Агѣ, или иначе о русскомъ поручикѣ Эскеровѣ, приѣмномъ сынѣ помѣщика Чебардина. Сидѣлъ я однажды у пріятеля моего, землемѣра губернскаго, Щуковича, въ то время, какъ онъ еще не затѣвалъ печальнаго дѣла съ парикмахеромъ, мосье Исидоромъ, но уже, подь обузою губернскихъ пріятностей, говаривалъ:

— Боже Господи! Когда-то я буду имѣть возможность купить десятины двѣ лѣсу, въ лѣсу выстроить домикъ, и обнести его частоколомъ, сажень на сто во всѣ стороны, чтобъ погрузиться, въ тишинѣ, въ созерцаніе собственнаго достоинства, а калитку запереть ото-всѣхъ на замокъ и на цѣпь! Кто прійдетъ, даже въ двери не стукнетъ, не заглянетъ въ окно, а прежде повозится у калитки. Вотъ, провести бы этакъ годика два жизни, не видя и не слыша никого. Много бы хорошихъ вещей на-

думалось... Не даромъ присяжныхъ въ Англіи запираютъ въ отдѣльную комнату и морятъ голодомъ, пока тѣ не рѣшатъ, въ присѣсть, извѣстнаго дѣла единогласно. А тутъ отписывайся! Ничего и нейдетъ въ голову!

Зашла какъ-то рѣчь о честности.

— Видѣли вы, спросилъ онъ, вчера господина Эскерова у меня?

— Нѣтъ.

— Жалко-же! Вотъ субъектъ, мимо могилы котораго я никогда не пройду съ покрытою головою. Сущій гость эдема!

— А что?

— Да не полюбятъ его у насъ развѣ одинъ барыни; обидятся, что всегда безъ перчатокъ ходитъ и не танцуетъ польки. Вонъ, вчера, мадамъ окружная при мужѣ, нарочно въ-пику ревнивому супругу, объявила при всѣхъ съ утонченною развязностію: — «Я, Свищевъ и козелъ всегда вмѣстѣ!» А Свищевъ ея любовникъ. Вотъ и поди ты съ нашею развязностію. И мужъ стерпѣлъ; только улыбнулся и поцѣловалъ еще ей ручку. Эдакая, разумѣется, Эскерова не полюбить!

— Однако, вотъ въ чемъ дѣло: покойный свитскій полковникъ Чебардинъ, пріемный отецъ Эскерова, дѣлалъ одинъ разъ съемку береговъ Каспійскаго-Моря и выса-дился съ небольшимъ конвоемъ на песчаную косу Хи-

винскаго-Залива. Пока онъ курилъ отличную гаванскую сигару и дѣлалъ свои наблюденія, три всадника, должно быть странники, показались на ближнемъ пригоркѣ. Они повидимому ѣхали мимо. Конвой офицера былъ въ шлюбокѣ, куда и онъ уже готовился воротиться, но еще uklонился въ сторону. Вдругъ всадники гикнули, кинулись на него, схватили его на сѣдло и умчали. Наши солдаты выпалили по нимъ изъ винтовокъ и пистолетовъ, но понапрасну. Хивинцы скоро умчали Чебардина изъ виду. Дорогою онъ быстро понялъ свое отчаянное положеніе, но сохранилъ присутствіе духа. Какъ это онъ оплошалъ, было ему самому непостижимо! Три хищныя рожи торчали передъ нимъ, только махая на востокъ: «туда-де-скачь тебя запропащимъ.» Вскорѣ на дорогѣ, за холмомъ въ оврагѣ, къ нимъ пристали еще двое, старикъ и мальчикъ, очевидно наблюдавшіе за ними издали. Лицо мальчика болѣзненно дрогнуло при видѣ скрученныхъ толстымъ ремнемъ бѣлыхъ рукъ и ногъ всадника, помѣщеннаго какъ-то въ стоячемъ положеніи между двухъ сѣделъ. Цѣлый день, пока хищники ѣхали по степи, глаза мальчика съ жалостію обращались то на русскаго, то на его похитителей. Это незримое участіе возрасло до невѣроятной степени и четырнадцати лѣтній хивинецъ сталъ видѣть въ Чебардинѣ чуть не полубога, когда на первомъ же ночлегѣ офицеру освободили руки, онъ вынулъ изъ кармана карандашъ и на доскѣ, поданной деревян-

ной миски набросалъ удивительно-схожій портретъ дикаренка. Тутъ же они кое-какъ объяснились (Чебардинъ говорилъ не много по персидски) и назвались братьями. Въ ближнемъ городкѣ слухъ о знатномъ плѣнникѣ уже разнесся далеко. Густыя полковничьи эполеты, самый видъ статнаго и полного Чебардина и его кабалистическія занятія на берегу, съ магнитной стрѣлкой и зрительной трубой, заставили принять его чуть не за намѣстника Кавказа. Городскія власти тотчасъ взяли его на свое попеченіе, думая особенно имъ угодить хивинскому хану, снарядили караванъ изъ верблюдовъ, пѣшихъ и всадниковъ, и отправили его далѣе. Сочувствіе маленькаго Эскера не ускользнуло отъ первыхъ хищниковъ, ставшихъ въ главѣ торжественнаго отряда, и они сказали объ этомъ городскимъ властямъ. Безъ дальнихъ околичностей, власти закатали мальчику, не смотря на его княжескій титулъ, сто палокъ по пятамъ и запретили ему шествовать при отрядѣ. О! тогда мечь закипѣла въ груди его. Схвативши миску, съ нарисованнымъ на ней собственнымъ своимъ портретомъ, онъ сѣлъ на коня и въ двое сутокъ слеталъ въ свой родимый околотокъ, гдѣ онъ съ другими братьями былъ въ числѣ владѣтельныхъ князьковъ. Прискакалъ, сталъ бить себя въ грудь, рвать на себѣ волосы и съ пѣною у рта клясться и божиться, что надо отнять у такихъ-то такого-то плѣнника, что этотъ плѣнникъ стѣдитъ большаго выкупа, что царь

русскій не пожалѣеть за него ничего, что онъ такъ-то и вотъ такъ-то рисуеть. Миска пошла по рукамъ. Дикари забормотали гортанныя рѣчи, кинжалы сверкнули и пятнадцать улусовъ возмутились и поднялись на ноги. Мигомъ составлена вооруженная погоня, караванъ догнанъ и разбитъ. Братья и родичи мстили еще за оскорбленіе родной крови, за наказаніе Эскера. Чебардинъ перешелъ въ полчаса изъ рукъ въ руки — и хивинцы пошли во свояси, ведя вмѣстѣ отнятыхъ верблюдовъ. Тутъ, выждавши на пути случай и время, Эскеръ-Ага ночью пришелъ къ Чебардину и, подавая ему кинжалъ, сказалъ по персидски:

— Братъ! возьми этотъ кинжалъ и заколи меня! Я не могу вести тебя въ неволю и торговать твоею свободою, а безъ тебя братья меня зарѣжутъ, какъ барана! Лучше ты меня убей и бѣги...

Чебардинъ сталъ его уговаривать.

— Полно, полно, Эскеръ! убѣжимъ вмѣстѣ! Я тебѣ дамъ въ Россіи денегъ и ты будешь жить со мною.

— Денегъ? нѣтъ! Эскеръ-Ага такой же князь, какъ и ты, и у него всего вдоволь, земли, скота, овецъ и садовъ! Денегъ я не возьму, и не поѣду съ тобою: ты меня сдѣлаешь своимъ рабомъ...

Чебардину не мало стоило труда переубѣдить Эскера. Онъ поклялся, что никогда не обидитъ его предложеніемъ денегъ, будетъ считать его равнымъ себѣ и самому

царю о немъ скажетъ. Эскеръ-Ага согласился, выбралъ у братьевъ лучшихъ двухъ коней, скинулъ съ себя нарядный чекмень и все лучшее, изрѣзалъ это кинжаломъ, чтобъ не показать, что беретъ что-нибудь лишнее, остался въ простомъ исподнемъ кафтанѣ, и бѣжалъ съ Чебардинымъ. — Послѣ мучительной дороги, на второй день они, верхомъ и пѣшкомъ, достигли наконецъ нашего передоваго поста. Чебардинъ, освобожденный такъ романически изъ плѣна, дѣйствительно сдержалъ слово. Эскеръ-Ага получилъ имя Эскерова и русское дворянство... Грудь его украсилась серебряною медалью *за спасеніе*... Чебардина, который его усыновилъ, Эскеровъ такъ любилъ, что однажды, когда тотъ отлучился по службѣ въ дальнюю командировку, а Эскера оставилъ дома полнымъ хозяиномъ, онъ чуть не уморилъ себя голодомъ. Послѣ шести или семи лѣтъ упорной школы, новый пересаженный цвѣтокъ, наконецъ немного освоился съ мѣстностью, принялъ лоскъ русской жизни, былъ записанъ въ полкъ, говорилъ уже по-русски, хотя во всемъ еще сохранилъ черты огненнаго дикаря, и былъ произведенъ въ поручики. Одна бѣда: Чебардинъ вскорѣ умеръ, но, оставя названному сыну дворянство, не догадался оставить ему ни копѣйки наслѣдства, хотя самъ былъ значительно богатъ... Говорятъ, просто позабылъ составить духовную!! А настоящіе наслѣдники, разумѣется обошли хивинца, пользуясь буквальнымъ смысломъ за-

кона о родовомъ имѣніи. Но и тутъ прямодушный, честный хивинецъ не свихнулся и ни однимъ словомъ не намекнулъ, что скорбитъ и жалѣеть объ оставленной имъ въ Хивѣ роднѣ, княжескихъ почестяхъ, стадахъ, земляхъ, садахъ и родичахъ, проклявшихъ его за измѣну во имя дружбы.

— Мой атэцъ, Чебърдынъ, любилъ меня. Мой очень любилъ ево! Э! фай! О другихъ я не думайтъ! говорилъ онъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ сообщенной мнѣ Щуковичемъ біографіи Эскерова, я опять заѣхалъ къ первому.

— Да! сказалъ онъ послѣ перваго привѣтствія: помните мой рассказъ о хивинцѣ?

— Помню. Что же?

— А вотъ что, вообразите. На дняхъ онъ отчисленъ былъ изъ полка въ сосѣдній городъ для приѣмки рекрутъ. Ну, а вы знаете, что такое приѣмка рекрутъ?.. Сидитъ онъ за столомъ у станка, крутитъ усы, держится за шашку, да топырщитъ бѣлки на сдатчиковъ и на рекрутъ. Воетъ баба и ругается.

— Лобъ! кричитъ главный приѣмщикъ.

— Какъ лобъ? какъ лобъ? кричитъ баба: — онъ однимъ окомъ плохо видитъ!

Происходитъ замѣшательство. Баба воетъ. Медикъ показываетъ, что ничего не замѣчаетъ, и что-то пишетъ у двери.

— Коли такъ, кричитъ баба, рванувшись къ при-

еутственному столу: такъ пусть же лекаръ отдастъ мнѣ назадъ пять золотыхъ; онъ взялъ у меня, видитъ Богъ, взялъ!

Кровь застучала въ вискахъ Эскерова; губы его сперва побѣлѣли, потомъ посинѣли. Онъ всталъ....

— Какъ лекаръ взялъ? спросилъ онъ, шатаясь и неровно идя по комнатѣ.

Лекаръ, худенькій золотушный человѣчекъ, въ зеленомъ вицмундирчикѣ и въ очкахъ, застегнутый на все пуговицы и скромно заложа руку за лацканъ, стоялъ между-тѣмъ у двери

— Ты кто? спросилъ Эскеровъ у бабы: мужъ есть, али ты вдова?

— Вдова, батюшка, вдова: пятеро дѣтей и все дочки; а это одинъ мой сынокъ!

Эскеровъ глянулъ изъ-подлобья по комнатѣ и, казалось, уже не видя ничего, подошелъ къ лекарю.

— Вынимай деньги сейчасъ при всѣхъ! Слышишь ли? сказалъ онъ ему громко, стискивая рукоятку шашки и бѣшено вращая налитыми кровью зрачками.

— Какъ-съ? что-съ? забормоталъ лекаръ, шурясь и ёрзая у двери.

— Отдавай! крикнулъ Эскеровъ, уже съ такимъ зловѣщимъ выраженіемъ лица, что лекаръ вытянулъ только къ нему побагровѣвшій носикъ и замолчалъ: — прильпе

языкъ къ гортани! Червонцы сами собою какъ-то при этомъ достала изъ праваго кармана сѣрыхъ брючекъ, правая же рука и протянула ихъ къ Эскерову...

— На твои дѣнга!—сказалъ Эскеровъ вдовѣ и въ то же мгновеніе, шагнувши мимо присутственнаго стола, рванулъ доктора съ полу и вышвырнулъ его за окно... Одни золотые очки зазвенѣли по полу...

— Благо, что оно не было высоко! замѣчали, толкуя про этотъ казусъ, мѣстные чиновники.

Лекарь отдѣлался небольшимъ ушибомъ, а приемка рекрутъ пошла болѣе честнымъ путемъ.

Разсказъ объ этомъ сообщенъ былъ Щуковичемъ въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ гостей, гдѣ были и дамы.

— Да! герой для повѣсти! Ужъ мосье Щуковичъ всегда такую любопытную исторію сообщитъ! говорили дамы.

— Нѣтъ, это понятно... понятнацѣль разсказа! возразилъ, горячася съ каждымъ словомъ, сухой и ѣдкій чиновникъ изъ уголовной палаты: только предметъ не достигнуть! Что же вы хотите, милостивый государь, сказать? Что если кто не беретъ у насъ взятокъ, такъ только выходцы, люди подобные Эскерову, дикари, первобытныя натуры, бросающія родину, домашній почетъ и братьевъ за слово другъ? Сущій вздоръ, милостивый государь, сущій вздоръ! Наше время ушло впередъ, ушло-съ! Да! А вы умалчиваете, умалчиваете! Есть уже люди съ

образованіемъ, совѣтью, вкусомъ и сознаниемъ долга! Вонъ, нашъ Трембицкій писалъ и другіе тоже писали! Да... есть люди, не берущіе взятокъ, есть; а это либерализмъ, пустословіе. Разскажу вамъ о Карпѣ Семенычѣ Мокроболотовѣ...»

Но увы! Краснорѣчивый защитникъ Карпа Семеныча Мокроболотова началъ службу съ рублемъ, а теперь — не угодно ли справиться? Имѣеть на имя жены два дома и строить свѣчную фабрику, на краю города... Пройдетъ еще пять лѣтъ; онъ будетъ покровителемъ и сподвижникомъ дѣла цивилизаціи. И прошу покорно тогда заговорить ему о взяткахъ. Одна изъ роскошнѣйшихъ розъ нашего околотка, онъ назоветъ скромную быль о хивинцѣ Эскеровѣ журнальной дребеденью и скажетъ: — «Молодежь, молодежь! шумить, пока перебѣсится. Эхъ, вы умники, умники! Россіи вы мало знаете! А узнаете, не будете такъ горячо довѣрять всякимъ вздорнымъ толкамъ... Словомъ знакомые мысли...

ХП.

ИЗЮМСКІЯ ВЕЧЕРНИЦЫ.

(Изъ святочныхъ разсказовъ простонародія.)

— «Не такъ страшенъ чортъ,
какъ его малюють.»

Поговорка.

...Шелъ Явтухъ Шаповаленко по отдаленному изюмскому переулку, заглядывая во все окна и затрогивая всехъ прохожихъ. Шелъ онъ уже поздно на зарѣ, на вечерницы, которыя справлялись на двухъ-грошевую складчину молодежи ближней слободки, въ лѣсу на водяной мельницѣ, и потому-то онъ расфрантился въ пухъ и въ прахъ. Синіе нанковые шаравары, только-что купленные на торгу, были туго-на-туго перетянуты ремнемъ, съ висящими на немъ гребенкой, коротенькой трубочкой и двумя алыми, гдѣ-то подхваченными лентами; и отъ этого станъ лихаго парня гнулся, какъ тонкая былинка, отъ вѣтра. Концы шараваръ были засунуты въ высокіе,

съ желѣзными подковами сапоги. Поверхъ бѣлой рубахи, съ синимъ и краснымъ шитьемъ у воротника, на плечи молодецки была накинута сѣрая, съ черными сердечками на поясѣ, свѣтка, а на волосы была надвинута высокая, съ синимъ суконнымъ верхомъ, барашковая шапка. Въ лѣвомъ ухѣ его болталась, еще въ младенчествѣ привѣшенная серьга, а изъ кармана шараваръ выглядывалъ конецъ желтаго съ разводами платка. И шелъ онъ, предаваясь всякимъ потѣхамъ. То просунетъ голову въ узенькое окошко подслѣповатой бабы-вдовы и надъ самымъ ея ухомъ крикнетъ: «А-гу!» То совершенно неожиданно, передъ домомъ волостнаго писаря, начнетъ на рукахъ и ногахъ кататься колесомъ, и роняетъ по пыльной дорожке то трубку, то платокъ, то лоскутчатый кисетъ съ табакомъ, то цѣлую дорожку пятаконъ; то погонится за толпою разряженныхъ дѣвокъ, и онѣ разбѣгаются отъ него съ визгами и криками, какъ стая воробьевъ отъ налетѣвшаго ястреба.... То наконецъ, увидя двухъ столѣтнихъ стариковъ, братьевъ Сливяшныхъ, съ громкимъ крикомъ «*Ходилъ гарбузъ по городу!*» пускается отплясывать передъ ними въ присядку. Сапоги его звенятъ подковками, выбивая лихой танецъ. Густая пыль летитъ столбомъ, и въ ея облакѣ мелькаетъ, по временамъ то баранья шапка, то складка шараваръ, то усы его. Съ громомъ летитъ мимо разбитая таратайка лиманскаго церковнаго старосты, и послѣдній, поднявъ съ подушекъ

изумленное лицо, смотритъ и, съ просонковъ не понимая, что передъ нимъ дѣлается, летитъ далѣе и исчезаетъ въ концѣ улицы. — «Молодецъ!» говоритъ въ одно слово ватага парней, идя мимо плясуна. «Молодецъ Явтухъ! Молодецъ гуляка Шаповаленко!» — И Явтухъ понимаетъ, что онъ точно молодецъ, потому-что наконецъ и головы столѣтнихъ братьевъ Сливяшныхъ поднимаются предъ нимъ, и устремляются на него глаза тѣхъ людей, которые уже третій десятокъ лѣтъ, съ утра до ночи сидятъ, какъ могильные камни, у воротъ своихъ, и смотрятъ въ землю, не поднимая головы ни передъ чѣмъ на свѣтѣ. — «Любо жить на свѣтѣ! Вотъ какъ любо!» думаетъ между — тѣмъ Явтухъ, минуя околицу и огородами пробираясь къ лѣсу. Тряхнулъ онъ волосами, надвинулъ шапку, подтянулъ туже поясъ и глянулъ на ясное звѣздное небо.... Звѣзды дрожатъ и будто колыхнутся, точно огоньки воздушныхъ свѣчекъ. Но вотъ изъ-за лѣса пронеслась волна чуть слышныхъ звуковъ далекой говоръ и смѣхъ. Хата мельника скоро выглянетъ изъ чащи деревьевъ. А тамъ веселье, шумъ, толкотня, и среди всего этого красавица Найда, дочка мельника.... — «Что за краля эта Найда!» думаетъ Явтухъ, пробираясь песками и пажитями и перескакивая то черезъ камышъ, то черезъ ровъ, обросшій осокой. «Была не была! — скажу сегодня всѣмъ, что Найда моя невѣста и что я женюсь на ней! Посмотрю тогда, какъ заарта-

чится старый мельникъ!» И, разведя кусты, онъ смѣло вошелъ въ лѣсъ. Темнота и мертвая тишина кругомъ. Ни соловей, ни филинъ не оглашаютъ лѣса. Между деревьями, на мѣсяцѣ, сверкнуло болото; черезъ него, по мосточку изъ вѣтвей и бревенъ, лежитъ дорога.... Подойдя къ болоту, Явтухъ бодро ступилъ на мостъ, размахивая длинною хворостиною и расточая разныя замѣчанія не счетъ трудолюбія людскаго. «Эка народъ эти Изюмцы! пять лѣтъ копались по поясъ въ водѣ, и выстроили такой мостъ, прости Господи, что и съ нечистымъ не разминувешься; а уже куда не объемистъ этотъ вражій сынъ!...»

И вдругъ, видитъ онъ, какъ разъ на срединѣ мостика, усѣлось что-то маленькое, худенькое, чорненькое и мохнатое. Явтухъ къ нему, а оно сидитъ, и только зеленые, узенькіе глазки его дрожатъ и сверкаютъ. Явтухъ закричалъ: «Брысь!» а оно и ухомъ не ведетъ, и только виляетъ чернымъ и длиннымъ, какъ у собаки, хвостикомъ. «Э-ге! дѣло не доброе! только упомянулъ нечистаго, а уже онъ и подвернулся! Пстой же ты, іродова душа; я же тебѣ покажу, какъ вашего брата учать!»

Быстро подошелъ онъ и со всего размаха хлынулъ его длинною хворостиною. Завизжалъ, залаялъ бѣсъ, какъ собака, и кинулся подъ ноги парня. Явтухъ пошатнулся, скользнулъ съ мостика и со всего размаха полетѣлъ внизъ усами, въ болото...

— «Вотъ вода, такъ вода, да и холодная какая!» замѣтилъ онъ, выкупавшись въ лужѣ и опять взбираясь на тощія бревна. Съ шараваръ его, съ рубахи и съ усовъ текло, какъ съ крыши во время дождя. «Эхъ-ма! прибавилъ онъ, осмотрѣвшись и выворачивая карманы шараваръ и свѣтки: ни кисета, ни платка, ни денегъ нѣтъ! Все тамъ!» И онъ показалъ въ воду... «Погоди же ты, бѣсовъ сынъ: я же тебѣ утру носъ! Заставилъ выкупаться, точно пьянаго москаля! И на вечерницы теперь опоздаешь!.. Ахъ, ты, свиное твое ухо!..» И, въ самомъ жалкомъ положеніи, пошелъ онъ обратно въ Изюмъ.

Шелъ онъ, едва передвигая ноги отъ нависшихъ шараваръ, а тутъ еще казалось, что за плечами, по кустамъ, кто-то шагаетъ и говоритъ: «Что, братъ? смѣяться вздумалъ? Что? драться вздумалъ? Вотъ теперь и пляши! И пляши!» Закипѣла мечь въ груди его. «Не поддамся!» крикнулъ онъ и плюнулъ на воздухъ: «добѣгу до хаты, переодѣнусь и еще посиѣю на вечерницы!» Сказалъ и во всю прыть понесся къ Изюму...

Но не добѣжалъ Явтухъ и до половины пути, какъ холодъ пронялъ его до костей. Остановился онъ, оглянувшись по полю и, не видя вокругъ ни души, присѣлъ въ траву и раздѣлся до нага. «Теперь не будетъ холодно!» Одежда снята, взята подъ мышки; и еще шибче побѣжалъ онъ, несясь по высокой травѣ и перепрыгивая черезъ рвы и кочки... Мѣсяцъ кстати спрятался въ тучи и не смотрѣлъ

на обнаженнаго парня. Изюмъ скоро выглянулъ изъ-за пригорка. Огороды Явтухъ миновалъ счастливо и, прошмыгнувъ подъ заборами, вбѣжалъ въ околицу. Тутъ онъ остановился и бросилъ пугливый взглядъ по сторонамъ: на улицѣ ни души! Старики и бабы сидѣли уже въ хатахъ; а молодежь повалила на подгородную мельницу... Явтухъ вздохнулъ свободнѣе и въ потьмахъ пустился далѣе... Но не миновалъ онъ и четверти улицы, какъ изъ воротъ мѣщанки Хиври Макитренковой, съ пѣснями и криками, выступила ватага запоздавшихъ дочекъ ея, и длинный, какъ цапля, ткачъ Юхѣмъ Бубликъ... Разряженные дочки ея щебетали вокругъ ткача, а онъ, увѣшанный всякими припасами для вечерницъ, важно шель между ними...

Завидѣлъ дѣвокъ Явтухъ и обомлѣлъ отъ ужаса. Мокрое платье онъ бросилъ на дорогѣ, подъ городомъ, думая завтра рано взять его оттуда. «Вѣдь это бѣда!» подумалъ онъ, да такъ и остался посреди улицы. Ватага приближалась къ нему... Уже дѣвки близко, уже онъ слышитъ ихъ голоса, какъ счастливая мысль мелькнула въ его головѣ; онъ оглянулея, вскочилъ въ первыя ворота и забился подъ опрокинутую бочку. Въ то же время выглянулъ мѣсяцъ. Пѣсни и говоръ раздались надъ самымъ его ухомъ...

— Охъ, постойте, дивчѣточки, — я кого-то видѣла!

— И я!

— И я!

— И я видѣла! посыпались звонкіе голоса, и толпа остановилась у воротъ. Явтухъ, ни живъ, ни мертвъ, сидѣлъ подь бочкою...

— Куда же оно дѣлось? Какъ въ воду упало! замѣтили нѣкоторыя голоса.

— Да, точно странно: куда бы ему дѣться? Только-что видѣли...

— Да не подь бочку ли залѣзъ какой-нибудь дурень? замѣтила рябая и косая Вѣкла.

— Можетъ-быть и подь бочку! отозвались другія, и уже направлялись къ роковой бочкѣ.

— Да нѣтъ, постойте, то вѣрно слѣпой Кондрать проснулся и за чѣмъ-нибудь ночью выходилъ изъ хаты перебилъ длинный ткачъ.

— Ну, такъ и есть! рѣшили дѣвки и, нѣсколько косо поглядывая на опрокинутую бочку, пошли далѣе...

На душѣ у Явтуха отлегло. Онъ выглянулъ, переждалъ, пока толпа исчезла за околицею, и что есть духу! понесся по улицѣ. Прибѣжалъ къ своей хатѣ, ударился въ дверь: на двери виситъ огромный желѣзный замокъ; дверь заперта. Онъ къ окну; оно также на глухо заперто; да и безъ того въ него развѣ одинъ усь его могъ бы свободно пролѣзть... «Ахъ ты, судьба моя горемычная! крикнулъ онъ, чуть не сквозь слезы: — надо же было матери уйти и запереть двери! Ну, гдѣ я ее теперь

найду?» И онъ съ досады хлопнулъ кулакомъ въ двери... И вдругъ слышитъ: за плечами его въ пустомъ воздухѣ, чтò-то заливается тихимъ, дребезжащимъ смѣхомъ. Явтухъ обернулся и наставилъ передъ собою мускулистый кулакъ. «Не поддамся я тебѣ окаянный! Не поддамся, да еще при случаѣ и побью! Хотя въ юбку и въ бабьи башмаки одѣнусь, а таки пойду на вечерницы, и горѣлки напыюсь, и съ моею красавицею насмѣюсь надъ твоею собачьею харей!» Сказалъ и подошелъ къ окну сосѣдней хаты. Въ хатѣ не было ни души. Мѣсяцъ отражался на гладкомъ полу, на печи и на полкахъ, уставленныхъ посудой. Онъ вошелъ во дворъ, ступилъ на крыльцо и толкнулъ ногою дверь. Дверь отворилась. — «Это не по нашему!» замѣтилъ онъ: «не запираются, какъ отъ Татаръ, прости Господи!»

Вошелъ Явтухъ въ хату молодицы, Ивги Лободы, у которой мужъ былъ въ отлучкѣ, на заработкахъ, приперъ дверь засовомъ, досталъ изъ печи уголь и засвѣтилъ огонь. «Кума посердится, да и проститъ, а на вечерницы я все-таки попаду!» подумалъ онъ, и сталъ снимать со стѣны оставленные наряды сосѣдки... Надѣлъ длинную женскую рубаху, голову повязалъ платкомъ, надѣлъ красные сяфьянные башмаки, съ подковками, ожерелье краснаго мониста, накинулъ зеленую кофту и по смотрѣлъ въ зеркало. «Не будь усовъ, и вышелъ я молодица-молодицею!» — сказалъ онъ съ усмѣшкою: «И какъ, право,

странно рядятся эти женщины! Точно писанки на Пасху... Распотѣшу же я теперь всю сходку! И набѣгается, на-смѣется и навеселится моя Найдүся, моя зорька, мая краля ненаглядная!»

Погасилъ онъ огонь, вышелъ изъ хаты, заперъ двери и ступилъ за ворота. Изюмъ молчалъ, и уже точно теперь на его улицахъ не было ни души. Свѣтлая глубина неба переливалась тысячами звѣздъ... Мѣсяцъ неподвижно и ярко стоялъ надъ землею. — «Впередъ, Явтухъ Остаповичъ, впередъ!» сказалъ Явтухъ самъ себѣ, двинувшись въ путь по опустѣлой улицѣ, и вдругъ заболталъ по воздуху ногами... Протеръ глаза, посмотрѣлъ внизъ — и обомлѣлъ отъ ужаса! Земля у него далеко-далеко подъ ногами, а его тянетъ къверху какая-то невидимая сила, и летитъ онъ все выше и выше, летитъ быстро, покидая спящій городъ и головою разсѣкая воздухъ ночи.

— «Что? будешь теперь смѣяться да грозить? говорить у него, что-то за плечами, и, оборотя лицо немного назадъ, видитъ Явтухъ, что маленькій и черненькій бѣсенокъ сидитъ у него за спиною и мохнатая лапы держатъ его подъ руки. «Вотъ тебѣ и невѣста и горѣлка, и вечерницы твои!» говоритъ парубку бѣсенокъ и, щелкая отъ смѣху зубами, быстро несетъ его выше и выше. Холодомъ обдало душу парня при мысли о мести нечистаго, и отъ страху закрылъ онъ глаза. Когда онъ вновь посмотрѣлъ вокругъ себя, земля, городъ, лѣсъ и окрестности, все

исчезло подъ его ногами... Онъ летѣлъ въ какой-то темной и необъятной пустотѣ, и воздухъ съ шумомъ скользилъ мимо его ушей.

— «Куда ты несешь меня, дядюшка?» спросилъ жалобно Явтухъ, замирая отъ ужаса.

— А вотъ, я тебѣ сейчасъ скажу! отвѣтило у него за плечами: я тебя, братъ, посажу верхомъ на мѣсяцъ; и просидишь ты у меня на немъ весь вѣкъ; развѣ, когда мѣсяцу приходитъ часъ спускаться докраевъ земли, успѣешь ты соскочить на стогъ травы, или на какоенибудь дерево...

— «А какъ я неравно засну и упаду съ мѣсяца?»

— Ну, туда тебѣ и дорога! отвѣтилъ чортъ и рванулъ его еще скорѣе...

«Прощай, Найдуся! Теперь уже я тебя не увижу никогда!» подумалъ Явтухъ и отдался на волю нечистаго...

Летѣлъ онъ долго, минуя воздушныя пространства. Наконецъ мѣсяцъ, спрятавшись и опять явившись, мелькнулъ между разбѣжавшихся тучекъ и сталъ къ нему такъ близко, что онъ, какъ послѣ самъ рассказывалъ, могъ даже разглядѣть, изъ чего онъ сдѣланъ — а сдѣланъ мѣсяцъ, по его словамъ, изъ простаго серебра, только позолоченъ и вылощенъ, какъ тарелка изъ хорошей посуды, да еще въ одномъ мѣстѣ, должно быть задѣлъ за какой-нибудь столбъ или ворота на землѣ, позо-

лота потёрлась, и оттого пятна на мѣсяцѣ. Высоко поднялся онъ, очень высоко, какъ вдругъ слышитъ, что-то въ воздухѣ шумитъ, и въ то же время чортъ за его плечами задрожалъ и отшатнулся въ сторону...

— А! такъ ты дѣвокъ таскаешь, сякой-такой? раздался хриплый и сердитый голосъ; и старая сморщенная вѣдьма, верхомъ на метлѣ, налетѣла на нечистаго, съ поднятыми кулаками.

— «Да это не дѣвка: это — мѣщанинъ!» пропищалъ нечистый, дрожа всѣмъ тѣломъ и охая.

— Какъ мѣщанинъ?... Ахъ ты, сякой-такой!...

— «Да вы, Мавра Онуфріевна... да я, право... ужъ я вамъ говорю!» кричалъ сатана, треплемый лапами вѣдьмы.

— Вотъ я тебя, вотъ я тебя! кричала вѣдьма, отъ ревности не зная, съ какого конца начинать отсчитывать удары. Наконецъ она ухватила нечистаго за мохнатую спину и такъ стала трясти его, что сперва съ ея рыжей косы слетѣлъ платокъ, а потомъ изъ когтей нечистаго выпалъ Явтухъ и камнемъ полетѣлъ на землю... — «Ну, теперь уже и мнѣ не сдобровать!» подумалъ бѣсъ и понесся выше и выше, метя ударить вѣдьму объ мѣсяцъ и стряхнуть ее съ себя...

И долго въ воздухѣ клочки волосъ обильно вырывались съ обѣихъ сторонъ, и крупная брань сражающихся

ся, бѣса и вѣдьмы, оглашала темныя пространства. А Явтухъ летѣлъ стремглавъ на землю...

—

Между — тѣмъ весело лилась бесѣда въ низенькой свѣтелкѣ подгородной мельницы. Складчина на этотъ разъ удалась какъ нельзя лучше, потому, во первыхъ, что мельникъ, старый вдовецъ и скряга, уѣхалъ въ Чугуевъ на ярмарку, а дочка его осталась; и во вторыхъ потому, что многіе изъ изюмской молодежи надѣялись на этотъ разъ (что мы уже отчасти и знаемъ) привести къ окончанію свои сердечныя дѣла.

Полъ мельниковой хаты былъ гладко вымытъ и вымазанъ заново охрою; стѣны также безъ хозяина вновь выбѣленные, украсились вѣнками и пучками цвѣтовъ. Печь ярко горѣла и шипѣли въ ней, нагорячихъ сковородкахъ, потопленные въ маслѣ, пшеничныя орѣшки, ячныя блины и сладѣны. Дубовый столъ, покрытый бѣлою скатертью, помѣщался въ главномъ углу, подъ образами; на немъ стояли графинчики съ горѣлкою и съ брагою. На лавкѣ у печи, близъ двери въ темную комнату, лежали куски сдобнаго и прѣснаго тѣста, яйца, корица и стручковый перецъ. Вокругъ этого стола двѣ молодицы, и одна изъ нихъ Ивга Лободà, уже нѣсколько знакомая намъ, хлопотали надъ печеніемъ и замѣшиваніемъ сладѣнъ и орѣшковъ. По скамейкамъ, опрокинутымъ ведрамъ и корытамъ, вокругъ хаты, сидѣли дѣвки и парни. Смѣхъ,

говоръ и пѣсни перемѣшивались съ трескомъ печи и жужжаніемъ веретенъ. Дѣвки, сидя на рѣзныхъ донцахъ, тянули изъ гребней пряди и весело водили веретенами. Иныя сидѣли молча, другія пѣли пѣсни, а третьи болтали и щебетали, какъ ласточки въ весеннее утро. Парни, кто за столомъ, кто на перевернутомъ боченкѣ, а кто и просто на полу, сидѣли и тоже занимались разными работами. Иной точилъ деревянную чашку, другой стругалъ веретено своей «дивчипѣ»; третій гнулъ дугу; четвертый расписывалъ вывѣску для хуторянскаго кабака; а иные говорили сказки. Сказки смѣнялись хоровыми пѣснями. При окончаніи одной изъ послѣднихъ, длинный ткачъ Бубликъ вдругъ приложилъ ладонь къ уху, прослезился и, давши знакъ рукою, чтобъ всѣ замолчали, затянулъ тоненькимъ голосомъ любимую пѣсню. Онъ до того расхрабрился, что всталъ изъ-за стола, протянулъ въ печку спичку и сталъ таскать оттуда, подъ общій хохотъ, горячія галушки, поднося ихъ своимъ неприступнымъ красавицамъ. Всѣ веселились, хохотали и шумѣли. Не веселилась одна хозяйка, мельникова дочка...

Прошло уже немало времени, а ея парня не было да и не было. Сперва она думала, что онъ зашелъ къ своему пріятелю писарю; потомъ ей казалось, что онъ только притворяется, что давно уже пришелъ и спрятался гдѣ-нибудь по близости, за хатою, ожидая, что вотъ она не вытерпитъ и выбѣжитъ сама къ нему на встрѣчу.

Найда уже готова была встать и выйти, какъ будто не значай. — «Нѣтъ! подумала она: лучше по дождю его! Ничего баловать жениха! Положишь ему палець въ зубы, такъ и не вынешь!»

И она осталась.

Прошло еще нѣсколько времени. Найда забылась и слушала вода веретеномъ, какую-то страшную и непонятную сказку. Нитка пряжи у нея оборвалась, и она выронила веретено. Нагнулась подъ лавку, и вдругъ видитъ: въ углу, подъ нею, сидитъ что-то худенькое, маленькое, черненькое и, виляя хвостомъ, смотритъ узенькими, сверкающими глазами... Найдя съ разу поняла, какую образину видитъ, и обомлѣла отъ страха... Нечистый между-тѣмъ посидѣлъ, и юркнулъ въ дверь; дверь за нимъ тихо затворилась. Кромѣ Найды, никто не замѣтилъ ни появленія его, ни бѣгства. Сказка тянулась своимъ чередомъ... И вотъ, чувствуетъ Найда, что непонятная сила тянетъ ее съ мѣста за дверь. Знаетъ она очень хорошо, что за дверью, въ темныхъ сѣняхъ, ожидаетъ ее та же страшная образина, что за дверью она перепугается до смерти, знаетъ, и, чудное дѣло! не можетъ себя побѣдить. Встала она, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ лавки, сложила гребень и отворила дверь — «Куда ты Найда?» спрашиваютъ ее подружки. — «А вотъ я... на загонъ... коровѣ сѣна нужно подложить!» Она ступила въ темныя сѣни. Въ сѣняхъ ни души. Она

на крыльцо — и на крыльцѣ никого не видно. Площадка передъ хатою также пуста. И только подъ заборомъ маленькаго садика бѣгаетъ котъ. «Васю, Васю, Васю!» стала она звать кота. Котъ вошелъ въ калитку садика. «Еще забѣжитъ въ лѣсъ нашъ котъ!» сказала она и побѣжала также въ калитку. Но не успѣла сдѣлать и пяти шаговъ, какъ котъ къ ней обернулся и сталъ мяукать самымъ ужаснымъ образомъ. Холодъ пробѣжалъ по ея жиламъ. «Брысь!» закричала она и, отскочивши, захлопала въ ладоши. Но котъ оцетинился: подходя къ ней маленькими прыжками, выпустилъ огромные когти, сталъ ими скрести землю, страшно засверкалъ зелеными глазами, такъ что освѣтилъ сосѣдніе кусты и плетень, замыукалъ еще сильнѣе и, выгибаясь началъ расти до того, что наконецъ сталъ величиною съ теленка... Найда хотѣла бѣжать и не могла: ноги ея припаялись къ землѣ; хотѣла кричать: языкъ, какъ во снѣ, не двигался. — А котъ между-тѣмъ зѣвнулъ (при чемъ краснѣй языкъ его свернулся какъ змѣя,) и, поднявшись на заднія лапы протянулъ къ ней усатую морду... «Тьфу!» крикнула Найда и спрятала лицо. «За что же ты бранишься? я спросилъ у нея нѣжный и сладкій голосъ. Найда смотритъ — передъ нею стоитъ уже не котъ, а Явтухъ ея Явтухъ, ея милый суженный.... Она не можетъ надивиться и глазамъ своимъ не вѣрить. «Это ты: Явтусю?» — «Я, моя кралечка!» «Какъ же ты напугалъ меня! а миѣ Богъ знаетъ что показалось!»

И она кинулась къ нему на шею... Но Явтухъ на эти ласки нѣсколько холоденъ... Найда этого не замѣчаетъ и тащитъ его за руку въ хату. — «А!.. Остаповичъ, Шаповалевко!» залепетали вокругъ парня собесѣдники. «а мы васъ ждали, да все думали, куда это васъ занесло!»

Найда отъ радости бѣгаетъ по хатѣ и ставитъ на столъ миски съ угощеніями. А Явтухъ, крутя усы и нахмурившись, стоитъ посреди хаты, не снимая шапки, и только бойко поглядываетъ по сторонамъ. — «Будетъ вамъ щебетухи, языкомъ торохтѣть! Садитесь вечерять!»

Найда всыпала въ миску варениковъ.

Всѣ при этомъ бросили болтовню и крестясь, сѣли за столъ. Длинные деревянные спички потянулись въ миску, и горячіе вареники стали оттуда отправляться въ ротъ собесѣдниковъ. Явтухъ, по прежнему, не снимая шапки, сидѣлъ сложа руки. — «А ты же что паномъ разсѣлся?» спросила его съ досадою Найда, видя его невѣжливость: «не велика птица, самъ наѣшься! На полотенце, да завѣсь свои шаравары, а то еще какъ разъ съ усовъ капнетъ!»

Явтухъ нагнулся къ столу и раскрылъ ротъ. Въ ту же минуту дивныя дѣла произошли на столѣ. — Одинъ изъ графинчиковъ, въ видѣ жирнаго индюка, какъ любили дѣлать эту посуду въ старосвѣтскія времена, прокричалъ, точно живой, наклонилъ голову къ стаканчику

и изъ носа его побѣжала струя вишневки... Стаканчикъ, переваливаясь съ боку на бокъ, подошелъ къ самымъ усамъ Явтуха, наставилъ край къ его губамъ, и вишневки въ стаканѣ какъ не бывало. Вслѣдъ за этимъ, на столѣ стали переставляться съ мѣста на мѣсто солонки, брага, блины и хлѣбъ, что только любилъ Явтухъ. У одного изъ парней въ карманѣ были припасенные орѣхи. Вдругъ карманъ раскрылся, и орѣхи, будто воробьи, стали вылетать оттуда, направляясь въ ротъ Явтуха, который только раскусывалъ ихъ. Долго никто не могъ прійти въ себя отъ изумленія. «Э-ге-ге! да что же это такое?» подумали наконецъ въ одинъ разъ все гости, и остались еще болѣе неподвижными, съ открытыми ртами и протянутыми въ миску спичками... Молчаніе сдѣлалось такое, что слышно было, какъ муха жужжала и билась гдѣ-то подъ опрокинутымъ кувшиномъ. — «Ой лѣлечко, братцы!... Караулъ!» закричалъ вдругъ сухопарый ткачъ, весь въ мукѣ вскакивая изъ-подъ стола, куда нагнулся было искать упавшей кисеть съ табакомъ: «да это не Явтухъ; это, братцы, такое, чего и назвать нельзя! у него изъ-подъ свитки выглядываетъ хвостъ собачій! Смотрите!...» — «Чортъ, чортъ!» закричали все и во мгновеніе ока, выскочивши изъ хаты, побѣжали, куда глаза глядятъ. — Въ тоже время у мнимаго Явтуха упала съ головы шапка, и на лбу сверкнула пара серебряныхъ рожекъ. — «Такъ вотъ это кто! подумала Найда и за-

мерла отъ ужаса, оставшись глазъ на глазъ съ тѣмъ, котораго по словамъ ткача, даже и назвать было нельзя...

Нечистый, оставленный нами въ лапахъ ревнивой вѣдьмы, какъ-то вырвался, бросился въ сторону и скоро исчезъ въ небѣ изъ ея глазъ. Онъ безъ оглядки летѣлъ на землю и между-тѣмъ думалъ: «Попрекнула мнѣ старая корга, что я дѣвокъ таскаю! Я же тебѣ отплачу!... Да, что это и въ самомъ дѣлѣ, за такая неприступница, эта мельникова дочка? Полечу-ка я на вечерницы, да отобью ее у этого вертопраха! Не даромъ же вѣдьма отъ ревности мнѣ бороду выщипала!» И онъ полетѣлъ въ направленіи къ лѣсу, опустился на мельницу, невидимкой вошелъ въ хату, забился подъ лавку, заманилъ Найдю въ садъ, напугалъ ее, а потомъ и всю сходку, и сдѣлалъ все то, о чемъ уже сказано...

А настоящій Явтухъ?

Выроненный изъ рукъ чортомъ, онъ тоже стремглавъ понесся съ неба, посылая прощанія милой и ожидая каждое мгновеніе, что вотъ изъ воздушной тьмы выставится какой-нибудь рогатый пень, колодезь или озеро, и онъ распростится на вѣки съ жизнью, какъ вдругъ неожиданно почувствовалъ подъ собою что-то мягкое.— Оглянулся и видитъ, что упалъ со всего размаха въ стогъ сѣна и утонулъ въ немъ по самую шею. Почувствовавши пріятный запахъ травы, Явтухъ сперва убѣ-

дился, что всѣ ребра у него цѣлы, потомъ выкарабкался изъ сѣна, легъ на стогу и посмотрѣлъ внизъ...

Подъ стогомъ былъ разложенъ огонь. Толпа чумаковъ, наклоняясь надъ чугуннымъ котелкомъ и куря трубочки, сидѣли у огня — «Здорово, паны-браты!» сказалъ со стога Явтухъ.

Чумаки не поднимая головы, не двинули ни плечомъ, ни усомъ, и только въ одинъ голосъ отвѣтили: — «И ты будь здоровъ!» — «А я къ вамъ!» сказалъ опять Явтухъ. — «Милости просимъ!» отвѣтили чумаки, не поднимая головы и спокойно сося коротенькія трубки.

Явтухъ всталъ на стогу, оправилъ на себѣ юбку, монисто и кофту, и съ такою рѣчью обратился къ чумякамъ: «А посмотрите-ка, добрые люди, въ чемъ я!»

Чумаки вынули изо рта люльки и подняли къ нему головы.

— Хорошо? спросилъ Явтухъ.

— Хорошо!

— И башмаки хороши?

— Хороши!

— А платокъ? спросилъ Явтухъ.

Чумаки, которые опять было принялись курить, удивляясь что это за человѣкъ спрашиваетъ и откуда онъ взялся, опять отняли изо рта трубки и, смотря на Явтуха, отвѣтили:

— И платокъ хорошъ!

— «Хлѣбъ же соль вамъ!» сказалъ неожиданный гость, спускаясь на землю со стога: «должно быть борщъ варите съ рыбой?»

— Нѣтъ, кашу съ саломъ.

Явтухъ подсѣлъ къ костру.

— А позвольте узнать, господа-чумачество, откуда васъ Богъ несетъ?

— Изъ Крыма.

— За солью ѣздили?

— За солью.

— А гдѣ мы теперь, паны братья? прибавилъ Явтухъ.

Чумаки переглянулись и не сказали на это ни слова!

— То есть... какъ оно..? насчетъ, то есть... гдѣ это мѣсто, на которомъ вотъ мы теперь сидимъ? дополнилъ Явтухъ, и указалъ пальцемъ на землю.

— Гдѣ это мѣсто? спросили чумаки и опять переглянулись между собою.

— Да, добрые люди!

— А за Черкасами!

— Слышалъ, слышалъ, братцы, про Черкасы! слышалъ! это отъ насъ верстъ тысячу будетъ! Еще оттуда, то есть отсюда... корабейники къ намъ съ ситцами ходятъ! Ну, хватилъ же нечистый! въ полъ-ночи пролетѣлъ тысячу верстъ!

Чумаки опять переглянулись и уже перестали курить.

— Такъ ты, стало быть, не здѣшній? спросили они

— Не здѣшний... Я изъ Изюма, если знаете. Еще сегодня ходилъ тамъ по базару и купилъ себѣ шаравары, замѣтилъ Явтухъ, да и загнулся на этомъ словѣ, недоумѣвая, какъ это онъ могъ въ нѣсколько часовъ очутиться за тысячу верстъ? — «То есть просто диво!» вскрикнулъ онъ и, придвинувшись поближе къ чумакамъ, сталъ рѣсказывать обо всемъ дивномъ и непонятномъ, что съ нимъ случилось въ тотъ вечеръ.

— «Да что! прибавилъ онъ въ заключеніе — я вамъ, братцы, скажу такое еще, что просто отъ смѣху за бока ухватишься! Какъ летѣли мы съ нечистымъ, встрѣтилась намъ вѣдьма, рыжая да старая, такая старая, что только воронъ пугать. Завидѣла меня у него въ лапахъ, подумала, что я не казакъ, а дѣвка, потому что въ платьѣ этомъ былъ, и вцѣпилась въ него. Нечистый выронилъ меня, а съ головы вѣдьмы свалился платокъ. Такъ она простоволосая и полетѣла съ нимъ подъ самыя звѣзды... Когда я падалъ сюда, вижу — по дорогѣ летитъ оброненный вѣдьмою платокъ: я его нагналъ и захватилъ съ собою! Должно быть вещь важная!» заключилъ Явтухъ, и выложилъ передъ глазами чумаковъ яркій, невиданныхъ цвѣтовъ платокъ.

— «Эка, бѣсово племя! да еще и козырится!» прибавилъ Явтухъ, собираясь спрятать находку, и видитъ: сзади его, сидитъ на корточкахъ рыжая простоволосая старушонка, мигаетъ глазами и изъ-за плеча его про-

тягиваетъ костлявую руку. «А! такъ ты тутъ?» закричалъ Явтухъ, такъ-что все чумаки даже привскочили на мѣстѣ, и ухватился за сморщенную лапу вѣдьмы...

Вѣдьма забилась, заметалась, запищала, какъ заяцъ, когда собаки поймаютъ его за длинныя уши, и стала подпрыгивая, подниматься съ Явтухомъ изъ кружка изумленныхъ чумаковъ. Тихо выплылъ онъ съ нею на воздухъ и, освѣщенный отблескомъ костра, сталъ исчезать въ темнотѣ, превратился въ красноватую точку и скрылся... И долго еще чумаки въ сивыхъ бараньихъ шапкахъ, сидѣли подъ стогомъ, съ опрокинутыми головами и неподвижно смотрѣли въ пустое небо....

Какъ легкое перо, носимое вѣтромъ, летѣлъ Явтухъ по небу, держась за руку вѣдьмы. Вѣдьма бросалась изъ стороны въ сторону и стонала, выбиваясь изъ силъ. Наконецъ она поднялась такъ высоко, что уже въ самомъ дѣлѣ, какъ рассказывалъ послѣ Явтухъ, чуть-чуть не зацѣпила за край мѣсяца, и стала опускаться на землю. Явтухъ не унывалъ и, держался за ея руку, смотрѣлъ внизъ... И вотъ, видитъ онъ, далеко-далеко внизу, сверкнули огоньки, сперва одинъ, потомъ два и наконецъ цѣлая сотня. «Что бы это такое было? думалъ Явтухъ: у насъ въ Изюмѣ давно уже спать! Ужь не Полтава ли это или Бахмутъ?»

Воздухъ съ шумомъ летѣлъ мимо его ушей, а съ зем-

ли неслись къ нему на встрѣчу цѣлыя чудныя картины!.. Утесы и горы, покрытые лѣсами: на скалахъ каменныя крѣпости и замки, окруженные стѣнами, ясные озера, обрамленные темными садами; долины, глубокия, какъ колодцы; и наконецъ цѣлый громаднѣйшій городъ, залитый огнями, какъ небо звѣздами. — Явтухъ только высматривалъ, обо что прійдется ему грянуться и распротиться жизнью, и вдругъ почувствовалъ, что снова тихо и плавно на что-то опускается и разомъ становится на ноги... Онъ всталъ, а вѣдьма между тѣмъ воспользовалась счастливымъ мгновениемъ, вырвалась у него изъ рукъ и, съ быстротою молнии, исчезла отъ него.

Явтухъ окинулъ взоромъ окрестность...

Богатый городъ разстилался у его ногъ; онъ самъ стоялъ на плоской кровлѣ высокой башни. Гдѣ же это онъ? Что же это за городъ?

Башня помѣщается въ нижнемъ отдѣленіи огромнаго сада, идущаго пятью уступами въ гору. Вокругъ башни рядъ тополей. Далѣе, вправо, прудъ, окруженный мраморною оградой; кусты широколиственника темнѣютъ по оградѣ, и мѣсяцъ ярко отражается въ стеклѣ пруда.. Другая, болѣе высокая ограда окружаетъ и тополи, и прудъ, и самую башню. А въ другую сторону отъ башни идетъ просторный дворъ: его обступаютъ высокіе терема, съ островерхими крышами и съ разноцвѣтными, стекольчататыми окнами и дверьми. Во все сто-

роны идутъ десятки маленькихъ желтыхъ, зеленыхъ и красныхъ пристроекъ. На главномъ мѣстѣ возвышается мечеть, съ островерхою колонной. Отъ огоньковъ въ окошечкахъ домовъ, прилѣпленныхъ къ уступамъ и по разсѣлинамъ горъ, между которыми легъ городъ, Явтуху показалось, что по сторонамъ его опять уже не горы, а два громадные дворца, съ тысячами оконъ. «Нѣтъ, это не Полтава!» сказалъ онъ самъ себѣ, и для того, чтобы убѣдиться, точно ли онъ все это видитъ на яву а не спитъ въ своей хатѣ, онъ ущипнулъ себя сперва за ухо, а потомъ за носъ... Ни чуть не бывало! онъ точно не спитъ и находится въ какомъ-то далекомъ, дивномъ городѣ...

Осмотрѣвшись еще нѣсколько вокругъ себя, онъ протянулъ руку въ карманъ кофты и вынулъ оттуда занятую было у чумаковъ трубку съ огнивомъ, наложилъ ее, вырубилъ огня, и, стоя на крышѣ башни, принялся курить и посматривать на городъ, скалы и небо. Накурившись, онъ подумалъ, глядя на прудъ: «Оно бы и выкупаться хорошо!» И, нагнувшись съ башни, увидѣлъ, что сойти съ нея очень легко: стоило только прыгнуть съ крыши на вѣтви тополей. Не долго думая, онъ скакнулъ и плавно закачался на гибкой вѣткѣ. Уцѣпившись за стволъ дерева, онъ сталъ спускаться на землю; но не успѣлъ миновать и половины пути, какъ дверь изъ палатъ въ садикъ отворилась, и цѣлая толпа женщинъ, въ бѣлыхъ

покрывалахъ и пестрыхъ, остроконечныхъ башмакахъ, потянулась черезъ крыльцо къ пруду. За женщинами шель черный губанъ-арабъ, въ широкихъ желтыхъ шараварахъ, зеленой чалмъ и съ саблею у пояса. Сердце застыло въ груди Явтуха и руки приросли къ стволу тополя. Онъ остановился въ воздухѣ, а вошедшія женщины, не замѣчая его, съ хохотомъ и съ криками окружили прудъ и, въ пяти шагахъ отъ неожиданнаго гостя, стали скидать съ себя длинныя, легкія покрывала.....

Найда, оставшись между тѣмъ глазъ на глазъ съ нечистымъ, долго не могла опомниться: мнимый Явтухъ сидѣлъ передъ нею за столомъ и жадно глядѣлъ на нее. Наконецъ онъ пошевелился, поправилъ усъ, кашлянулъ и протянулъ къ ней руки... «Краля ты моя, Найдуся, садись возлѣ меня! Да обними, да поцѣлуй!» Найда вскочила. «Сгинь ты, окаянный!» крикнула она и бросилась въ другой уголъ хаты.

Чортъ засмѣялся, помолчалъ и кинулся вслѣдъ за нею. Долго они бѣгали вкругъ стола. Найда, не смотря на то, что приходилось возиться съ чортомъ, ловко увертывалась и отбивалась отъ него. Уже одна изъ лапъ нечистаго ухватила ее за рукавъ рубашки, а другая порвала нитку красныхъ гранатовъ, и съ звономъ посыпались гранаты на столъ и по лавкамъ; уже она почувствовала на щекахъ своихъ дыханіе чорта. — «Явтухъ, Явтухъ!»

закричала она въ отчаяніи и, однимъ взмахомъ руки отбившись отъ объятій нечистаго, быстро кинулась въ темную комòру, заперла за собою дверь и наложила на нее крестное знаменіе. Сатана грянулся въ двери, но остановился передъ силою креста. «Ну, это одной породы съ тѣмъ пройдохою!» подумалъ чортъ и, махнувъ рукою, отошлетъ отъ комòры. — Найда стала въ страхѣ смотрѣть въ замочную скважину и увидѣла странныя вещи...

Сатана, принявшій образъ парня, скинулъ свитку, развязалъ воротъ у рубашки, сѣлъ за столъ, и придвинулъ къ себѣ миску оставленныхъ варениковъ; досталъ изъ печи горшокъ взвару; наконецъ нашелъ на столѣ не-малое количество водки, и принялся закусывать. Все было тутъ же очищено. Тогда онъ принялся выглядывать, какъ бы удобнѣе лечь спать. Мостился онъ долго и безуспѣшно; легъ на лавку — узко; легъ на полъ — холодно; легъ на печку — жарко... Чортъ нащупалъ столъ, на которомъ мѣсили тѣсто, и легъ прямо въ муку. Только и тутъ еще провозился не малое время: то ляжетъ такъ, что голова свѣсится; то ляжетъ такъ, что свѣсятся ноги. — Наконецъ легъ поперекъ стола, то-есть въ такомъ положеніи, что съ одной стороны свѣсились ноги, а съ другой голова, и заснулъ.

Найда подождала еще нѣсколько времени, усмѣхнулась, отыскала въ потьмахъ свою шубку, послала ее на сундукъ, стала молиться долго и не спѣша, перекре-

стила все углы, окна и двери, легла тоже, свернулась клубочкомъ, и заснула, еще не оправясь отъ тревоги и волненія. И долго во снѣ мерещилась ей страшная голова, и пьяный сатана на столѣ.

Ни живъ, ни мертвъ, сидѣлъ Явтухъ на тополи, держась за стволъ, и смотрѣлъ на непонятныя вещи, происходившія вокругъ него. Женщины, скинувъ покрывала, вошли въ ограду пруда и стали скидать съ себя серьги, золотыя шапочки и пестрыя туфли, наконецъ стали расплетать свои длинныя косы... Надобно сказать, что Явтухъ былъ вообще храбръ и смѣлъ только съ своимъ братомъ; женская же красота совершенно отнимала у него всякую прыть... — «Боже мой, Боже! что же это будетъ?» думалъ онъ, глядя изъ за вѣтвей тополи на толпу раздѣвавшихся красавицъ.

Съ криками и хохотомъ, кинулись незнакомки къ водѣ. Арабъ, пришедшій съ ними, оставилъ у пруда принесенный ящикъ съ нарядами и ушелъ въ палаты, зѣвая во весь ротъ. Скоро вверху высокаго терема, выходящаго въ садъ, отворилось окно, и въ немъ показалась опять курчавая голова. Сперва арабъ пристально смотрѣлъ внизъ на прудъ, какъ ни прогоняли его сторожы имъ женщины; но потомъ чалма его покачнулася на бокъ, и онъ захрапѣлъ...

Красавицы между-тѣмъ усѣлись на ступенькахъ огра-

ды, и, скидая съ ножекъ башмаки, нехотя и шаловливо опускали ноги въ холодныя струи... Вотъ онѣ разстегиваютъ шелковые пояса. Полные, бѣлые круглые локти сверкаютъ въ свѣтѣ мѣсяца. Онѣ готовятся сходить въ волны...

— «Господи, Боже мой! что же это я дѣлаю! зачѣмъ же я смотрю на этихъ женщинъ? Вѣдь онѣ совсѣмъ и не знаютъ, что я тутъ...»

Тутъ, не долго думавши, спустился онъ съ дерева на землю. Подкравшись къ оградѣ, онъ поднялъ одно изъ покинутыхъ покрываль, и, закутавшись въ него съ головою, сѣлъ на ящикѣ, оставленномъ арабомъ. Купальщицы примѣтили его. «Это кто?» закричали онѣ...

Явтухъ закутался еще болѣе и склонилъ къ колѣнямъ голову.

— Это ты, Ханымъ?

— Это ты, Кая?

— Это ты, Шерфѣ? залепетали купальщицы, и стали плескаться, прыгать и возиться, какъ маленькія рыбки.

«Ну! думалъ Явтухъ, жмуря глаза: — что-то будетъ дальше?»

— «Да что же ты молчишь? Выходи, раздѣвайся и олѣзай въ воду, купаться съ нами!»

— Ай!! усы!!! закричали вдругъ нѣкоторыя, и пугливо росились снова въ воду.

— Что вы испугались, добрыя пани? проговорилъ

дрожащимъ голосомъ Явтухъ, бросая робкіе взгляды: это я, мѣщанинъ изъ Изюма!

— Э! да это и въ правду казакъ! сказали двѣ изъ красавиць, уже на понятномъ языкѣ.

— Ну да, казакъ! прибавилъ Явтухъ: лукавый бѣсъ занесъ меня и опустилъ вонъ на ту башню!

Возгласы изумленія раздались изъ воды...

— А скажите, пани, гдѣ это мы теперь... то-есть, какой это городъ?

— Бахчисарай.

— А далеко это будетъ отъ Изюма?

— Считай самъ: Бахчисарай въ самой срединѣ Крымскаго царства...

— Крымскаго царства! вскрикнулъ Явтухъ, всплеснувъ руками — вѣдь это опять верстъ тысячу будетъ, а можетъ и больше!...

— Какъ тысячу верстъ будетъ?

— Да такъ же! Погодите-ка, вотъ я вамъ все разскажу!

— Нѣтъ, нѣтъ, погоди! не говори такъ громко, а то какъ-разъ разбудишь вонъ того, что спитъ въ окнѣ! сказали незнакомки протягивая руки къверху стѣны:— ложись лучше въ этотъ ящикъ; мы одѣнемся и тебя потихоньку пронесемъ въ наши комнаты!

— Да кто вы такія? спросилъ Явтухъ, свертываясь кренделемъ и ложась въ ящикъ.

— «Мы жены крымскаго хана! отвѣтили красавицы: лежи смирно!» и бережно понесли его въ таинственныя двери.

Когда Явтухъ почувствовалъ, что ящикъ снова опустили и открыли надъ нимъ крышку, онъ всталъ на ноги и посмотрѣлъ вокругъ себя. Стѣны гарема, въ которомъ онъ очутился, были обиты краснымъ сукномъ. Вдоль стѣнъ валялись круглыя подушки. Зеркало надъ каминомъ, обитое фольгою, отражало любопытныя лица наполнявшихъ комнату красавицъ. Дрожащій свѣтъ лампы, изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, лился съ потолка и легкой дымъ курильницы, стоявшей у завѣшенной двери въ другую комнату, стлался по полу. Явтухъ не могъ надивиться на все это и, поднявъ голову, оглядывался по комнатѣ... «Какой хорошенькій!» сказали нѣкоторыя красавицы по-своему. — «Какой страшный, да усатый!» прибавили другія на понятномъ языкѣ, очевидно будучи нетуземнаго происхожденія.

Явтухъ озирался по комнатѣ и смотрѣлъ на себя въ зеркало.

— Давайте, сестрицы, свяжемъ ему руки, да одѣнемъ его въ наши наряды! Вѣдь одѣли же его гдѣ-нибудь казачки въ юбку...

— Ахъ, да какой онъ смѣшной! закричали двѣ одалыки опять по-русски, хлопая въ ладоши и еще тѣснѣе окружая его.

Явтухъ, заложа руки за поясъ, какъ слѣдуетъ вѣжли-
вому парню, молча стоялъ передъ нимъ...

Одна изъ одалыкъ обратилась къ нему съ просьбой:
— Повесели насъ твоими разказами: какою силою занесло
тебя сюда!

Просьбу эту ему перевели. Явтухъ почесался за ухомъ.

— Да что же такое я вамъ, пани-матки, расскажу?
Я, право, и не знаю; языкъ какъ-то... того... не ворочается!

— А вотъ мы его подмажемъ! сказали болѣе до-
гадливыя.

И съ этими словами ему приготовили, какъ хану,
кальянъ, усадили его на мягкія подушки, поставили пе-
редъ нимъ низенькій столикъ, а на столикъ большое
блюдо, съ яблоками, персиками, виноградомъ и татар-
скими пряниками.

— Начать съ того!... заговорилъ Явтухъ...

И всю ночь рассказывалъ онъ одалыкамъ свои по-
хожденія, уписывая виноградъ, яблоки и персики. Когда
на подносѣ не осталось уже ничего, Явтухъ всталъ и,
покачиваясь, сказалъ:

— Теперь уже все! теперь уже я пойду отсюда!

— Какъ пойдешь? спросили съ удивленіемъ очнув-
шіяся отъ его разказовъ красавицы.

— Да, мнѣ пора уже домой!

Лампада чуть теплилась и въ комнатѣ былъ блѣдный
полусвѣтъ.

— Ахъ, какой ты чудной! Вѣдь самъ же говоришь, что отъ твоей родины до насъ двѣ тысячи верстъ!

— И то правда! возразилъ Явтухъ, почесывая за ухомъ: — А впрочемъ нѣтъ, ужъ лучше я пойду!

— Да вѣдь вокругъ дворца течетъ рѣчка, и часовые стоятъ у поднятыхъ мостовъ! Если тебя увидятъ, да поймаютъ, то приведутъ по утру къ хану, на дворцовомъ мосту отсѣкутъ тебѣ голову, зашьютъ тебя въ мѣшокъ, да такъ безъ головы и бросятъ въ воду!

— Нѣтъ, уже я лучше пойду! говорилъ опять Явтухъ, пробираясь сквозь толпу красавицъ къ двери.

— Такъ хоть, по крайней мѣрѣ, погоди ты, бѣшеная голова! Мы тебя вынесемъ опять въ ящикъ въ садъ и отворимъ калитку: — авось найдешь въ городѣ какого-нибудь жида; онъ тебя и вывезетъ въ таратайкѣ, подъ мѣшками! — И, уложивъ его снова въ ящикъ съ нарядами, одалыки понесли ящикъ темными переходами и лѣстницами и опустили на крыльцѣ. Явтухъ толкнулъ крышку и оглянулся вокругъ себя...

Мѣсяцъ ужъ опустился за гору, и румяная полоса на другомъ концѣ города выказывалась изъ-за плоскихъ крышъ. Въ воздухѣ свѣжѣло. Роса сверкала на листьяхъ цвѣтовъ. Тополи лепетали съ просыпающимся вѣтромъ, а стая красношеихъ аистовъ тоненькою нитью тянулась не высоко въ небѣ... Отливъ зари прокрадывался по островерхимъ минаретамъ, плоскимъ крышамъ сак-

лей и по трубамъ позолоченныхъ кровель ханскихъ дворцовъ...

Явтухъ протеръ глаза: что это такое? Передъ самымъ носомъ его стоитъ опять вчерашняя рыжая старушонка. — Не унывай, казаче! говоритъ она: — дай только мнѣ найти, да порядкомъ проучить того косолапаго, что тебя вчера обидѣлъ; такъ я мигомъ тебя донесу домой!

— Кого найти, косолапаго? спросилъ съ изумленіемъ Явтухъ, забывши случай прошлой ночи.

— Нечистаго! отвѣчала вѣдьма, скрежеща зубами: моего губителя, изверга! онъ теперь заперся на мельницѣ съ твоею суженою, и сидитъ тамъ, окаянный!

— Съ моею суженою, съ Найдюю? закричалъ Явтухъ во все горло и такъ ухватился опять за тоненькую лапу вѣдьмы, что та запицала, какъ лягушка:—вези меня, распропащая душа твоя! вези, а не то, вотъ клянусь тебѣ, измелью тебя въ табакъ!

И, вскочивши на спину вѣдьмы, Явтухъ стиснулъ ее колѣнями, скинулъ съ себя женскій платокъ и кофту и, засучивъ рукава, поднялъ мускулистые кулаки. Вѣдьма сперва пошатнулась, завозилась и заскреблась лапками, какъ мышь; но потомъ мало по малу выпрямилась, подпрыгнула и стала подниматься съ нимъ на воздухъ. Она полетѣла сперва къ крышѣ дворца, потомъ къ толямъ, потомъ къ мечети и наконецъ стала косвенно

подниматься къверху. Явтухъ устремилъ глаза за ней. Въверху дворцовой стѣны, въ растворенномъ окнѣ, просунулась голова чернаго араба, злая брань сыплется изъ окна на толпу испуганныхъ одалыкъ, и сабля машетъ по воздуху, во слѣдъ ему и вѣдьмѣ. Но ихъ уже теперь не догнать: только поминай, какъ звали...

Явтухъ, сидя на плечахъ вѣдьмы, недоумѣвалъ, какъ это она, не двигая ни руками, ни ногами, летитъ быстро, точно гонимое вѣтромъ облако. Въ это время онъ поднялся такъ высоко, что еще на всей землѣ были сумерки, а онъ уже увидѣлъ вдаль красный шаръ солнца, которое будто купалось въ волнахъ большаго озера, готовясь выйти на ясное небо...

— А какое это озеро, тѣтушка? спросилъ Явтухъ у вѣдьмы, тыкая пальцемъ въ воздухъ.

— А это астраханское море! тамъ много соли, а еще болѣе хорошей тарани и всякой другой рыбы! отвѣтила услужливо вѣдьма.

— Э! подумалъ Явтухъ и отшатнулся.

Прямо въ глаза ему налетѣло легкое прозрачное облако, и онъ исчезъ въ немъ, точно его окунули въ волны серебристой кисеи. Когда онъ вылетѣлъ снова на свѣтъ, на волосахъ его и на рубашкѣ блеснули капли росы, а облако далеко-далеко внизу синѣло маленькою точкою...

Въ иныхъ мѣстахъ, когда уже нѣсколько разсвѣло,

онъ увидѣлъ дрожавшихъ въ воздухѣ сѣренькими крыльшками раннихъ жаворонковъ, у которыхъ глаза еще были закрыты, а они уже висѣли неподвижными точками въ свѣтломъ воздухѣ и полусонные славили своими пѣснями восходящее солнце.

Изъ трубы одного села вылетѣлъ, чуть отразившись въ небѣ, въ серебристой одеждѣ, свѣтлый духъ, держа на рукахъ неподвижную дѣвушку. — Это что такое? спросилъ Явтухъ.

— Это ангелъ Божій уноситъ въ небо душу только-что умершей дѣвушки!—

— "Ужъ не моя-ли это Найда? подумалъ Явтухъ.

Въ другомъ мѣстѣ, онъ совершенно наткнулся на распластаннаго подъ облаками коршуна, который уже зорко глядѣлъ внизъ, въ траву, и выбиралъ себѣ утреннюю пищу. Явтухъ хотѣлъ дать ему по дорогѣ порядочнаго тумака, но одумался, чтобъ не надѣлать шума, и полетѣлъ далѣе...

— А это какія голубыя облака? спросилъ онъ вѣдму.

— Это Черкесскія горы, покрытыя снѣгомъ; и снѣгъ этотъ никогда на нихъ не таетъ!

— Какъ никогда не таетъ?

— Такъ же, никогда!

— Стало быть, и въ косовицу не таетъ?

— И въ косовицу не таетъ?

— Чудеса, — да и только! подумалъ Явтухъ и сталъ

снова всматриваться въ безконечныя пространства земли, выходявшей подъ нимъ изъ ночныхъ сумерекъ.

— «Ну, а то что такое?» спросилъ онъ, указывая на лѣво, черезъ плечо: — «точно жаръ горитъ — должно быть, чумаки лѣса чужіе подожгли?»

— Это городъ Кіевъ, и въ немъ такъ золотыя главы церквей горятъ!

«Э!» — подумалъ про себя Явтухъ: — «какой же важный городъ Кіевъ! да никакъ въ немъ уже и къ заутренней благовѣстятъ?» И онъ еще пристальнѣе началъ вглядываться внизъ. — «Послушай... какъ тебя звать? Мавра Онуфріевна, что-ли?.. это уже и на базаръ выходятъ? ишь ты, какъ народъ повалилъ на улицы; должно быть, ярмарка?»

— «Въ Кіевѣ каждый день ярмарка: ужъ такой хлопче, городъ удался!..» замѣтила вѣдьма, и понеслась еще быстрѣе...

— Да куда тебя несетъ такъ? погоди, скажи-ка, тетушка, гдѣ Москва?

— «Москва, казаче, такъ далеко, что нужно еще въ десять разъ подняться выше, и тогда еще увидишь не всю Москву, а одного Ивана-великаго, да царь-пушку!»

— Ну, а вотъ-то что такое танцуетъ? спросилъ, помолчавъ, Явтухъ.

— То плясавицы, бабы некрещенныя, выходятъ всякое утро, рано на зарѣ, съ распущенными косами, на

вершинахъ кургановъ солнце встрѣчатъ.... Пора, пора! проговорила неровнымъ голосомъ вѣдьма:—надо пѣтуховъ обогнать...

И она помчалась стрѣлою.

— Какъ пѣтуховъ обогнать?

— Подъ нами, какъ пролетали Шаровку, давно уже въ первый разъ прокричали... Въ Пришибѣ прокричатъ еще тогда, какъ успѣешь семьсотъ-семьдесятъ-семь перечестъ; а до третьихъ пѣтуховъ надо все покончить!

— Эхъ ты, мышиная кума, гдѣ ты была! замѣтилъ весело Явтухъ, покачивая головою.

— Что ты сказалъ, хлопче? спросила вѣдьма ласковымъ голосомъ.

— Я говорю, что это такое горитъ и сверкаетъ тамъ внизу, точно красныя коровки ползутъ по зеленой травѣ?

— «Это Софійскъ, ближе Даниловка, на лѣво Чипель, Кунье, Петровское, а прямо слобода Геевка!»

— «Ну, а это какія серебряныя ленты протянулись, точно змѣи по лугамъ?»

— «Это, казаче, рѣки Донецъ, да Торець, съ младшими братьями своими,—тѣ рѣки, на которыхъ живутъ все счастье, да богатство, на которыхъ никогда не бывало скуки, и гдѣ никто не зналъ, что такое недостатокъ варениковъ и горѣлки!»

Явтухъ только крикнулъ на такія рѣчи и подумалъ:

«Даромъ, что вѣдьма, а все-таки бабій умъ; какъ-разъ ввернетъ такое хорошее слово, что только губами чмокнешь, точно тебя медомъ по губамъ помазали!» И не успѣлъ онъ оглянуться, какъ уже земля, болота, городъ и изюмскій лѣсъ съ горою понесли къ нему на встрѣчу.

— Тише, тише! кричалъ Явтухъ, камнемъ падая на кривую березу, которая росла у самой мельниковой хаты...

— «Ничего, хлѣпче! сиди только смирно!» отвѣтила вѣдьма, и тихо онустилась на землю, у порога хаты: «Теперь слѣзай съ меня и отворяй двери; твоя дивчина ихъ перекрестила, и мнѣ туда не войти!»

Явтухъ сталъ на ноги, отправился и приложилъ руки къ щиколдѣ двери.

— «Нѣтъ, погоди! нечистый теперь съ-пьяна спитъ, какъ москаль послѣ ярмарки; такъ ты его не буди, а прямо ступай въ комору и выводи оттуда свою дивчину! Съ косолапымъ же я сама справлюсь!..»

Съ трепетомъ подошелъ Явтухъ къ коморѣ, въ которой спала его ненаглядная Найда. Чуть переводя духъ, онъ взялся за ручку двери; еще въ первый разъ въ жизни онъ переступалъ порогъ, за которымъ спала его суженая... Онъ повернулъ ручку двери и остановился.— Нѣтъ, подумалъ онъ, махнувъ рукою — не войду!» и

прибавилъ шопотомъ, наставивши губы къ замочной скважинѣ:

— «Найда, Найдуся! вставай, одѣвайся, выходи...»

— Кто тамъ? спросилъ тихій, чуть слышный голосъ.

— Это я, Явтухъ... твой Явтухъ, моя крѣпечка!

— А коли ты Явтухъ, а не тотъ, что лежалъ на столѣ, такъ перекрестись: я буду въ щелку смотрѣть!

Явтухъ перекрестился, и дверь тихо скрипнула: Явтухъ и Найда бросились другъ другу на шею...

— Какой же ты странный, Явтусю, въ этомъ нарядѣ!

— Ничего, моя зорочка, пойдѣмъ отсюда; послѣ я тебѣ все разскажу!

Онъ тихо увлекъ ее изъ хаты, и тутъ только, проходя мимо двери, замѣтилъ, какая образина лежала на столѣ, свѣсивъ на полъ ноги и отекшую рогатую голову. Они вышли на крыльцо, а вѣдьма тутъ-же злобно прыгнула въ хату, и скоро тамъ послышалась крики, брань, визгъ, шумъ, и въ растворенную дверь запыхавшаяся вѣдьма вытащила за чубъ мнимаго казака...

— «Вотъ я тебя, подлець!» кричала она, трепля нечистаго за волосы, какъ бабы треплютъ мочки льна: «вотъ я тебя! теперь не скажешь, что не бражничаешь да не гоняешься за дѣвками!»

— «Да что вы! да помилуйте!» кричалъ жалобнымъ

голосомъ сатана, уже опять успѣвшій принять свой собачій образъ.

— «Вотъ я тебя!.. а?.. а? за дѣвками?» и градъ кулаковъ сыпался на сатану.—Къ счастью его, прокричали пѣтухи...

Вѣдьма ухватила чорта одною рукою за хвостъ, повернула его вверхъ ногами и поднялась съ нимъ на воздухъ...

— «Вотъ тебѣ и на!» сказалъ Явтухъ, прижимая къ сердцу свою Найду: «поплатился вражій сынъ! Ишь ты, какъ удираютъ! точно жидъ съ краденымъ индюкомъ на ярмаркѣ... Ну, ужъ ночь!» прибавилъ онъ, нѣжно глядя на Найду и ласкаясь къ ней.

— Да! сказала, вздохнувши, Найда.—А ты гдѣ былъ все это время?

— Въ Крыму былъ! отвѣтилъ Явтухъ.

— Какъ въ Крыму? въ крымскомъ царствѣ?

— Въ крымскомъ царствѣ!

— «Любить брехать хлѣпецъ — а нехотя повѣришь ему, что былъ сегодня въ Крыму!» проговорилъ у Явтуха за плечами басистый голосъ: «нехотя повѣришь послѣ всего, что сейчасъ видѣлъ!»

Явтухъ и Найда оглянулись: за ними, на подѣхавшемъ пустомъ возу, сидѣлъ старый мельникъ и, закинувши къверху голову, смотрѣлъ въ небо.

— «Пропали!» заключилъ онъ, махнувши рукою.

— Все расскажу, дивное расскажу вамъ, Семень Потаповичъ! сказалъ Явтухъ, кланяясь въ поясъ мельнику: ничего не утаю; только отдайте за меня Найдю!

И онъ замеръ, въ ожиданіи роковаго отвѣта. Найда стояла въ сторонѣ, закрывъ лицо рукавомъ.

Мельникъ сбросилъ съ воза кучу пустыхъ мѣшковъ, слѣзъ на земь, перекинулъ на спину лошади возжи и, взявшись руками въ бока, задумался...

— «Развѣ ужъ потому, сказалъ онъ наконецъ: что счастливо продалъ муку въ Чугуевѣ! Такъ и быть, дочка! такъ и быть, Явтухъ! Только уже ты, братъ, не отвертись и расскажешь все какъ было!»...

ХІІІ.

ДѢВОЧКА.

(Лебединая пѣсня объ одной пташкѣ.)

Его высокоблагородіе господинъ полиціймейстеръ Сантуринскій вѣнчался съ туземной барышней. Розами устилался путь новобрачныхъ. Будочники стояли въ новыхъ мундирахъ и съ нафабранными усами. Завитые и распомаженные щеголи выскакивали изъ залы перваго губернскаго парикмахера, мосье Исидора, что на Московской улицѣ (въ какомъ городѣ ихъ у насъ нѣтъ!) и уносились,—кто въ церковь, а кто домой, въ ожиданіи вечера.

Непомѣрно скверенъ былъ только день, мрачно противорѣчившій восторженному настроенію гражданскихъ сердець.

Въ ту минуту, какъ среди смолкнувшаго городского шума и горячечной суеты купцовъ, готовившихъ иллюминацію, кончилась брачная церемонія и счастливый *молодой*, носившій въ одномъ ухѣ вату, а въ другомъ во-

локна морскаго каната, протянулъ свои губы къ розовымъ губкамъ сочetaвшейся съ нимъ барышни, — въ отдаленнѣйшемъ изъ закоулковъ города, къ небольшому домику, подкатила коляска, вся перепачканная грязью. Въ коляскѣ былъ губернской землемѣръ вообще и краснорѣчивый Жюль Фавръ въ особенности, Щуковичъ, перезябшій до-нелзя подъ октябрьскимъ туманомъ и голодный отъ неусыннаго сидѣнія за планами безконечнаго, тщетнаго полюбовнаго размежеванія туземныхъ аборигеновъ. Онъ радъ былъ, что пара сѣрыхъ рысаковъ наконецъ примчала его къ домашнему порогу, и, вбѣжавъ въ переднюю, крикнулъ: «обѣдать!». Нанятый слуга его, Михайло, вмѣсто отвѣта, упалъ ему въ ноги.....

— Это что такое? Что за китайскія церемоніи?

— Такъ и такъ, ваше высокоблагородіе, смилуйтесь! Защитите и спасите сироту безродную; не оставьте моей племянницы.....

— Да что ты за чепуху несешь? Денегъ тебѣ, что-ли, на вышивку нужно? Говори прямо!

Михайло опять въ ноги.

— Нѣтъ не денегъ, а вотъ какая притча.....

Съ этими словами онъ выдернулъ за руку изъ своей канурки дѣвочку, лѣтъ четырнадцати-пятнадцати, въ платочкѣ на головѣ, съ красными и отъ слезъ припухшими глазами.

— Это-съ моя племянница, началъ Михайло, всхлипы-

вая: мы одной деревни; я по паспорту, известно вашей милости, а она въ бѣлошвейной, въ обученіи, у парикмахера Исидора, на Московской, при магазинѣ отдана. Уже второй годъ она у него.... Только французъ этотъ—приударилъ за пей.... Ну, известное дѣло, дитя.... Что-же съ? Убивалась она, плакала, плакала—сбѣжать хотѣла.... А вчерась онъ, окаянный, съ ночи опоилъ ее чѣмъ-то, или такъ задобрилъ, подарилъ, выходитъ-чтоли, лакомствами всякими, заперъ ее подъ видомъ ареста за лѣность.... Ну, а нынче вотъ прибѣжала ко мнѣ.... Что ужъ тутъ!.... Какъ его земля носить, окаяннаго!... продолжалъ Михайло, уже громко рыдая и произнося каждое слово съ усиліемъ.

—Вотъ что! повторялъ про себя Шуковичъ, качая головою, и спросилъ дѣвочку: «Какъ тебя зовутъ?»

—Фрося....

—Правда ли все это, что говоритъ твой дядя?

Слезы закапали изъ глазъ дѣвочки.... Круглыя, побѣлѣвшія отъ страха и отчаянія, полныя губки вздрогнули. Посинѣлое, маленькое личико отклонилось въ сторону. Она стала перебирать конецъ косынки....

—Говори же, не бойся! Правда это?

Дѣвочка опять смолчала. Наконецъ, послѣ долгихъ приставаній Шуковича и Михайлы, чуть слышно отвѣтила:

—Правда....

Кровь кинулась въ голову Шуковича.

Онъ былъ грозою мѣстныхъ Донъ-Кихотовъ и казнокрадовъ, и тщетно три губернатора сряду, правившіе губерніею, старались сбить его съ рукъ. Его спасало собственное начальство. Онъ представлялъ зародышъ тѣхъ адвокатовъ, которымъ суждено, вѣроятно, вскорѣ начать новую эпоху въ русскомъ судопроизводствѣ. Онъ могъ ясно, почти осязательно излагать самыя запутанныя дѣла; онъ уже прославился рѣшеніемъ нѣсколькихъ давнишнихъ процессовъ, ежегодно загромаждавшихъ мѣстныя присутствія горами бумагъ, и губернія кричала о немъ. Со всемъ увлеченіемъ пылкаго юриста, не смотря на свои сорокъ лѣтъ, Щуковичъ бросался на каждое дѣло и велъ его побѣдоносно до конца. Ничемъ не пренебрегалъ онъ. Богачи осыпали его за рѣшеніе своихъ тяжбъ огромною платой, подарками каменныхъ домовъ, рысистыхъ лошадей, экипажей и просто золотомъ; съ бѣдняковъ онъ не бралъ ничего. Разводя въ свободное время садъ при маленькомъ домикѣ, въ концѣ города, гдѣ жилъ онъ самъ, Щуковичъ кромѣ-того страстно слѣдилъ за родною литературой, въ тихомолку пописывалъ стихи, любилъ декламацію и, читая много медицинскихъ сочиненій, занимался даромъ врачебною практикой. Множество бѣдныхъ людей ходили къ нему совѣтоваться, и онъ всемъ помогалъ; а сосѣднія мѣщанки, вдовы-солдатки и хуторяне подгородныхъ сель, считали его отцемъ, за нѣсколько счастли-

выхъ и дѣйствительно поразительныхъ опытовъ леченія самоучкой. Вотъ этотъ-то господинъ крикнулъ: «Лошадей не отпрягать!» посадилъ съ собою въ коляску Михайлу и дѣвочку и полетѣлъ искать суда на обидчика-француза. Никогда еще задоръ такъ не овладѣвалъ Щуковичемъ, какъ теперь. Не обращая вниманія на то, что было уже четыре часа по-полудни и что голодъ давно уже его мучилъ, онъ хотѣлъ разомъ накрыть преступника и, разумѣется, въ голову ему не приходило, чтобы тутъ не одержалъ побѣды *онъ*, одержавшій столько блистательныхъ побѣдъ въ мѣрѣ юридическомъ.

Коляска подлетѣла къ дому младшаго полиціймейстера. Какъ угорѣлый, влетѣлъ Щуковичъ въ переднюю и въ пріемную.

— Павелъ Николаевичъ! нужны ваши быстрыя и неотразимыя мѣры! Вы у меня въ долгу: помогите! Дѣло вопіющее. Я привезъ дѣвочку, одну дѣвочку здѣшнюю. Такъ и такъ....

Младшій полиціймейстеръ, въ ожиданіи вечера у своего главы, отдохавшій послѣ жирнаго обѣда у какого-то купца и разбуженный собственно для Щуковича, выслушалъ его съ измятымъ лицомъ, зѣвнулъ, подошелъ къ зеркалу, взглянулъ на свой языкъ и, глядя бакены отъ ушей къ носу, отвѣтилъ:

— Охъ, ужъ вы мнѣ, адвокаты! Не оберется отъ васъ Россія хлопотъ! Оно, дѣйствительно; этотъ Исидоръ из-

вѣстный пакостникъ и негодяй! Да что-же дѣлать съ нимъ, хоть бы и мнѣ? Не далѣе, какъ вчера, губернаторъ велѣлъ мнѣ подать въ отставку.... ну, я и подалъ! Оно разумѣется: я еще не уволенъ.... Да кто же поручится, что мой пріемникъ не соблазнится на благодарность, со стороны обвиняемаго, и не повернетъ слѣдствія въ его сторону? Вѣдь дѣло уголовное, тутъ пахнетъ острогомъ—и французъ ничего не пожалѣетъ.... Знаю я его!... А кто-съ началъ слѣдствіе-съ? А? Кто началъ? Я-съ, Павелъ Николаевъ сынъ Трощенко! Ну, и упекутъ меня же подъ судъ.... Не могу, никакъ не могу принять вашего дѣла—извините!»

—Къ кому же мнѣ обратиться?!

— Коли такой уже задоръ напалъ тягаться съ французомъ, поѣзжайте къ частному приставу. А еще лучше, оставьте.... Оставьте это безъ вниманія! Мало ли этихъ дѣвчонокъ шляется по городу, и все съ такими-же жалобами. На всякое чиханіе не наздравствуешься! Бросьте! Это мой благой совѣтъ!...

Поѣхалъ Щуковичъ къ частному. Везетъ опять лакея, везетъ и дѣвочку. Уже пять часовъ вечера...

Частнаго пристава застаютъ онъ за бумагами, мрачнаго и небритаго.... Это былъ дикій, зелено-блѣдный, темный, грязный и необщительный человѣкъ. Онъ всегда смотрѣлъ внизъ, взятки бралъ,—не глядя и молча,

и колотилъ будочниковъ собственноручно и также въ полномъ безмолвіи.

— Максимъ Иванычъ! началъ опять Щуковичъ: такъ и такъ; окажите ваше содѣйствіе! Надо наказать одного негодяя.... Исидора! Ей Богу, надо! Я привезъ дѣвочку.... Вотъ она! Такъ и такъ!....

Вмѣсто всякаго замѣчанія, приставъ обратился къ писарю:

— Степанъ! дѣло мѣщанки Саможаренковой!

Писарь уткнулъ носъ въ уголь, повозился тамъ и подалъ пыльную связку бумагъ.

— Вотъ! вотъ видите? А?! Это дѣло-съ того-же-съ самого Исидора. Такихъ дѣлъ, его у насъ же восемь другихъ.... Пу? И вы думаете выиграть свое?.... Отложите попеченіе. Лбомъ стѣны не прошибешь! Такъ-то-съ!

И приставъ началъ опять писать.

— Да я однако-же прошу васъ начать слѣдствіе....

— Дудки!.... Вы думаете, что вы на своемъ вѣку кончите это дѣло? Повторяю: у этого Исидора таковыхъ наберется восемь уже, и все, у бестіи, на счетъ седьмой заповѣди.... Дѣла эти, разумѣется, идутъ своимъ махомъ, а онъ живетъ въ свое удовольствіе! И какъ живетъ, мы и сами не знаемъ.... Отписывается, должно быть, ловко — и все тутъ!

— Это страмъ! У васъ нѣтъ совѣсти, господа, я

вижу! Такое вопіющее беззаконіе, и нѣтъ ему расправы.... Я васъ прошу, требую....

Приставъ понюхалъ табаку, потеръ лобъ и вдругъ, оборотясь всѣмъ тѣломъ къ Щуковичу, отвѣтилъ:

— «Милостивый государь! увольте! У меня жена и дѣти.... Увольте меня, ради Бога, увольте! У васъ связи и знакомства; вы же и законы хорошо знаете! А у меня дѣлъ гибель.... Куда намъ? Избавьте; обратитесь лучше къ младшему полиціймейстеру....»

— Да я у него сейчасъ былъ; онъ къ вамъ меня направилъ. Его отставляютъ....

«Ну и меня отставляютъ! я и забылъ вамъ передать, даже съ радостью поспѣшилъ подхватить пристава: я также подалъ уже въ отставку, коли хотите знать! Не прійму такого дѣла къ слѣдствію. Не могу....»

— Какъ тутъ быть? думалъ Щуковичъ, выходя отъ пристава: одинъ отказывается, другой отказывается! Къ кокому же ѣхать? Къ старшему полиціймейстеру? Но онъ теперь на верху счастія, какъ индѣйскій набобъ, и до горя ли ближняго ему теперь? Женится, жена его станетъ составлять аллегри и всякія лоттерей въ пользу бѣдныхъ. Увидитъ ли она, услышитъ ли хоть разъ истинно-бѣднаго и страждущаго? И что такое моя дѣвочка? Соблазненная служанка! Романъ съ горничной! Эка невидаль! Да и мало-ли ихъ въ самомъ дѣлѣ! Пируйте, ваше высокоблагородіе! Все въ городѣ обстоитъ благополучно; и нравы,

и обычаи страны, и честь, и совѣсть, и имущество гражданъ....

— Куда прикажете ѣхать? спросилъ кучеръ, летя безъ цѣли по мостовой.

— Къ Безходынцеву....

Лошади понеслись опять. На дворѣ уже совсѣмъ стемнѣло....

Безходынцевъ былъ прежде полковникъ изъ гвардейцевъ.

Въ свѣтѣ щеголь и дамскій угодникъ, онъ отличался отмѣнною чистоплотностію; въ дѣлахъ былъ сухъ и кратокъ, стригся подъ гребенку, носилъ изящные бѣлокурые усыки, запускалъ длинные розовые ногти, душился тонкими духами и тайкомъ дома пѣлъ итальянскія аріи, вѣроятно, въ память своей гвардейской молодости. Его вообще любили, но какъ-то нехотя, скупо и пугливо. Самая исторія въ полку, по которой онъ перешелъ изъ гвардіи въ провинцію, впрочемъ, не на бросила на него особенной тѣни. Онъ любилъ книги и стоялъ за молодое поколѣніе. Тѣмъ не менѣе, собственный его козачокъ трепеталъ его, какъ огня.... Шуковичъ засталъ его послѣ обѣда, за роялемъ. Козачокъ сейчасъ его ввелъ. Красивый полковникъ принялъ его безъ эполетъ, извинился, далъ ему сигару и, видя волненіе своего знакомца и гостя, попросилъ его говорить откровенно. Не забылъ опять Шуковичъ и «человѣколюбія» и «вопля поруган-

ной невинности» и «надеждъ скорбящей добродѣтели» и множества другихъ трогательныхъ и размягчающихъ душу выраженій. Щуковичъ кончилъ. Чувствительный полковникъ тотчасъ взялъ перо, провелъ имъ по своимъ щегольскимъ усамъ, помолчалъ, взглянулъ на свои розовые ногти и сталъ писать. Это было письмо къ младшему полиціймейстеру, письмо, надо отдать ему справедливость, такого ѣдкаго содержанія, что когда Щуковичъ опять заѣхалъ къ младшему полиціймейстеру, этотъ послѣдній утеръ лобъ, мгновенно орошенный холоднымъ потомъ, и помѣтилъ прошеніе Щуковича словами: «Такого-то гѣда и числа: принять къ слѣдствію».

— Ну, слава Богу! думалъ Щуковичъ, и поѣхалъ съ помѣченной бумагой въ канцелярію городской полиціи. — Это, впрочемъ, очень любопытно, если *мнѣ*, губернскому пресловутому адвокату, не удалось до этого часа начать этого дѣла; то каково-же было бы начать его самой этой дѣвочкѣ? — Онъ вошелъ въ душную и темную канцелярію. Груды ежечасно-растущихъ бумагъ требовали отъ жрецовъ ихъ и вечерняго присутствія. Канцеляристы хорошо знали Щуковича: любовались ежедневно его рысаками, передавали другъ другу его юридическія побѣды, встрѣчали его съ поклонами, съ улыбками, и вообще смотрѣли на него дружески.

— Какъ? и вы здѣсь? спросилъ одинъ изъ столоня-

чальниковъ, добивавшійся со всѣми быть за пани-брата: и вы въ насъ, грѣшныхъ, имѣете нужду?

— Да, здѣсь! Что-же дѣлать!

— А что у васъ за дѣльцо? Должокъ, чай, на комъ-нибудь, или свидѣтельство какое отъ полиціи нужно?

— Нѣтъ, а вотъ что-съ....

И Щуковичъ разсказалъ снова свое дѣло. Бумага его, съ помѣткой младшаго полиціймейстера, прочтена.

Канцеляристы окружили адвоката и его сопутниковъ.

— Господа, я васъ прошу скорѣе начать это дѣло....

— Да что-же вы торопитесь? Не хотите-ли посидѣть? Вотъ папироска; не угодно-ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, господа, избавьте; я еще не обѣдалъ!

Начинайте слѣдствіе — и съ Богомъ....

Любезный столоначальникъ пожалъ плечами.

— Вы торопитесь непременно? сказалъ онъ: не понимаю; а, впрочемъ, дневальный! Позвать сюда Марѳу!

— Кто это Марѳа? спросилъ Щуковичъ.

— А это одна солдатка! Она у насъ ходокъ по этой части! Вѣдь такихъ дѣлъ у насъ каждый мѣсяцъ гибель....

— Да помилуйте, перебилъ Щуковичъ: тутъ нужна врачебная управа, а не солдатка Марѳа!

Столоначальникъ расхохотался во все горло.

— Управа?! Полноте; ну, стоитъ-ли созывать для всякой дряни врачебную управу! Мы и такъ обойдемся, полноте...

— Ну, уже нѣтъ, не обойдетесь! Взгляните сюда!

Щуковичъ раскрылъ сводъ законовъ, на-скоро перелистовалъ его, указалъ статью, и чиновники, волей-неволей, должны были уступить ему.

Было восемь часовъ вечера, когда Щуковичъ, послѣ первыхъ успѣшныхъ формальностей, поѣхалъ домой. Городъ уже горѣлъ иллюминаціей. Экипажи сновали и прыгали по мостовой, а соборная церковь кипѣла свидѣтелями счастливаго событія въ семьѣ главы городской полиціи. Вѣнчаніе совершилось и гости выходили уже изъ церкви. Хожалые кричали: «Карету Мырина!» — «Карету Стов-бенко!» — и просто: «Иванъ Васильча кà-рè-ту!»

Наконецъ Щуковичъ сѣлъ за столъ и налилъ тарелку борщу. Тутъ-же, возлѣ него, на особомъ столикѣ, велѣно было приготовить обѣдать и виновницѣ поѣздокъ къ центрамъ правосудія.

— Ну, Фрося, много-же васъ всѣхъ у француза? началъ Щуковичъ. Фрося не отвѣчала и не трогала пищи.

— Эка, бѣдная ты: точно горемъ подавилась! замѣтилъ Михайло.

Щуковичъ не настаивалъ; кончилъ обѣдъ, выслалъ Михайлу и сталъ спрашивать Фросю о ея житьѣ-бытьѣ у француза. Сперва она отмалчивалась; то тупо глядѣла въ полъ, то вертѣла конецъ стараго головного

платка, то вдругъ заливалась самыми горькими быстрыми слезами и, ломая руки, взглядывала то въ окно, откуда будто ей грозила невидимая рука, то на образъ. Ее всего больше убивала мысль: «Что скажетъ ей и что сдѣлаетъ съ нею мать?»—Щуковичъ побожился, что защититъ ее передъ матерью, и у нея, жившей въ сосѣдной губерніи, выпроситъ ей позволеніе воротиться домой, въ деревню. «Нѣтъ! не пуститъ меня мать въ деревню! Я уже два года въ обученіи и уже аглицкимъ шитьемъ стала шить. Не пуститъ! А еще четыре тоже дѣвочки учатся въ швейной у Исидора! Не пуститъ!» Изъ словъ Фроси оказалось, что подъ видомъ родства Исидоръ помѣстилъ, этажемъ выше себя, надъ магазиномъ своимъ, какую-то французенку *мамзель Пуссенъ*, и выхлопоталъ ей право держать швейную. Что эта швейная содержится на его деньги, а мамзель Пуссенъ только принимаетъ заказы. Что въ первыхъ комнатахъ у нея чисто, а во внутреннихъ духота и нечистота. Что дѣвочки у нее голодаютъ, а по почамъ работаютъ на себя, чтобы хоть два раза въ недѣлю на складчину ѣсть мясо. Что у нихъ нѣтъ ни бѣлья, ни одѣяль, ни шубъ; все спятъ въ-повалку на полу и чередуются зимой, кому спать ближе къ печи, а кому къ двери, откуда иногда надуваетъ на полъ изъ сѣней снѣгу. Что мамзель Пуссенъ старая дѣвка, бьетъ уютными брусками дѣвочекъ по головѣ до крови и со злости выщипываетъ иногда съ го-

ловы имъ волосы, а у одной вырвала въ бѣшенствѣ бровь, за то, что ту всѣ подруги хвалили за хорошенькія соболиныя бровки; что многія бѣлошвейки слѣпнуть у нея надъ шитьемъ золотомъ; что наконецъ «новенькихъ» она всегда ласкаетъ, и какъ только такая явится, къ мамзель Пуссенъ сейчасъ снизу начинаетъ Исидоръ ходить обѣдать, а послѣ пристааетъ къ новенькой съ глупостями, и когда та обратитъ вниманіе на него, то такую всѣ другіе дѣвочки долго зовутъ послѣ того французенкой и аристократкой. А взрослымъ и сама мамзель Пуссенъ говоритъ: «На тебя твои родные шлютъ одежду, да я ее продаю; а теперь ты и сама на возрастѣ, и можешь себя одѣть!» Ну, и одѣваются онѣ на свой счетъ....

Заварилось дѣло. Начали писать и отписываться. Щуковичъ лѣсъ изъ-кожи, чтобы побѣдить....

Благодѣтели, безъ сомнѣнія, тотчасъ перекинули вѣсточку самому Исидору, что вотъ, моль, на него поступилъ такой-то и такой-то искъ, и еще не отъ простаго какого-нибудь челобитчика, а отъ самого Щуковича. Потерялся было, не-на-шутку, съ перваго разу Исидоръ, знавшій таланты Щуковича по слухамъ и брившій лично нѣсколько разъ его благородныя щеки; даже гнусно потерялся, до того, что безъ причины надѣлъ старенькую рыжую шинельку, въ которой впервые явился въ Россію изъ Франціи и которую надѣвалъ только по

ночамъ, и въ ней пошелъ ходить по улицамъ. Его просто пришибла неожиданная мысль: «Чѣмъ я куплю мосье Щуковича, чѣмъ я куплю его? Его ничѣмъ не купишь! Да!» думалъ онъ и, дрожа отъ трусости, чувствовалъ уже, какъ его вели по улицѣ русскіе солдаты и какъ за нимъ со скрыпомъ замыкались дѣвери губернскаго острога. Поздно онъ воротился въ тотъ же день домой и двое сутокъ лично не принималъ гостей въ своемъ магазинѣ, гдѣ такъ ловко онъ покручивалъ всегда свои бѣлокурые усики, картавя безъ милосердія и встрѣчному и поперечному рапортуя о своихъ маленькихъ любовныхъ интрижкахъ, при чемъ, разумѣется, смиренныя личности Фроси и какой-нибудь Маши дерзко замѣнялись фамиліями туземныхъ великосвѣтскихъ барынь и даже барышень. Сильно затосковалъ французъ....

Только черезъ пять дней дѣло его устроилось какъ-то такъ, что печальный Исидоръ неожиданно поднялъ носъ, съ улыбкой появился снова въ магазинѣ и сталъ еще болѣе прежняго развязенъ. Имя Щуковича болѣе не пугало его. Онъ даже самъ затѣялъ дать острастку знаменитому адвокату. Въ видѣ диверсіоннаго отряда былъ для этого посланъ къ нему коммѣ изъ магазина....

Сидѣлъ Щуковичъ дома вечеромъ и пилъ чай. На порогѣ явился развязный незнакомецъ, въ общипанномъ кургузомъ полуфракѣ, съ пуговицами въ ладонь величиною и въ желто-зеленыхъ крокодиловыхъ брюкахъ. Это былъ

подмастерье Исидора, ярославскій мѣщанинъ, съ сѣрыми глазами на выкатѣ, съ румяными щеками и съ лошадиными губами, корчившій изъ себя француза, для чего постоянно кричалъ другимъ мальчишкамъ въ магазинѣ: «мальшикъ, шипси!» или: «мальшикъ, мосье папирось э-дю-фѣ!»— Войдя къ Щуковичу, офранцуженный Этьеннь, а православный Стѣпка, бойко тряхнулъ волосами и отрапортовалъ: «Мосье Исидоръ поручили вамъ сказать, что если вы переманиваете изъ швейной ихъ сестры лѣнивыхъ дѣвокъ, то они вамъ и остальныхъ всѣхъ оттуда вышлютъ!»—Щуковичъ вспыхнулъ.... «Ахъ ты, мерзавецъ!» крикнулъ онъ и схватилъ шандаль, въ намѣреніи пустить имъ въ мнимаго француза Этьена. Но консервативная природа взяла верхъ, и Стѣпка выскочилъ невредимъ и цѣлъ изъ квартиры Щуковича. Исидоръ однакоже не угомонился и, съ безпримѣрною наглостію, буквально исполнилъ свою угрозу. Какъ-то опять Щуковичъ воротился поздно изъ присутствія; во дворѣ его встрѣтила толпа изъ семи дѣвочекъ, безъ платковъ на головѣ и босикомъ по морозу. Всѣ дрожали и, заливаясь слезами, объявили, что ихъ прогнали къ нему мамзель Пуссѣнъ и Мосье Исидоръ. Щуковичъ долженъ былъ помѣстить ихъ у себя на хлѣбахъ, пока полиція прійметъ свои мѣры.

— «Нѣтъ, это уже изъ рукъ вонъ! подумалъ Щуковичъ: это превосходить всякую степень дерзости! Была, не была!» и онъ поѣхалъ объясниться къ губернатору

лицу дѣйствительно очень доброму и любившему показать, что онъ самостоятеленъ. Губернаторъ принялъ дѣло къ сердцу. Самъ осмотрѣлъ все бумаги по слѣдствію, гдѣ оказались уже и подчистки и ложныя показанія. Все дѣло поручено переизслѣдовать губернаторскому адъютанту. Юноша адъютантъ принялся за дѣло тѣмъ, что цѣлый вечеръ просидѣлъ у Щуковича, выкурилъ пять отличныхъ сигаръ, много говорилъ о злоупотребленіяхъ всякаго рода въ отечествѣ, признался, что не получаетъ никакихъ журналовъ, но что теперь, «подпишется непременно!» — («и опять врѣтъ!» подумалъ на это Щуковичъ) рассказалъ планъ, по которому думалъ начать слѣдствіе и кончилъ тѣмъ, что на первомъ же балѣ въ городѣ за-вертѣлся и забылъ обо всемъ сказанномъ....

А въ дѣлѣ явился новый эпизодъ....

Сидѣлъ какъ-то, снова ночь вечеръ, Щуковичъ дома и пилъ чай. Говорятъ ему, что за нимъ присланъ экипажъ отъ госпожи Дымоглотовой.

— Кто это такая Дымоглотова?

— Это по довѣренности матери Фроси! робко отвѣчаетъ Михайло:—пріѣхала, говорятъ, нарочно изъ своей вотчины и остановились въ трактирѣ Венеція....

Поѣхалъ Щуковичъ въ Венецію, мимоходомъ взглянувши, при надѣваніи шубы, за перегородку, въ канурку Михайлы. Фрося, съ тѣмъ-же еще напряженіемъ, молча сидѣла въ уголку и шевелила ногой оборку поношеннаго

своего, старенькаго платья. Покраснѣлый кончикъ носа ясно выражалъ, что до нея уже дошелъ слухъ о пріѣздѣ Дымогловой и что она хорошо обдумала встрѣчу съ нею.

Въ указанномъ номерѣ гостиницы, Щуковича пріѣхавшая встрѣтила довольно суровая и полная барыня, круглая и неповоротливая, какъ кочанъ брюквы, съ короткими руками и въ чепцѣ съ лиловыми лентами. Стоя у стола и судорожно тормоша на груди кашемировый платокъ, она двинулась было впередъ и остановилась, какъ бы совѣстясь...

— Рекомендую—мужъ мой! сказала она, сунувши руку въ направленіи къ мужчине средняго роста и заспанной наружности, который тѣмъ временемъ однако довольно спокойно мялся у стѣны. — Благодаримъ васъ за хлопоты... что вы приняли на себя труды... такъ сказать, постарались за эту дѣвку! прибавила пріѣзжая.

— Помилуйте, подхватилъ Щуковичъ, садясь въ кресло и съ жаромъ обращаясь къ ласковымъ супругамъ:— да это былъ мой долгъ, долгъ совѣсти, человѣколюбія!

Заспанный мужъ, крутя усы, крикнулъ и подступилъ ближе. Это былъ чистѣйшій образецъ отставнаго бурбона, съ вздутыми толстыми губами, точно пчелы ихъ искусали, съ широкимъ краснымъ затылкомъ, прикрытымъ галстухомъ, съ пряжкой, и мѣдноцвѣтнымъ рябоватымъ лицомъ, на щекахъ котораго къ губамъ уздечкой протягивались тоненькіе рыжеватые бакены.

— Э, милостивой государь! Э, мы вамъ очень-съ благодарны; э, но.... Онъ немного говорилъ въ носъ.

Мужъ и жена приблизились къ столу.

— Что такое? спросилъ Щуковичъ.

Приѣзжая госпожа крякнула и судорожно, безъ нужды, стала подтягивать подъ бородою ленты у чепца.

— Э, но, продолжалъ супругъ: хоть мы и благодарны вамъ, но просимъ васъ болѣе не вмѣшиваться въ это дѣло!

Ноги у Щуковича дрогнули сами собою.

— Какъ-съ не вмѣшиваться?

— Да также-съ! замѣтилъ, подступая уже почти въ упоръ и крутя усы, супругъ: мы думаемъ итти съ французомъ на мировую....

Щуковичъ улыбулся.

— На мировую? Да развѣ вы съ нимъ ссорились?

Онъ думалъ не на шутку, что его мистифируютъ.

— Безъ каламбуровъ, безъ каламбуровъ! Па-а-жалуста прошу васъ! замѣтилъ еще громче и грознѣе супругъ Дымогловъ.— Мы приѣхали, чтобъ покончить это дѣло домашними средствами.... Понимаете?! Исидоръ добрый человѣкъ, и его оклеветали.... А мы имѣемъ отъ ея матери полную довѣренность во всемъ!...

Щуковичъ былъ разгромленъ. Онъ рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать: смѣяться ли, плакать ли, или, не долго думая, взять да и плюнуть прямо въ сѣрые, заплывшіе и сонные глаза нецеремоннаго бакенбардиста....

— Да-съ, полную довѣренность! не хотите ли покурить? спокойно добавилъ супругъ Дымогловъ и отправился набивать себѣ трубку. У жены глаза такъ и бѣгали, а руки по прежнему возились то у чепца, то у кашемировой шали.

— Но бѣдная дѣвочка? залепеталъ Щуковичъ: честь ея? Вѣдь это единственное, единственное достояніе этого существа... все, что она только имѣетъ и что можетъ въ будущемъ принести въ наслѣдство своимъ дѣтямъ....

Дымогловъ опять, плечомъ впередъ, подступилъ къ нему.

— А неуждно ли вамъ, милостивой государь, сказалъ онъ шопотомъ и держа кулакъ передъ собою:—убираться съ вашими нѣжностями.... Мы-съ люди простые-съ, военная косточка.... мы смотримъ на вещи прямо, не умствуя....

Щуковичъ всталъ, хотѣлъ что-то сказать и поклонился.

— Мнѣ точно остается только уйти! сказалъ онъ съ улыбкой, видя, на какихъ людей напалъ:—успокойтесь! Защищайте, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, Исидора! Не онъ ли и вызвалъ васъ сюда?... Но знайте, этому дѣлу только два исхода: или дѣвочка останется при своемъ показаніи и тогда французъ попадетъ въ острогъ; если же она покажетъ, что оболгала его по напрасну и взнесетъ бѣду на другаго.... Въ послѣднемъ случаѣ, ее оставить, до совершеннолѣтія, подъ присмотромъ полиціи, а потомъ... сошлютъ.... Какъ-то тогда, сударыня, зашевелится у васъ совѣсть?!

Сударыня однако-же пребыла въ полномъ молчаніи и спокойны остались торчавшія на головѣ ея лиловыя ленты. А мужъ, куря трубку, просто указалъ Щуковичу двери...

Фрося, между тѣмъ, продолжала жить у дядя за перегородкой, копаясь въ разной рухляди, штопая старое платье, перетирая посуду и изрѣдка порываясь напѣвать подъ носъ разныя пѣсенки. Она уже успокоилась и свѣженькая улыбка не покидала ея прежде убитого и запуганнаго лица; синенькія глазки смотрѣли ласково, а косы тщательно заплетались уже и клались вокругъ головы толстенькимъ вѣночкомъ.

Но не далѣе, какъ черезъ двѣ недѣли, Щуковичъ уже не узналъ ея болѣе. По утрамъ прежде онъ училъ ее молитвамъ и простому счету, купилъ ей ситцу на платье и любовался ея дѣтской копотливостью. Тутъ вдругъ она опять усѣлась въ уголь, надулась, стала рѣдко отвѣчать на всѣ вопросы, перестала заботливо чесаться, болѣе не штопала, выходила уже за ворота, болтала съ прохожими, а одинъ разъ, какъ-то послѣ обѣда, приодѣлась и безъ спросу куда-то ушла тайкомъ, не возвращалась до поздняго вечера и пришла тихо за перегородку, но уже не съ пустыми руками, а съ узелкомъ орѣховъ и въ-поль-пьяна. Михайло все это видѣлъ. Замѣтилъ и Щуковичъ...

— Михайло! Это что?! Гдѣ Фрося была? спросилъ онъ.

Михайло злобно покачалъ головой, вытирая стаканы, глянулъ въ сторону перегородки и прошипѣлъ:

— Таскалась тоже въ Венецію!

— Это какъ?

— Сестру мою, а ея, значитъ, мать привезли тоже изъ деревни, съ нарочнымъ....

— Ну?

— Мать-то ее сдуру и выманила отсюда тайкомъ, еще и вчера за ней на извозикѣ пріѣзжала; значитъ, сбиваютъ, чтобъ отказалась отъ всѣхъ своихъ показаній... Весь вечеръ уговаривала ее безстыжая корга, сама... свое дѣтище-то на кухнѣ; говоритъ, даже медомъ потчивали... Ну, и пошатнулась, видно дѣвка! Сама уже и хвастаетъ, что мать-то ей и серьги купила и въ театръ обѣщала взять....

— Гдѣ она? гдѣ Фрося? крикнулъ Щуковичъ, идя за перегородку...

Михайло, передъ тѣмъ уходившій на кухню, глянулъ за перегородку, откуда былъ другой выходъ въ корридоръ, и ахнулъ.

— Нѣту-съ.... Опять, должно быть, ушла туда-же, за видѣвши, что вы рано воротились домой; да вѣрно, и все убѣжала; вонъ и тряпье свое разбросала....

Вошелъ Щуковичъ за перегородку. На тюфякѣ Михайлы лежалъ кусокъ дряннаго ситца, а въ платкѣ лежало нѣсколько горстей орѣховъ. Новенькіе козловые, должно быть тоже подаренные, башмаки засунуты были подъ подушку.

— Ахъ, ты, пташка, пташка! И за что себя продала! крикнулъ Михайло ударивши себя въ грудь.

А Фрося точно уже совсѣмъ переселилась въ Венецію. На ней явилось новенькое зеленое съ мушками платье. Въ карманѣ ея завелся полтинникъ, а отъ волосъ стало нести розеткой. По вечерамъ, когда фонари зажигались на главной улицѣ, у воротъ Венеціи, окруженная поварами и конюхами, Фрося садилась на лавочку и, смѣясь и грызя во весь ротъ орѣхи, рассказывала о своемъ житьѣ-бытьѣ у француза, отпускала иногда безмысленныя, на французскій ладъ фразы, въ родѣ: «Команъ-ву-порте-ву!» или: «Ке-ле-ма-шеръ, боку-са-ва!» и праздная челядь награждала ее взрывами самаго дурацкаго хохота и навязчивыми грубыми ласками.

— «Что тутъ однако дѣлается? подумаль однажды Щуковичъ и рѣшился узнать о ходѣ дѣла у самаго губернатора: здѣсь что-то темно и загадочно?» — Онъ поѣхалъ къ губернатору.

Губернаторъ, на первый вопросъ, съ грустною улыбкою подалъ Щуковичу бумагу, принятую имъ отъ Дымоглотовой, слѣдующаго содержанія: «Ваше превосходительство! Извѣстныя всѣмъ благодѣнія ваши несчастнымъ и обижаемымъ страдальцамъ побуждаютъ меня насей разъ прибѣгнуть къ вамъ. Извѣстный кляузникъ и крючекъ, здѣшній адвокатъ Щуковичъ, вмѣшался въ дѣла дочери

довѣрительницы моей, по имени Евфросиніи Александровой Индюковой, замараль понапрасну доносомъ бывшаго французскаго, а нынѣ русскаго подданнаго, извѣстнаго здѣшняго парикмахера, Исидора-Салэ.—Дѣвочка же эта давно замѣчена нами въ порочномъ и безнравственномъ поведеніи и отдана для исправленія въ швейную, при модномъ магазинѣ двоюродной сестры Исидора, мамзель Пуссѣнъ. Она тамъ лѣнилась, не хотѣла учиться и бѣжала къ этому Щуковичу, гдѣ служитъ ея дядя, Михайло Индюковъ. Тамъ она Щуковичу, а при его содѣйствіи и самой полиціи, дала ложный извѣтъ на Исидора, а нынѣ, при моемъ вразумленіи о пагубѣ своей души во всемъ чистосердечно раскаялась и созналась на бумагѣ при подписаніи свидѣтелями: отставнымъ квартальнымъ надзирателемъ Бордуновымъ и купеческими сыновьями Сырейщиковыми и Добросвѣтовыми. А посему, прося ваше превосходительство о прекращеніи названнаго дѣла по жалобѣ указанной Евфросиніи на парикмахера Исидора, и о взысканіи по законамъ съ Щуковича, за непрошенное вмѣшательство въ неподлежащія ему и вымышленныя дѣла, пребываю такая-то подпоручица Дарья Аркадьева дочь Дымоглотова.»

— Ну, что-съ? спросилъ губернаторъ.

— Это верхъ наглости, ваше превосходительство!..

— Что же дѣлать? У нее довѣренность.... Но, нѣтъ, разбить ихъ стачку, разбить! говорилъ съ сердцемъ гу-

бернаторъ и велѣлъ своему адъютанту, тому самому, который за танцами одного вечера забылъ вовсе о порученномъ ему дѣлѣ—принять къ этому тотчасъ, немедленно и самыя строжайшія мѣры...

Адъютантъ опять всполошился. Ему совѣстно было передъ Щуковичемъ. Да еще передъ тѣмъ онъ сильно проигрался въ карты и почему-то усердно сталъ работать по службѣ. Кинулся онъ съ Щуковичемъ къ дѣвочкѣ, призвали ее въ полицію; но она уперлась на своемъ: «Обнесла я по злобѣ мосье Исидора!» да и баста. Ничего болѣе отъ нея не узнали.—«Кто же... на кого-же ты покажешь?»... допрашивали ее въ полиціи.—«Нашъ поваръ Никишка... это онъ!» не краснѣя, сказала Фрося. Позвали Никишку. Но отъ этого ничего уже не добились. Перепуганный зовомъ въ полицію, онъ только молчалъ, глупо смотрѣлъ на всѣхъ сѣрыми, потухшими отъ страха и блуждающими глазами, и едва шевелилъ бѣлыми, какъ мѣлъ, губами...

Тѣмъ исторія и кончилась.

Щуковичъ, озабоченный кучею другихъ дѣлъ, тоже ее бросилъ.

Мосье Исидоръ остался въ томъ-же магазинѣ и въ томъ-же городѣ.

Фрося, говорятъ, совершенно утѣшилась, и живетъ уже на вольной квартирѣ, работая той-же мамзель Пус-

сѣнь по штучно. Недавно я видѣлъ ее на извощикѣ, съ толстымъ драгуномъ....

За-то, проѣзжая нашъ украинскій городъ, вы можете видѣть, на главной его улицѣ, рядъ зеркальныхъ оконъ, чугунное крыльцо и рѣзныя двери прелестнѣйшаго парикмахерскаго магазина. Раззолоченныя вывѣски, въ сажень величиною, цѣпляются по веѣмъ стѣнамъ, карнизамъ и даже по крыльцу магазина. А въ окна смотрятъ кучи блестящихъ тросточекъ, цѣпочекъ, банокъ, склянокъ, запонокъ, бѣлья, платья, книгъ и галстуховъ. Уже въ самыхъ дверяхъ, при входѣ, встрѣчаетъ васъ запахъ лоделаванда и прижженныхъ волосъ. За дверью же самъ хозяинъ, прелюбезнѣйшій господинъ, съ тонкими, нѣжными чертами лица, очаруетъ васъ своею постоянною улыбкой и бѣлокурыми усиками. Подъ предлогомъ завивки волосъ, онъ сбываетъ вамъ голландское бѣлье; подъ предлогомъ стрижки, сбываетъ романы новѣйшей парижской фабрикаціи. И, пересыная работу свою и своихъ подмастерьевъ анекдотами о своихъ похожденияхъ, онъ тутъ-же лепечетъ о Бонапарте и объ англійскомъ парламентѣ, о дѣлахъ Китая и о турецкомъ займѣ, вскрикивая: «Voici le dernier numero de l'Independance Belge! Lamartine est hors de Paris! Lamoricière revient.... Мальшикъ ишò шипси!» И православный Стѣпка, въ кургузомъ полуфракѣ и въ желтозеленыхъ, крокодиловыхъ брюкахъ, передаетъ его приказъ далѣе, тѣмъ-же тономъ: «Мальшикъ: ишò шипси!»

На вывѣскѣ магазина красуется та же надпись:

Isidor de Paris.

Gants-Linges-Frisure.

Perruques.

Salons pour la coupe des cheveux.

Bibliothèque de lecture.

Прохожіе любятъся золотыми словами вывѣски, хлыстиками, банками и галстухами. А въ кругу искреннихъ пріятелей, двухъ-трехъ соотечественниковъ магазинщиковъ, изъ мѣстной французской колоніи, мосье Исидоръ даже вовсе уже не церемонится и говоритъ, весело отзываясь о заведенныхъ съ нимъ разными матерями дѣлахъ, и выпивши стаканъ роднаго шаблі, по русски, какъ любятъ говорить вообще подкутившіе иностранцы въ Россіи: «О!! Я такой шилавѣкъ, такой шилавѣкъ, que lorsque je veux, когда я хочу,—штобъ никто не каділь по моей улицѣ, то никто, personne, personne, и не будить кадіть!»

И пріятелямъ его кажется, что дѣйствительно, если Исидоръ захочетъ, то не только человѣкъ, даже самое солнце, освѣщающее окрестныя смиренныя поля и луга, не посмѣетъ заглянуть въ улицу, гдѣ широко раскинулись блестящія вывѣски магазина безцеремоннаго и блаженнаго французика....

Это, господа, былъ!...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть III.

	<i>Стран.</i>
9. Старосвѣтскій маляръ изъ Борисовки.....	1
10. Чумаки (изъ путевыхъ замѣтокъ 1856 года)	63
11. Былое и новое	201
12. Изюмскія вечерницы (изъ святочныхъ разсказовъ просто- народія).....	217
13. Дѣвочка (Лебединая пѣсня объ одной пташкѣ).....	259

2007052577